ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Барциц Валерия Игоревна

Взаимодействие российской и иностранных юрисдикций в гражданском судопроизводстве

Шифр научной специальности: 5.1.3.
«*Частно-правовые (цивилистические) науки*»

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук
Зайцев Олег Владимирович

Москва–2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ……..……3

ГЛАВА I. Глобальная конкуренция национальных юрисдикций …..…29

1.1. Понятие, основные виды и характеристики юрисдикции……29

1.2. Принципы выбора гражданской юрисдикции в условиях конкуренции национальных юрисдикций ……66

ГЛАВА 2. Правовые механизмы сотрудничества российских и иностранных судов при осуществлении гражданского судопроизводства …104

2.1. «Диалог судей» как инструмент взаимодействия разных юрисдикций……..105

2.2. «Интеграционное правосудие» в сфере гражданского права: соотношение решений российских судов и судов интеграционных объединений……...…134

2.3. Исполнение решений по гражданским делам иностранных судов в России и российских судов за рубежом, доктринальные подходы и политико-правовые условия ……145

ГЛАВА 3. Перспективы обеспечения привлекательности российской юрисдикции в сфере гражданского судопроизводства ……..…156

3.1. Факторы привлекательности юрисдикции России в сфере гражданского права и современные вызовы……..…156

3. 2. Особенности взаимодействия российских судов и иностранных судов по рассмотрению гражданских споров в условиях санкций……165

3.3. Механизмы правового регулирования исполнения решений по гражданским делам российских судов за рубежом и иностранных судов в Российской Федерации……...203

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……214

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ……..…222

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ……224

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Современный мир в образном представлении все чаще сравнивается с оживленной дорожной сетью с множеством перекрестков. В воображении юристов перекрестки – места соприкосновения различных правовых систем, взаимовлияния, сотрудничества и конкуренции национальных и международных юрисдикций. Компании и граждане различных государств все активнее вступают в отношения между собой поверх границ. Этому способствуют путешествия, работа и учеба за рубежом, международная торговля и активные международные связи компаний. В результате трансграничных контактов возникают внешнеторговые сделки и разнообразные гражданско-правовые отношения и, как следствие, гражданско-правовые споры как по существу, так и о месте и применимом праве рассмотрения спора. Конкуренция (борьба) национальных юрисдикций становится все более напряженной и превращается в субстантивный элемент модели взаимодействия правовых систем.

Изучение вопросов конкуренции юрисдикций позволяет представить основные тенденции, базовые мета-процессы развития. Среди них следует особо выделить все более тесное переплетение частноправового регулирования и публичного права, которое особенно наглядно в вопросах юрисдикции. Подобная наглядность становится все более очевидной по мере количественного и качественного развития международного экономического сотрудничества, с одной стороны, и возрастающего стремления государств на фоне этих процессов

обеспечить привлекательность своих юрисдикций для отечественных и иностранных экономических субъектов, с другой.

Государства при этом используют различные публично-правовые методы, направленные на: а) формирование системы многосторонних и двусторонних соглашений по выработке механизмов разрешения противоречий между экономическими субъектами и гражданами; б) создание условий для защиты интересов национального бизнеса и граждан; в) повышение эффективности функционирования судов (арбитражей).

Следует выделить две разнонаправленные тенденции при характеристике современной системы взаимодействия юрисдикций. Общая тенденция объясняется потребностями развития экономического сотрудничества государств, что способствует формированию механизмов исполнения решений иностранных судов, закрепления этих правил и процедур во все возрастающем перечне международных соглашений и правовых актах национального законодательства. В то же время государства все активнее используют тезис о несовместимости иностранных решений с национальным законодательством под лозунгом необходимости «защиты публичного порядка». В этих условиях особую актуальность приобретает анализ механизмов, посредством которых различные юрисдикции взаимодействуют друг с другом, изучение правил подобного взаимодействия и выделение причин, при которых одна юрисдикция при рассмотрении конкретного гражданско-правового спора получает преимущество над другой.

В условиях предпринятых против России санкций, равно как и по мере их преодоления актуализируются задачи разрешения споров и вопросов, которые неминуемо возникают в ходе сотрудничества экономических субъектов и граждан. Эта тематика актуализирует вопрос сочетаемости судебных решений судов России и других стран, взаимодействия российской и иностранной юрисдикций.

Преодолеть обостряющиеся между юрисдикциями противоречия призваны не только международные многосторонние и двусторонние договоры, но и

механизм «диалога судей». Диалог нужен не только судьям, работающим в разных государствах и в разных правовых системах: механизмы «диалога судей» все активнее используются при разрешении различных толкований права и в рамках одной национальной правовой системы. Подобный диалог прежде всего необходим при разрешении противоречий между различными ветвями одной судебной системы. Механизмы диалога судей (применительно к данному исследованию участвующих в гражданском и арбитражном разрешении споров) перспективны в формирующихся системах взаимодействия судебных систем стран постсоветского пространства, прежде всего в рамках ЕАЭС, а также БРИКС+.

Удержать в собственной национальной юрисдикции гражданско-правовые и арбитражные споры своих компаний и привлечь в свою юрисдикцию споры с иностранным элементом стремятся все значимые государства. При этом интересы государств выходят далеко за пределы финансовой выгоды и имиджевых последствий. Преследуя цели повышения качества деятельности судебных систем, формирования привлекательной и конкурентоспособной юрисдикции, страны не в меньшей степени озабочены сохранением своей правовой идентичности, тех ценностей и принципов, которые они считают фундаментальными для своих обществ. Поэтому сохранение правовой идентичности при развитии правовых систем в условиях глобализации и обострения конфликтов – отдельный аспект исследования.

В настоящей работе преимущественно анализируются частно-правовые механизмы, которые используют суды (арбитражи) при разрешении спорных ситуаций в гражданско-правовом обороте, регулировании гражданских состояний, защите прав и законных интересов физических и юридических лиц посредством гражданского судопроизводства. Осложнение геополитических процессов предопределяет дополнительное внимание к вопросам выбора юрисдикции, качества судопроизводства, признания и исполнения решений российских судов за рубежом и иностранных судов в Российской Федерации, что придает исследованию особую актуальность.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью диссертационного исследования является представление концепции взаимодействия российской и иностранных юрисдикций в гражданском судопроизводстве в современных условиях (геополитические сложности, возрастание неопределенности относительно перспектив международного правового регулирования исполнения судебных решений, санкционные режимы).

Достижение обозначенной цели обеспечивается при решении следующего перечня задач:

– раскрытие понятия, основных видов и характеристик юрисдикции как базовой правовой категории, через анализ актуального понимания которой можно представить основные тенденции развития права;

– исследование воздействия фактора конкуренции на гражданскую юрисдикцию и судебные решения;

– характеристика факторов, содействующих или, напротив, препятствующих повышению привлекательности юрисдикции России в сфере гражданского (арбитражного) судопроизводства;

– анализ основных признаков конкуренции (взаимодействия, сотрудничества, противостояния) различных юрисдикций при регулировании гражданско-правовых отношений;

– изучение практики признания и исполнения (экзекватуры) решений иностранных судов в Российской Федерации и российских судов за рубежом, разработка правовых механизмов по преодолению возникающих сложностей в данном вопросе;

– представление рекомендаций по совершенствованию правового регулирования исполнения решений по гражданских делам российских судов за рубежом и иностранных судов в России;

– раскрытие особенностей взаимодействия российских судов и иностранных судов по рассмотрению гражданских споров в условиях санкций;

– и, как результат, представление предложений по повышению конкурентоспособности российской юрисдикции в сфере гражданского судопроизводства.

Среди результатов проведенного исследования следует отметить анализ предпринимаемых мер по повышению конкурентоспособности российской юрисдикции, а также конкретные предложения по развитию правового регулирования исполнения решений по гражданским делам российских судов за рубежом и иностранных судов в Российской Федерации.

Объектом исследования выступают правовые акты (международные и национальные), явления и процессы, характеризующие взаимодействие российской и иностранных юрисдикций при разрешении гражданско-правовых споров. Среди актуальных факторов, характеризующих объект исследования, следует отметить усложнение регулирования правил выбора юрисдикции, состоящее в недобросовестной конкуренции и применении мер санкционного давления в отношении российских компаний при рассмотрении споров за рубежом, с одной стороны, и законодательно закрепленные в России протекционистские меры правовой защиты, с другой. Анализ различных аспектов конкуренции юрисдикций в сфере гражданского судопроизводства позволяет определить современное состояние национальной юрисдикции, выделить направления по повышению ее качества и привлекательности.

Предмет исследования образуют закономерности возникновения, функционирования и развития моделей и правовых механизмов взаимодействия российской и иностранных юрисдикций в сфере гражданского судопроизводства. В настоящем исследовании понятие юрисдикции изучается с позиций частного права применительно к деятельности органов правосудия. Вопросы юрисдикции представлены как процессы: а) определения и/или выбора места для судебного (в широком смысле) разрешения возникающих между экономическими субъектами, гражданами вопросов и споров; б) правового регулирования распространения компетенции судебных органов государств на эти вопросы и споры; в) разрешения

вопросов признания и исполнения (экзекватуры) решений иностранных судов по гражданско-правовым спорам.

Поэтому в настоящем исследовании рассматриваются: а) проблемы взаимодействия судебных систем различных государств (в рамках коллизий, разрешаемых способами международного частного права) и вопросы взаимодействия национальных органов правосудия и судебных органов интеграционных объединений (Евразийский экономический союз, Европейский Союз); б) задачи по сохранению национальной правовой идентичности при разрешении гражданско-правовых дел; в) механизмы «диалога судей» в деятельности судебных органов.

Степень научной разработанности темы и круг использованных источников. Предисловие Уильяма Щабаса (*William A Schabas*) к монографии Люка Рейдамса (*Luc Reydams*) «Универсальная юрисдикция: международные и внутригосударственные правовые перспективы» («Universal Jurisdiction: International and Municipal Legal Perspectives») начинается с напоминания известной фразы Марка Твена (*Mark Twain*) о погоде: «Everebody talks about it, but nobody does anything about it»[1] (цитата, относительно авторства которой ведутся дискуссии, не имеет однозначного перевода. Среди распространенных вариантов: «все говорят о погоде, но никто ничего с ней не делает»). Подобный подход объясняется чрезвычайно широким и разнообразным использованием понятия «юрисдикция» в правовой науке, в международном праве (как публичном, так и частном) и в различных отраслях национального права. Соответственно, чрезвычайно разнообразна и разнопланова научная литература по данному предмету исследования.

Фундаментальные труды отечественных правоведов, цивилистов, ученых в сфере гражданского права и процесса, деятельности судебных и арбитражных органов России, международного частного права положены в основу настоящего

[1] Schabas William A. Foreword to «Universal Jurisdiction: International and Municipal Legal Perspectives» by Luc Reydams. Oxford University Press Inc., New York, 2003.

исследования. Эту основу составили работы Ю.Г. Барсегова, М.М. Богуславского, Д.И. Дедова, В.В. Зайцева, В.П. Звекова, В.М. Жуйкова, Б.М. Клименко, В.М. Корецкого, П.В. Крашенинникова, А.Г. Лисицына-Светланова, С.Н. Лебедева, И.И. Лукашука, Л.А. Лунца, Л.Ю. Михеевой, Е.А. Суханова, Е.Т. Усенко, С.В. Черниченко, В.Ф. Яковлева и др.

Проблематика качества российской юрисдикции исследовалась такими правоведами, как В.Д. Зорькин, А.А. Иванов, В.М. Лебедев, В.В. Момотов, Т.Г. Морщакова, О.С. Черниченко. Среди аналитических материалов следует отметить Доклад Ассоциации юристов России и РАНХиГС «Национальная юрисдикция: курс на конкурентоспособность правовой системы» (2019 г.)[2], доклад НИУ-ВШЭ «После ВАС: российское экономическое правосудие сегодня и завтра» (2015)[3], а также Руководство для судей «Когда международное частное право пересекается с правом интеллектуальной собственности»[4].

Признание и исполнение (экзекватура) судебных (арбитражных) решений иностранных судов, различные аспекты международной судебной юрисдикции детально исследовались в трудах российских цивилистов и специалистов в сфере международного частного права, таких как: С.А. Бабкин, С.В. Бахин, В.Н. Борисов, И.В. Гетьман-Павлова, Н.Г. Доронина, Н.Ю. Ерпылева, Р.В. Зайцев, Б.Л. Зимненко, В.А. Канашевский, М.Н. Клевченкова, А.А. Костин, Д.В. Литвинский, Л.А. Лунц, А.А. Мамаев, Н.И. Марышева, Ю.А. Махонин, Е.В. Мохова, А.И. Муранов, В.А. Мусин, О.А. Папкова, Л.В. Терентьева, Т.Я. Хабриева, Н.А. Шебанова, Л.Г. Щербакова, А.И. Щукин, В.В. Ярков и др., в том числе дореволюционных авторов: С.Б. Гомолицкого, А.Н. Мандельштама, П.А. Маркова, Ф.Ф. Мартенса, И.Е. Энгельмана, Т.М. Яблочкова и др.

---

[2] Национальная юрисдикция: курс на конкурентоспособность правовой системы России: – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 224 с.

[3] Барышников П.С., Ворожевич А.С., Загорулько Л.П., Захарова М.В и др. После ВАС: российское экономическое правосудие сегодня и завтра. М., 2015. – 720 с.

[4] Беннетт А. и Граната С. Когда международное частное право пересекается с правом интеллектуальной собственности – Руководство для судей. Гаага: Гаагская конференция по международному частному праву; Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности. 2019. – 110 с.

Вопросам взаимодействия российских судебных и арбитражных инстанций с международными судами, судами интеграционных объединений посвящены работы таких авторов, как: К.Л. Брановицкий, Т.Ю. Изгагина, А.И. Исполинов, О.В. Кадышева, С.Ю. Кашкин, П.П. Мысливский, Т.Н. Нешатаева, Е.А. Осавелюк, В.П. Очередько, Е.Е. Рафалюк, К.Л. Чайка, Г.Г. Шинкарецкая, К.В. Энтин, М.Л. Энтин и др.

Исследование актуальных проблем противостояния российской и иностранных юрисдикций в условиях санкционного давления, анализ мер антисанкционного правового регулирования представлены в работах М.А. Бычихина, А.Ф. Воронова, В.С. Вунукайнена, А.В. Габова, М.Л. Гальперина, А.С. Еременко, О.В. Зайцева, Р.О. Зыкова, Б.Р. Карабельникова, М.В. Кешнер, А.А. Клишаса, Н.П. Мельника, Р.М. Ходыкина и др.

Исследуемая проблематика предполагает обязательность обращения к трудам ведущих зарубежных исследователей, широкого анализа иностранной (прежде всего, англо- и франкоязычной) научной литературы. В частности, базовые вопросы юрисдикции по гражданским делам, применению коллизионных норм в гражданском судопроизводстве раскрыты в работах англоязычных правоведов, таких как: У.Э. Батлер (*W.E. Butler*), П.С. Берман (*P.S. Berman*), А. Бриггс (*A. Briggs*), Е. Бург (*E. Burg*), Г.К. Гаттеридж (*H.C. Gutterridge*), Д. Гирсбергер (*D. Girsberger*), Р. Дворкин (*R. Dworkin*), Т. Крюгер (Т. *Kruger*), М. Леманн (*M. Lemann*), Р. Михаэлс (*R. Michaels*), Я. Нилс (*Jan L. Neels*), Дж. А. Понтье (*J.A. Pontier*), Т. Путнам (*T. Putnam*), Ч. Райнгарт (*C. Ryngaert)*, Л. Рейдамс (*L. Reydams*), Ш. Розенне (*Sh. Rosenne*), Ч. Тревор (*C.H. Trevor*), У. Туининг (*W. Twining*), Дж. Уолш (*J.W. Walsh*), К. Френч (*Chr. C. French*), Т.С. Хартли (*T.C. Hartley*) и др.

В трудах французских и франкофонных исследователей глубоко исследованы вопросы соотношения европейской и национальных юрисдикций, в них дан детальный анализ судебных решений французских судов и судов Европейского Союза, показаны модели и инструменты поддержания «диалога

судей», обоснована значимость обеспечения независимости суда. В частности, данные вопросы отражены в трудах таких исследователей, как Б. Ансель (*B.Ancel*), Э. Бартен (*E. Bartin*), П. Варей-Соммьер (*P. Vareilles-Sommieres*), В. Дюбо (*V. Dubos*), Р. Гуттес (*R. de Guttes*), Х. Захер (*Kh. Zaher),* Г. Канивет *(G. Canivet*), Э. Годем-Тэлон (*H. Gaudeme-Tallon*), П. Лагард (*P. Lagarde*), Б. Лами (*B. Lamy),* М.-Е. Лансель (*M.-E. Ancel*), Кс. Латур (*X. Latour*), Ю. Лекет (*Y. Lequette*), П. Леман (*P. Lehmann*), Ф. Майе (*F. Mailhé*), В. Муассинак-Массена (*V. Moissinac-Massenat*), П. Мэнан (*P. Manin*), Г. Мюир Уатт (*H. Muir Watt),* Б. Одит (*B. Audit*), Л. Узунер (*L. Usunier*), С. Шайне (*C. Chainais*) и др.

Различным аспектам темы настоящего исследования посвящены диссертации: В.Н. Плигина «Признание и принудительное исполнение иностранных решений в странах ЕС и ЕАСТ» (1993); А.А. Мамаева «Международная судебная юрисдикция по гражданским делам с участием иностранных лиц» (2001); М.О. Лиц «Признание и исполнение решений иностранных судов и арбитражей в Российской Федерации: соотношение международно-правовой и внутригосударственной регламентации» (2002); С.С. Сорокиной «Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов на территории Российской Федерации» (2004); Р.В. Зайцева «Признание и исполнение в России иностранных судебных актов» (2005); Е.А. Осавелюк «Определение места международного гражданского процесса в системе российского права» (2005); А.Н. Борисова «Доктрина обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства (renvoi)» (2008); И.С. Марусина «Международные судебные учреждения, стороной разбирательства в которых вправе выступать физические лица: новые тенденции развития и совершенствования их деятельности» (2008); И.М. Шевченко «Проблемы рассмотрения дел с участием иностранных лиц в российском арбитражном процессе: международная подсудность, судебные извещения, средства доказывания» (2012); С.Э. Гафарова «Основные модели международной подсудности гражданских дел в национальном праве (2012); Р.А. Гурбанова «Взаимодействие судебных органов на европейском

пространстве: вопросы теории и практики» (2016); Д.М. Замышляева «Виды судебных юрисдикций: сравнительно-правовой и исторический подход» (2017); А.А. Костина «Правовые основания признания и исполнение иностранных судебных решений в Российской Федерации (2018); А.С. Исполинова «Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС» (2018); А.В. Трубачевой «Признание и приведение в исполнение судебных решений по экономическим спорам в ЕАЭС и ЕС» (2019); А.В. Малышкина «Интегрированная юрисдикция (доктрина, практика, техника)» (2021); Э.А. Хачатряна «Роль решений Суда ЕАЭС и Суда ЕС в укреплении региональных правопорядков: сравнительно-правовой анализ» (2022); К.Л. Чайки «Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия» (2022); О.А. Шеповаловой «Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам» (2024), Д.В. Тариканова «Конфликты квалификаций в международном частном праве» (2024).

Проблематике признания и исполнения судебных решений в иностранных государствах посвящены диссертации А.Л. Жарко (в Англии, 2006) Л.В. Князевой (в США, 2015), Д.В. Конева (в ФРГ, 2008), Д.В. Литвинского (во Франции, 2004).

Среди диссертаций, защищенных российскими правоведами за рубежом, следует выделить работы Д.В. Литвинского «Признание решений иностранных судов: сравнительное исследование российского права и французского права («La reconnaissance des décisions de justice étrangères: une étude comparative du droit russe par l'entremise du droit français», Париж, 2007) и Т.Ю. Кутеевой-Вателo «Эволюция режима международной юрисдикции в российском международном частном праве» («L’évolution du régime de la compétence internationale en droit international privé russe», Париж, 2010).

Однако, следует заметить, большинство отмеченных исследований концентрируется на изучении вопросов международного публичного права, в то время как представляемая диссертация посвящена анализу частно-правовых

(цивилистических) аспектов темы, анализу сложностей, с которыми сталкиваются участники гражданского оборота и экономических сделок в современных условиях.

Правовую основу исследования составляют:

а) конституционные акты Российской Федерации, федеральное законодательство и иные нормативные правовые акты Российской Федерации;

б) акты международного публичного права (основополагающие конвенции, многосторонние и двусторонние договоры), коллизионные нормы международного частного права;

в) постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, решения Верховного Суда Российской Федерации;

г) решения судов (арбитражей) Российской Федерации, обзоры судебной практики и информационные письма высших судебных органов, решения международных арбитражей и судов ряда иностранных государств.

До начала процессов глобализации, формирования крупных интеграционных межгосударственных объединений, роста международной торговли и экономического сотрудничества государств представление правил и принципов, которыми определялся выбор юрисдикции, был бы весьма лаконичен. И это не какая-нибудь доисторическая эпоха: речь идет о ситуации конца 1960-х – начала 1970-х гг. Существовавший в то время экономический оборот вполне удовлетворялся регулированием ограниченным перечнем международных многосторонних и двусторонних соглашений и коллизионных норм международного частного права. Прежде всего имеются в виду нормы, определяющие выбор суда и преодоление возникающих коллизий, предусмотренные Конвенцией Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йоркская конвенция 1958 г.), Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 г. (Вашингтонская конвенция), правилами

ЮНСИТРАЛ и ограниченного перечня арбитражных учреждений (Арбитражный суд Международной торговой палаты, ICC (Париж), Лондонский международный третейский суд, LCIA, Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма, SCC).

В настоящее время выбор юрисдикции регламентируется широким комплексом нормативных актов универсального, регионального и национального значения, развивается система арбитражных институтов в азиатских странах. Среди использованных в ходе проведения настоящего исследования следует выделить:

а) Конвенцию от 30 июня 2005 г о соглашениях о выборе суда (Конвенция Гаагской конференции по международному частному праву);

б) соглашения региональных организаций и интеграционных объединений с участием Российской Федерации (Содружество независимых государств, Евразийский экономический союз), а также акты судебных учреждений, в частности, Суда ЕАЭС;

в) правовые позиции, решения и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. В этом контексте особое внимание в диссертации уделено обзорам судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, судебным и арбитражным решениям;

г) нормативные правовые акты и регламенты Европейского Союза, ряда зарубежных стран, международных и иностранных судебных (арбитражных) институтов.

Детальному анализу в исследовании подверглись положения некоторых проектов и не вступивших в силу международных конвенций, в частности, выработанных Гаагской конференцией по международному частному праву (HCCH). Особое внимание уделяется Конвенции о признании и приведении в исполнение решений иностранных судебных решений по гражданским и коммерческим делам от 2 июля 2019 г. (вступила в силу с 1 сентября 2023 г., действует для государств-членов ЕС, подписана Российской Федерацией в 2021 г., но не ратифицирована в настоящее время).

Эмпирическая база исследований. Анализ качества национальной юрисдикции побуждает к рассмотрению не только позитивного права (законодательства и правового регулирования), но прежде всего практики правоприменения, функционального определения места судебных институтов среди иных государственных учреждений, формальных и неформальных аспектов взаимодействия судебных институтов с органами правоохранительной системы. В этом контексте особое внимание в работе уделено решениям и разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации.

Очевидно, что эти аспекты далеко не всегда регулируются позитивным правом. Реальность функционирования органов, осуществляющих юрисдикцию на практике, определяется как формальным, так и неформальным регулированием, что, в свою очередь, обусловлено особенностями правовой культуры, традициями разрешения споров и конфликтов в различных обществах. Судебная (юрисдикционная) практика является кумулятивным (обобщающим) представлением правовой системы страны, ее привлекательности как для национального бизнеса, граждан страны, так и для международного бизнеса и иностранцев. Это обстоятельство предопределило внимание к детальному анализу конкретных дел по разрешению споров с наличием иностранного элемента в российской юрисдикции и российских участников при рассмотрении споров иностранными судами.

Методология диссертационного исследования. Объект и предмет исследования предопределили выбор методологии и используемых методов познания правовой действительности. Методология изучения понятия «юрисдикция» и всего ряда связанных с ним правовых и не только правовых категорий предполагает активное применение широкого перечня методов. Базовый перечень образует комбинация общенаучных и частнонаучных методов. К первым следует отнести метод, предполагающий исследование феномена юрисдикции в развитии, динамике, то есть речь идет о методе диалектики. Развитие в континууме истории помогает представить исторический метод. Изучение понимания

юрисдикция в различных странах с различными культурными и политическими традициями побуждает использовать методы юридической антропологии, социологии, других дисциплин общественных наук.

Среди набора частнонаучных методов изучения юрисдикции следует выделить свойственные большинству исследований по частноправовым дисциплинам вообще (гражданскому праву и международному коллизионному праву): формально-юридический, системно-функциональный, сравнительно-правовой.

Методологической основой исследования юрисдикции неизменно выступает нормативный позитивизм, так как именно позитивизм выводит понятие юрисдикции в перечень основных категорий реального права. В то же время актуальным направлением изучения общественных наук, к которым относится юриспруденция, выступает герменевтика, предполагающая активное использование методов социального моделирования, ценностной интерпретации[5]. В работе предпринята попытка сочетания эмпирико-логической модели, в юриспруденции реализуемой в нормативном позитивизме, и герменевтики, основанной на методе интерпретации.

Концепция толкования (интерпретации) как метода исследования и оценки качества юрисдикции отличается от классического позитивистского подхода. Это отличие состоит в усиливающейся роли толкователя (интерпретатора) закона. В интерпретации толкование становится телеологическим и контекстуальным. Именно в этом наиболее сложная новелла методологии познания юрисдикции. Юрисдикция и ее практическое выражение (акты и решения) в этой методологии обусловлены историческими, социальными, экономическими, философскими факторами жизни и развития конкретного общества, нации, страны.

---

[5] Суть диалектического противостояния двух методологических подходов в целом для общественных наук выявил канадский философ К. Тейлор в работе «Интерпретация и науки о человеке». См. напр.: Тейлор К. Интерпретация общественных наук. В книге «Свобода современников». Париж: PUF. 1987. С. 5. (C. Taylor, «L’interprétation et les sciences de l’homme» / in La liberté des modernes, Paris: Presses Universitaires de France, 1987. P. 5).

Метафизический подход к юриспруденции неизбежно выводит на анализ ценностной составляющей. В этом контексте значим разрыв между «реалистичным» и «метафизическим» восприятием юрисдикции, юстиции, правосудия. Этико-правовая составляющая вступает в яркое и резкое противоречие с реальной юрисдикционной деятельностью. Что выводит к необходимости социологического анализа юрисдикционной деятельности в категориях «восприятия» и «доверия».

В целом, ключевой методологической проблемой исследования понятия «юрисдикция» является терминологическая софистика, выражающаяся в многозначности его содержания, множественности образуемых из него терминов с последующей путаницей при их использовании в правовой науке и правоприменительной практике. Отмеченные трудности неизмеримо возрастают при использовании исходного понятия и образуемых из него терминов при работе с иностранным элементом, что предполагает их использование на различных языках, в различных правовых и судебных системах.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в анализе основных тенденций развития доктрины юрисдикции применительно к развитию гражданско-правового регулирования и разрешения гражданско-правовых и арбитражных споров, анализе правовых механизмов и коллизионных норм, определяющих качество российской юрисдикции и позволяющих разрешать актуальные противоречия между юрисдикциями. На основе анализа последствий и вызовов присоединения России к Конвенции о судебных решениях 2019 г., ряда решений российских судебных (арбитражных) органов в работе обосновываются предложения по совершенствованию гражданского процессуального законодательства РФ в области признания и исполнения (экзекватуры) решений иностранных судов (арбитражей) по гражданско-правовым спорам.

На защиту выносятся следующие положения и выводы, обладающие элементами научной новизны:

1. Отмечая многозначность категории «юрисдикция», ее применение к различным правовым феноменам, диссертант в качестве базового предлагает следующее определение: юрисдикция как деятельность представляет собой последовательность действий, предпринимаемых различными субъектами, всеми теми, кто участвует в процессах разработки и применения законов.

Утверждая, что юрисдикционная деятельность не сводится только к работе судебных и квазисудебных органов, диссертант выделяет и раскрывает содержание трех видов юрисдикционной деятельности: а) юрисдикционная деятельность публично-правового характера (деятельность органов государственной власти (судебных и исполнительных), а также ряд направлений деятельности органов местного самоуправления); б) юрисдикционная деятельность институтов, формируемых не публичной властью, а посредством частноправовых инструментов (третейские суды, различные виды иных квазисудебных органов, например, в сфере трудового права, антимонопольного законодательства, регулирования рынка ценных бумаг); в) деятельность институтов, сопровождающих осуществление национальной юрисдикции (например, функционирование системы нотариата, системы разрешения споров в рамках саморегулируемых организаций (СРО) и т.п.).

Выносимое на защиту положение соответствует п. 1 и 31 паспорта научной специальности 5.1.3. «*Частно-правовые (цивилистические) науки*».

2. Международный характер деятельности крупных компаний, работающих в различных юрисдикциях и/или имеющих контракты с партнерами из множества иностранных юрисдикций, обусловливает их определенную уязвимость с точки зрения необходимости учитывать требования этих юрисдикций, а при возникновении споров – судебные (арбитражные) разбирательства по требованиям и правилам этих юрисдикций. В этих случаях возможны ситуации как предоставляющие выбор юрисдикции, так и множественность судебных разбирательств. При этом юрисдикции могут вступить в конкуренцию друг с другом при рассмотрении одного и того же дела либо даже части того или иного

дела. Диссертант определяет конкуренцию юрисдикций как ситуацию, когда спор или разные аспекты спора могут подлежать урегулированию в различных юрисдикциях, а следовательно, призванный быть единым процесс столкнется со сложностями по выбору юрисдикции и применяемого при разрешении спора права.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 3 паспорта научной специальности 5.1.3. «*Частно-правовые (цивилистические) науки*»*.*

3. Исходя из понимания, что национальный суд и национальные административные инстанции, даже не признавая решения иностранного суда и не стремясь его исполнить, не могут полностью игнорировать сам факт его принятия и последствия этого решения в иных юрисдикциях, в диссертации обосновывается вывод об обоюдоостром (негативном) характере подобного противодействия юрисдикций. Противостояние юрисдикций приводит к: а) нестабильности гражданского оборота и неуверенности в правосудном разрешении споров; б) непредсказуемости (или негативной предсказуемости) принимаемых судебных и арбитражных решений; в) как следствие, сокращению внешнеторговых связей, гражданско-правового оборота, экономическому ущербу.

В этих условиях при разрешении гражданско-правовых споров утверждается подход, свойственный преимущественно деликтной ответственности: судебные решения исполняются в той мере, в какой принадлежащие сторонам активы находятся в юрисдикции, досягаемой для исполнения. В данном случае конкуренция юрисдикций осуществляется не в терминах привлекательности, а в фактической возможности правоохранительных структур того или иного государства «дотянуться» до субъекта ответственности. В этом контексте применение мер ответственности выходит за пределы частного права.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 31 паспорта научной специальности 5.1.3. «*Частно-правовые (цивилистические) науки*»*.*

4. Правила определения и осуществления юрисдикции разграничивают компетенцию между государствами и, таким образом, служат основными инструментами разрешения гражданско-правовых споров с иностранным

элементом. Нередко спор о выборе юрисдикции представляет значительно большую сложность и занимает значительно больше времени, чем рассмотрение вопроса по существу. По мнению диссертанта, сущность процедуры выбора юрисдикции в гражданско-правовых спорах составляет процесс толкования (интерпретации) норм национального и международного частного права применительно к конкретному делу.

Отмечаются различия понятий «толкование» и «интерпретация». В интерпретации особо выделяется субъективный фактор интерпретатора. Изначально толкование понималось как раскрытие содержания, процесс во многом технический, предназначение толкования – помочь уяснить смысл, заложенный законодателем. Творческая субъективная роль толкователя минимизирована. В современном понимании интерпретация – не только технический процесс уяснения вложенного законодателем смысла, но и изложения этого смысла применительно к возможно изменившимся с течением времени условиям.

После осуществления процесса интерпретации суды (арбитражи) на основе ценностного осмысления определяют подходящую для разрешения гражданско-правовых (арбитражных) споров юрисдикцию и лишь затем приступают к конструированию системы применяемых для разрешения спора норм права. Причем на современном этапе развития теории и практики судопроизводства нормативное толкование все более трансформируется в интерпретацию. Различие между ними состоит в том, что в процессе интерпретации судья (правоприменитель) не только стремится постичь смысл закона, но и раскрыть цели, которые преследовал законодатель при его принятии и, более того, реализовать эти цели в конкретном деле.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 1 паспорта научной специальности 5.1.3. «*Частно-правовые (цивилистические) науки*»*.*

5. На основе анализа судебной и арбитражной практики Российской Федерации в диссертации утверждается унифицированный подход, которого следует придерживаться при разрешении споров о юрисдикции:

а) надлежит четко разделять при принятии спора к рассмотрению вопрос о подсудности спора тому или иному суду и вопрос применяемого к разрешению спора законодательства. Правильное определение подсудности конкретного гражданского дела к юрисдикции конкретного суда иностранного государства («условие о наличии косвенной юрисдикции») предполагает следование четкой последовательности этапов выбора юрисдикции, которые детально представлены в диссертационном исследовании;

б) проверка национальным судом решения международного коммерческого арбитража или суда другого государства на соответствие этого решения национальному публичному порядку категорически не означает допустимости пересмотра проверяемого решения по существу. Подобный подход в наибольшей степени соответствует интересам стабильности правосудия и предсказуемости, что является очевидной ценностью для коммерческих отношений.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 22 и 28 паспорта научной специальности 5.1.3. «*Частно-правовые (цивилистические) науки*»*.*

6. Доктрина юрисдикции испытывает усиливающееся влияние геополитических факторов. Прежде всего это воздействие сказывается в гражданско-правовом регулировании, что, в свою очередь, обусловливает качественно новое переплетение частноправового регулирования и публичного права, вплоть до их конвергенции. Примером конвергенции выступает существенное усиление влияния оговорки о публичном порядке при разрешении гражданско-правовых споров, прежде всего применительно к признанию и исполнению иностранных судебных и арбитражных решений. Это усиление формализуется в решениях высших судебных инстанций наиболее развитых правовых систем, в том числе в решениях Верховного Суда Российской Федерации.

Использование судебными (арбитражными) институтами оговорки о публичном порядке должно быть свободно от чисто политических оснований и должно сводиться к выяснению: а) правомерности (следования из договора) самого факта принятия решения по конкретному делу иностранным судом;

б) соответствия принятого решения российскому публичному порядку и международному публичному порядку; в) возможности экзекватуры иностранного судебного решения в национальной правовой системе.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 3 и 31 паспорта научной специальности 5.1.3. «*Частно-правовые (цивилистические) науки*»*.*

7. Из проведенного анализа значительного перечня определений Верховного Суда РФ, решений других судебных (арбитражных) органов России диссертант делает вывод, что в качестве причины принятия решения об отказе в признании и исполнении на территории России решений иностранных судов (арбитражей) утверждается правовая позиция, предусматривающая возможность отказа от выдачи экзекватуры не только по причинам несоответствия рассматриваемого решения российскому материальному праву или с использованием оговорки о защите внутреннего публичного порядка, но и при сомнении в беспристрастности иностранных судей (арбитров). Отмеченная правовая позиция приведет к ситуации, когда будет осложнено исполнение на территории России многих (если не большинства) решений иностранных судов на том основании, что в судебных составах участвовали граждане «недружественных» государств. Подобный подход может стать дополнительным препятствием для справедливого урегулирования гражданско-правовых споров и повлечь за собой осложнения при заключении внешнеторговых сделок. Особую сложность ситуации придает отсутствие понимания, какие именно обстоятельства могут свидетельствовать в пользу пристрастности (беспристрастности) судей (арбитров).

Особое внимание в работе уделено применению механизмов «anti-suit injunctions» с последующей передачей споров российских компаний с иностранными контрагентами в российские суды вопреки арбитражным оговоркам, установленным контрактами. Диссертант предлагает утверждение в российской правовой системе и судопроизводстве ряда принципиальных тезисов, прошедших апробацию в мировой практике и уже имеющих определенную традицию применения в России. Среди них: а) расширение практики применения

механизмов эстоппеля; б) при более сдержанном (то есть юридически детально обоснованном) применении инструмента отказа от выдачи экзекватуры; в) четкое раскрытие в разъяснениях Верховного Суда РФ оснований отнесения того или иного арбитражного центра к «недружественной» юрисдикции. Также в диссертации раскрываются требования к применению рассматриваемых механизмов: если российская компания согласилась при подписании договора на тот или иной вариант разрешения споров, то отход от подписанного соглашения должен быть обоснован, а представленные обоснования объективно подтверждены.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 28 и 31 паспорта научной специальности 5.1.3. «*Частно-правовые (цивилистические) науки*»*.*

8. В качестве одной из протекционистских мер, применение которых следует признать допустимым, в исследовании рассматриваются решения арбитражных судов о признании банкротства иностранных компаний в России. При этом в условиях отрицания в России модельных законов ЮНСИТРАЛ о трансграничном банкротстве необходима выработка и обоснование на основе арбитражной практики перечня необходимых условий для подобного решения, а именно: а) ведение подлежащей банкротству компании преимущественной коммерческой деятельности в России; б) нахождение большей части имущества компании в России; в) принадлежность компании собственникам – гражданам России; г) ограничения для истцов доступа к правосудию по месту регистрации компании и ряд других обстоятельств, раскрываемых в диссертации.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 32 паспорта научной специальности 5.1.3. «*Частно-правовые (цивилистические) науки)*»*.*

9. Приходя к выводу о несовпадении российского доктринального понимания косвенной судебной юрисдикции с концептом, заложенным в Гаагскую конвенцию о судебных решениях 2019 г., диссертант предлагает ряд мер по преодолению этого противоречия, существенно обостряющегося в условиях введения против России санкций рядом государств. В условиях санкционного

режима отсутствие ратификации и исполнения рассматриваемой конвенции может быть в существенной степени компенсировано признанием и исполнением иностранных судебных решений на основе: а) принципа взаимности, который должен найти свое закрепление в Гражданском процессуальном и Арбитражном процессуальном кодексах РФ; б) двусторонних и многосторонних (например, в рамках БРИКС+, ШОС, ЕАЭС) договоров; в) альтернативных существующим моделей рассмотрения споров (например, в рамках БРИКС+) и новых международных и региональных судебных (арбитражных) учреждений.

Выделяя историческую традицию заключения договоров о признании и исполнении судебных решений стран, близких друг другу как географически, так и с точки зрения истории становления их национальных правовых систем, диссертант обосновывает потребность расширения практики исполнения решения Суда ЕАЭС, формирования иных межгосударственных судебных (арбитражных) учреждений.

Выносимое на защиту положение соответствует п. 31 паспорта научной специальности 5.1.3. «*Частно-правовые (цивилистические) науки*»*.*

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что работа вносит определенный вклад в анализ значимых теоретико-правовых вопросов юрисдикции, конкуренции и сотрудничества российской и иностранных юрисдикций в гражданском судопроизводстве. В научный оборот вводится ряд изложенных в иностранной научной литературе концепций и доктрин в части взаимодействия юрисдикций, механизмов «диалога судей», анализируется ряд показательных решений российских и иностранных судов при рассмотрении гражданско-правовых споров.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности учета и применения содержащихся в работе теоретических позиций, экспертных оценок и рекомендаций:

а) в практической деятельности по защите прав и законных интересов российских компаний и граждан при рассмотрении гражданско-правовых споров с их участием как в российской, так и в иностранных юрисдикциях;

б) в деятельности судебных (арбитражных) органов Российской Федерации при разрешении гражданско-правовых споров с иностранным элементом;

в) при обсуждении и подготовке международных договоров о сотрудничестве и взаимной правовой помощи по гражданским, торговым и семейным делам, соглашений по вопросам признания и исполнения решений иностранных судов по гражданским делам;

г) при формировании политики по совершенствованию моделей взаимодействия российских судов и судов интеграционных объединений, судов и арбитражей иностранных государств, коммерческих арбитражей.

Практический интерес для нормотворческой и правоприменительной деятельности может представлять содержащийся в диссертации анализ практики применения в 2022-2025 гг. антисанкционного законодательства, механизмов «anti-suit injunctions». Этот анализ побуждает к принятию ряда мер по внесению большей определенности в порядок применения антисанкционного законодательства в интересах обеспечения привлекательности российской национальной юрисдикции.

Материалы диссертационного исследования могут быть востребованы при преподавании в высших учебных заведениях учебных курсов гражданского права, международного частного права, международного гражданского процесса, ряда смежных дисциплин, подготовке учебно-методических пособий.

Апробация результатов диссертационного исследования. Представленные в работе и вынесенные на защиту основные положения диссертации были рассмотрены, одобрены и рекомендованы к защите кафедрой правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Итоги исследования, ряд экспертных оценок по результатам анализа действующего законодательства и современной

правоприменительной практики, предложения автора по их совершенствованию нашли отражение в публикациях в рецензируемых журналах, а также в монографии «Национальная юрисдикция в терминах привлекательности, конкуренции и сотрудничества» (М.: Изд-во «Статут», 2025), в выступлениях автора, в том числе на международных научных конференциях, в частности «Неравенство как предмет трансдисциплинарных исследований» (31 мая 2024 г.). Автор является одним из победителей конкурса работ молодых исследователей, проводившимся Издательским домом «Развитие правовых систем» и Российским ежегодником Европейской конвенции по правам человека в 2020 г.

Структура диссертации призвана в полной мере отразить логику исследования и структурировать его содержание. Исследование включает в себя введение, три главы, содержащих семь параграфов, заключения, содержащего основные выводы и рекомендации по совершенствованию правового регулирования, а также списка использованных нормативных правовых актов и научной литературы.

Во введении представлены обязательные для диссертационного исследования основные структурные элементы, включающие актуальность и степень научной разработанности темы, ее научную и практическую значимость, преследуемые в ходе исследования цели и задачи, раскрытие предмета, объекта и методологии проведенной научной работы, и главное – обозначены элементы научной новизны и выносимые на защиту положения.

В первой главе исследуются темы привлекательности юрисдикции, раскрываются понятие, основные виды и характеристики юрисдикции, принципы выбора юрисдикции при рассмотрении гражданско-правовых споров, представлены правовые инструменты и механизмы, применяющиеся в ведущих по уровню теоретической проработанности и количеству (объему) разрешаемых споров зарубежных юрисдикциях. Во второй главе исследованы средства разрешения коллизий между юрисдикциями, акцентируется внимание на механизмах «диалога судей», роли и предназначении судебных учреждений в

интеграционных объединениях. В третьей главе проанализированы основные тенденции развития юрисдикции в сфере гражданско-правового регулирования в условиях санкционного геополитического противостояния.

В заключении представлены основные выводы исследования и перспективы взаимодействия российской юрисдикции и юрисдикции судов ЕАЭС, судебных учреждений и арбитражных центров иных потенциальных интеграционных объединений при разрешении гражданско-правовых споров.

Диссертационное исследование подготовлено в соответствии с паспортом научной специальности 5.1.3. «*Частно-правовые (цивилистические) науки)*». *Тема исследования, вынесенные на защиту положения и применявшаяся методология в полной мере соответствуют указанному паспорту.*

Перечень публикаций автора:

Всего автором было опубликовано 9 научных трудов, в том числе монография, 7 статей в научных журналах из утвержденного Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

I. Статьи в изданиях, включенных в Перечень изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, и статьи в изданиях, рекомендованных Ученым Советом Академии:

1. Барциц В.И. Категория меры и опасности для привлекательности российской юрисдикции при применении антисанкционного законодательства / В.И. Барциц // Современное право. – 2024. – № 3 – С.112–118.

2. Барциц В.И. Юрисдикция: понимание, основные признаки и правила выбора / В.И. Барциц // Государственная служба. – 2024. – Т. 26. – № 2 (148). – С.45–54.

3. Барциц В.И. «Фактор доверия» как основное препятствие признания и исполнения иностранных судебных решений / В.И. Барциц // Юрист. – 2023. – № 4. – С.47–53.

4. Барциц В.И. Конкуренция европейской и британской юрисдикций в условиях Brexit / В.И. Барциц // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 1. – С.109–119.

5. Барциц В.И. Развитие законодательства Европейского Союза в сфере защиты персональных данных / В.И. Барциц // Вестник юридического факультета Южного Федерального университета. – 2022. – № 2. – С.150–165.

6. Барциц В.И. Право Европейского союза и acquis communautaire / В.И. Барциц // Государственная служба. – 2019. – Т. 21. – № 2 (118). – С. 81–86.

7. Барциц В.И. Конституция Пятой республики: организация государственной власти во Франции / В.И. Барциц, Л.Р. Симонишвили, И.Н. Барциц // Государственная служба. 2018. – Т. 20. – № 5 (115). – С.18– 28 (на англ. языке).

II. Иные работы автора:

8. Барциц В.И. Конфиденциальность и защита персональных данных в практике Европейского суда по правам человека / В.И. Барциц // Российский ежегодник Европейской конвенции о правах человека. – 2020. – № 6. – С.169–182.

9. Барциц В.И. Национальная юрисдикция в терминах привлекательности, конкуренции и сотрудничества: монография / В.И. Барциц // М.: Статут, 2024. – 172 с. (10,75 усл. печ. л.)

Глава 1. Глобальная конкуренция национальных юрисдикций

Понимание национальной юрисдикции и меры по обеспечению привлекательности национальной юрисдикции – ключевые аспекты настоящего исследования. В ходе исследования предстоит проанализировать основные тенденции развития юрисдикции в сфере гражданско-правового регулирования и представить авторское видение ответов на ряд вопросов: как обеспечить привлекательность национальной юрисдикции? Какие инструменты и механизмы разработаны и применяются в ведущих по уровню теоретической проработанности и количеству (объему) разрешаемых споров зарубежных юрисдикциях? Как они могут быть применены в российской правовой системе и российской практике функционирования судебной системы? Какие существуют средства разрешения коллизий между юрисдикциями и как обеспечить единство правоприменительной практики и независимость суда в современных условиях?

1.1. Понятие, основные виды и характеристики юрисдикции

Понятие юрисдикции – чрезвычайно сложное, обладающее различными толкованиями. Оно не имеет одного четкого определения, используется в различных отраслях права в разных значениях и сопровождается разными прилагательными:

1) юрисдикция – государственно-властная деятельность соответствующих органов;

2) юрисдикция – совокупность полномочий по осуществлению деятельности, направленной на разрешение споров;

3) юрисдикция – сфера общественных отношений либо круг вопросов, относящихся к предмету ведения соответствующего органа.

Каждая из ипостасей, в которых предстает юрисдикция, – предмет активных научных дискуссий с существенными последствиями для правоприменительной практики.

Юридическая теория призвана сформировать понятийный каркас позитивного права. Фундаментальная роль в этом каркасе понятия «юрисдикция» становится очевидной при буквальном переводе составных частей этого термина: право говорить («дикция») и сила закона («юрис»). По мнению испанского правоведа Гарсиа Гарридо (*Garcia Garrido*), суть понятия юрисдикции выводится из «трех священных слов: «*tria verba solemnia: do, dico, addico*», где: – «*d*o» (*dar*e) означает назначение судьи или арбитра, выбранного спорящими сторонами или магистратом, полномочие предоставить тот или иной иск или отклонить его; – «*dico*» (*jus dicere*) подразумевает все заявления магистрата, относящиеся к праву, которое следует применить в данном процессе; – «*addico*» (*addicere*) подразумевает акты, которые трактуют право в пользу одной из сторон процесса»[6].

Юридическое образование прививает нормы и ценности, которые часто неясны или совершенно непрозрачны для непрофессионалов права. Среди таких ценностей безусловное, не нуждающееся в объяснении понимание значения юрисдикции и следования ее правилам. Если кратко: для юриста нет нужды в пояснении, что любое в высшей степени справедливое, правильное, взвешенное решение ничтожно, если нарушены правила юрисдикции. Все высокие материи уступают формальным нормам, заключенным в этом понятии.

Итак, любое решение (вне зависимости от того, о каком органе идет речь – суде или квазисудебных органах, органах власти или иных учреждениях), принятое

---

[6] Гарсиа Гарридо М. Х. Римское частное право: казусы, иски, институты / Пер. с исп.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2005. С.159. Цит. по: Международное право. Особенная часть (отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков). М.: Статут, 2010.

за пределами юрисдикции, является юридически ничтожным. Все профессиональные юристы признают возможность полного игнорирования любого действия и любого решения без соблюдения требований к юрисдикции. Этот способ идеологической обработки сознания юристов представляется весьма эффективным, поскольку вызовы доктрине предметной юрисдикции встречаются довольно редко. Как и во многих формальных доктринах, юрист, основываясь на основополагающем значении юрисдикции, отвергает любые возражения, в том числе и основанные на здравом смысле и экономической целесообразности.

Как и полагается для общественных наук, родословная всех понятий восходит к древнегреческим авторам. В подтверждение этого применительно к понятию юрисдикции достаточно привести цитату из «Политики» Аристотеля: «Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилом справедливости, является регулирующей нормой политического общения»[7] и отметить вклад пифагорейцев с их осмыслением таких понятий, как «право», «справедливость», «судопроизводство», «правосудие». Юрисдикция как власть верховного правителя и как процесс достижения справедливости – таковы исторически первичные компоненты содержания понятия юрисдикции. Четко эта мысль отражена в « Tractatus *de legibus et consuetudinibus Angliae*» Генри Брактона (*Henry de Bracton*) (точная дата написания трактата не известна, из содержания можно предположить, что он был написан не позднее 1256 г.): «Все же, что относится к юрисдикции и (соблюдению) мира, никому не принадлежит, кроме короны и королевского достоинства, и не может быть отделено от короны, так как это составляет самую (сущность) короны (королевской власти)»[8].

Если исследовать категорию «юрисдикция» как одну базовых характеристик государства и права, позволяющих оценивать качество государства,

---

[7] Аристотель. Политика. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1983. С. 380.

[8] Брактон Г. Трактат «О законах и обычаях Англии» (статья 17 Том II Книги II). https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/Bracton/De_legibus/text.phtml?id=4793&ysclid=ldruwxs98r33972565 (дата обращения 9.01.2025)

эффективность его правового регулирования, то в качестве обобщающего выступает понятие «национальная юрисдикция». Национальная юрисдикция в традиционном правовом контексте осмысливается как значимая составная часть правовой системы, складывающегося в границах конкретного государства или содружества государств правопорядка.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались принятием целого ряда универсальных и региональных международных конвенций, призванных разрешить вопросы соотношения юрисдикций разных стран. Представленные в этих международных конвенциях нормы и правовые позиции формируют основу не только международного публичного и международного частного (коллизионного) права, но и оказывают непосредственное влияние на развитие национального гражданского права. В этих конвенциях урегулированы процедуры исполнения решений, вынесенных иностранными судами, определены предметы юрисдикции судов, основания для признания и приведения в исполнение решений иностранных судов (арбитражей) (выдаче экзекватуры) или, напротив, отказа в исполнении судебного решения, вынесенного судебным органом другого государства. Когда национальный суд сталкивается с делом, осложненным[9] иностранным элементом[10], например если одна из сторон – это иностранное лицо или если обстоятельства дела имеют международное значение, суду, имеющему

[9] Характеристика правовых отношений с участием иностранных лиц именно как «осложненных» иностранным элементом наглядно демонстрирует понимание трансграничных отношений как более трудных для судебного рассмотрения. См., напр. ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации «Определение права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных лиц или гражданско-правовым отношениям, осложненных иным иностранным элементом».

[10] Суть применения международного частного права состоит в выделении иностранных элементов в споре. Иностранные элементы обычно связаны с тем, что на иностранной территории: а) находится одна или обе стороны; б) действует охраняемое право интеллектуальной собственности; в) имеет место деятельность, нарушающая права интеллектуальной собственности; или г) наступают последствия такой деятельности либо нанесенный ею ущерб. Подр. см.: А. Беннетт и С. Граната (2019). Указ.соч. (дата обращения: 9.01.2025).

юрисдикцию для рассмотрения данного спора, необходимо пройти через сложный и многоступенчатый процесс выбора юрисдикции.

Следует отметить, что юрисдикционная деятельность не сводится только к работе судебных и квазисудебных органов. Юрисдикционную деятельность осуществляют также органы государственной власти других (кроме судебной) ветвей, прежде всего органы исполнительной власти, законодательно наделенные соответствующими полномочиями. Среди таких государственных институтов выделяются органы исполнительной власти, осуществляющие правоприменительную деятельность, в частности, таможенные и налоговые органы, различные структуры, осуществляющие функции контроля и надзора в различных отраслях, антимонопольные службы и целый ряд других. Деятельность этих органов непосредственно влияет на национальную юрисдикцию, ее качество и состояние. Таким образом, следует выделять:

а) юрисдикционную деятельность публично-правового характера (деятельность органов государственной власти (судебных и исполнительных), а также ряд направлений деятельности органов местного самоуправления);

б) юрисдикционную деятельность институтов, формируемых не публичной властью, а посредством частноправовых инструментов: это третейские суды, в различных странах функционируют различные виды иных квазисудебных органов (например, в сфере трудового права, антимонопольного законодательства, регулирования рынка ценных бумаг);

в) деятельность институтов, сопровождающих осуществление национальной юрисдикции (например, функционирование системы нотариата, системы разрешения споров в рамках саморегулируемых организаций (СРО) и т.п.).

Юрисдикция как деятельность представляет собой последовательность действий, предпринимаемых различными субъектами, всеми теми, кто участвует в процессах разработки и применения законов. Р. Дворкин сравнивает судебную деятельность по толкованию (интерпретации) права с написанием романа несколькими писателями, которые работают последовательно, при этом каждая

глава произведения написана другим автором[11]. В результате подобной творческой деятельности, в которой каждый судья добавляет свою главу, руководствуясь той интерпретацией, на которой остановился[12], формируется правовая традиция – «коллективный роман-цепочка»[13].

Исторически раскрытие содержания юрисдикции выводилось из территориального измерения суверенитета при разработке разрешительных и запретительных правил: юрисдикционная деятельность суверена, совершенная на «его» территории, – единственно легитимная (в силу божественного происхождения его власти), в то время как решения этого же государя в отношении предметов, вопросов и действий, находящихся за пределами «его» территории[14], являются незаконными, так как на этой территории на данные предметы, вопросы и действия распространяется юрисдикционная власть другого суверена.

И в современном публичном праве концепция юрисдикции тесно связана с понятием суверенитета. Юрисдикция позволяет государствам осуществлять суверенную власть, которой они наделены в глобальной системе формально равных государств, путем установления того, что закон касается лиц или видов деятельности, в которых они имеют законный интерес. Суверенитет, однако, не только является наиболее удобной теорией, определяющей принципы осуществления юрисдикции, но и представляет собой главное сдерживающее средство в отношении иностранных норм и иностранных судебных решений, а также в отношении применения норм международного права (будь то публичного или частного). Государства действительно вправе принимать решения в отношении вопросов, не являющихся исключительно внутренними, распространяющиеся на отношения, в которых субъекты и объекты могут находиться за пределами

---

[11] Дворкин Р. Империя права. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 309–314.
[12] Там же. С.314.
[13] Там же. С.310.
[14] Подобное понимание также выводилось из объектной теории государственной территории, которая считалась объектом права собственности монарха. Следовательно, монарх как собственник государственной территории вправе был ею свободно распоряжаться: дарить, продавать, отдавать «полцарства за коня» или за «молодильные яблоки».

государственных границ. Тем самым возможны противоречия с правами и интересами иностранных государств. Происходит коллизия юрисдикций.

А.Р. Каюмова скрупулезно обосновывает тезис, что «в доктрине международного права понятия «юрисдикция», «территориальное верховенство» и «суверенитет» очень часто используются если не как синонимы, то как близкие по своему смысловому значению термины»[15]. В доказательство А.Р. Каюмова ссылается на фундаментальный труд английского правоведа, члена Комиссии международного права ООН Яна Броунли *(Ian Brownlie)* «Принципы международного публичного права», в котором дается детальное раскрытие соотношения понятий «компетенция», «юрисдикция» и «суверенитет»: «Компетенция государства в отношении его территории обычно описывается в терминах «суверенитет» и «юрисдикция», и студент сталкивается с терминологией, которая непоследовательно используется в юридических источниках, должностными лицами, государственными деятелями, которые ставят ее политическое значение на передний план. Либеральное использование терминов «суверенитет» и «юрисдикция» юристами влечет неточное определение комплекса прав, обязанностей, полномочий, привилегий и иммунитетов государств»[16].

Тем самым, приходит к выводу А.Р. Каюмова, Я. Броунли не только объясняет, но и более того, оправдывает отождествление понятий «юрисдикция» и «суверенитет», «соотносит суверенитет и юрисдикцию как общее и частное»[17]: «Нормальный объем прав государства, типичные проявления правовой компетенции описываются обычно как суверенитет, а специфичные права или уменьшенный объем прав государства упоминаются как юрисдикция»[18]. Причем оба фундаментальных понятия (суверенитет и юрисдикция) предстают в этом подходе лишь как проявления компетенции. С последним категорически

---

[15] Подр. см.: Каюмова А.Р. Суверенитет и юрисдикция государства: проблемы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 9. С. 12–15.
[16] Brownlie J. Principles of public international law. Fifth edition // New York. Oxford University Press Inc., 1998. P.106.
[17] Каюмова А.Р. Указ. Соч. С.12.
[18] Brownlie J. Op. cit. P.16.

невозможно согласиться. В российском правоведении под компетенцией понимается нормативно закрепленный перечень полномочий органа или должностного лица, пусть даже и всей системы органов государственной власти и должностных лиц. В любом случае это понятие не охватывает содержания понятий суверенитет и юрисдикция, несравненно более объемных и сложных.

Споры о юрисдикции между судами относительно легко решаются в рамках национальных правовых систем (по крайней мере, при всех коллизиях взаимоотношений между судами различных уровней существует иерархия судебных инстанций, которая, возможно, не всегда правильно с точки зрения доктрины справедливости, но все же находит способы их решения). Однако при появлении иностранного элемента в правоотношении решение спора о юрисдикции теряет свою определенность. Более того, нередко спор о выборе юрисдикции представляет значительно большую сложность и занимает значительно больше времени, чем рассмотрение вопроса по существу.

В международном частном праве различаются: «территориальная юрисдикция», «параллельная юрисдикция», «обязательная юрисдикция», «национальная юрисдикция». Существует множество классификаций видов юрисдикции. Основные формы юрисдикции в национальном праве: предписывающая, принудительная, судебная и функциональная. При всем обилии трактовок и классификаций видов юрисдикций следует выделить три основные составляющие этого понятия:

а) предписывающая (законодательная) юрисдикция;

б) правоприменительная юрисдикция;

в) судебная юрисдикция.

В правовых исследованиях юрисдикции наибольшее внимание уделялось «предписывающей» или «законодательной» юрисдикции. Под законодательной юрисдикцией следует понимать безусловное право государства в лице своих органов власти посредством нормативных правовых актов, актов органов исполнительной власти, административных решений или судебных актов

создавать правовые рамки деятельности всех организаций и граждан, определять правовые статусы и права граждан, применять эти нормативные и управленческие акты.

Под правоприменительной юрисдикцией понимается юрисдикция государства «обеспечивать соблюдение или принуждать к соблюдению или наказывать за несоблюдение своих законов или постановлений, будь то через суд или с помощью исполнительных, административных, полицейских или других несудебных действий»[19].

Юрисдикция, осуществляемая судебной властью, обычно обозначается термином «судебная юрисдикция», относится к полномочию государства «подвергать лица или вещи процессу своих судов или административных трибуналов, будь то в гражданском или уголовном судопроизводстве, независимо от того, является ли государство стороной в процессе»[20].

Юрисдикция распределяет судебные полномочия:

а) между различными уровнями самой судебной системы;

б) между судебной системой и органами исполнительной власти, иными институтами, осуществляющими юрисдикционные полномочия.

При этом принципиальным моментом для понимания юрисдикции является недопустимость смешения судебной юрисдикции и правоохранительной деятельности. Иными словами: неприемлемо рассматривать суды вне зависимости от сферы их деятельности (гражданско-правовой, уголовной, административной) как элемент правоохранительной системы. Суд не осуществляет функции правоохраны. Фактическое отнесение судов к правоохранительной системе чревато самыми негативными последствиями для качества и привлекательности

---

[19] Подобное определение дано, в частности, в новой (третьей) редакции Закона США о международных отношениях: «to enforce or compel compliance or to punish noncompliance with its laws or regulations, whether through the courts or by use of executive, administrative, police, or other nonjudicial action» (§ 401 (a) Restatement (Third) of U.S. Foreign Relations Law).

[20] См., напр.: § 401 (b) Restatement (Third) of U.S. Foreign Relations Law («to subject persons or things to the process of its courts or administrative tribunals, whether in civil or in criminal proceedings, whether or not the state is a party to the proceedings»).

национальной юрисдикции, сравнимыми только лишь с зависимостью судебных (арбитражных) учреждений от административной власти.

Самостоятельным (за пределами настоящего исследования) аспектом конкуренции юрисдикции является деликтная ответственность, в данном случае конкуренция осуществляется не в терминах «привлекательности», а посредством фактической возможности правоохранительных структур того или иного государства дотянуться до субъекта ответственности.

В этом контексте деликтная ответственность выходит за пределы частного права. Конкуренция при применении мер деликтной ответственности категорически отличается от конкуренции юрисдикций при рассмотрении гражданско-правовых споров. Вряд ли применительно к деликтной юрисдикции уместны рассуждения в терминах привлекательности, хотя вероятна ситуация, когда считающееся криминальным действие в одной стране может не считаться таковым в другой, а различия в понимании общественного интереса в разных законодательствах могут привести к тому, что разрешенные в одной юрисдикции сделки подлежат уголовному преследованию в другой. Во всех случаях возникают риски для компаний и граждан, что в различных юрисдикциях один и тот же спор может получить различное судебное решение.

И все же основные сложности деликтной ответственности связаны с тем, что ей не предшествуют договорные отношения, а для следственных органов решение о возбуждении следственного производства и уголовного преследования по делам, имеющим экономическую составляющую, обусловлено критериями, которые оцениваются ими самостоятельно. Такими критериями для начала уголовного преследования по экономическим составам могут выступать: а) место совершения деяния, которое следствие сочло преступным; б) местонахождение объекта преступления; в) гражданство причастных к правонарушению лиц; г) валюта совершения преступления[21]. Международные и иностранные компании должны

[21] Например, американские правоведы и правоприменители исходят из положения американского антикоррупционного законодательства, что юрисдикция США распространяется на транзакции в долларах США.

иметь в виду риски, что при проведении следственных действий аресты, будь то в отношении имущества или корпоративных данных, могут производиться в любом месте, где они (это имущество или данные) находятся, и оговорка о юрисдикции редко является препятствием для их ареста.

Конкуренция и сотрудничество различных национальных юрисдикций не сводятся только к оценке деятельности судебных инстанций. Можно говорить о конкуренции национальных органов прокуратуры, следственных структур, органов по обеспечению экономической безопасности и т.д. Ведь если речь идет о крупных экономических вопросах, затрагиваются интересы государств, задействуются государственные ресурсы, а штрафы могут составлять миллиарды (в любой валюте).

Конкуренция и отсутствие скоординированности действий правоохранительных и силовых структур различных юрисдикций чреваты для руководителей и менеджеров международных компаний возможностью быть привлеченными к ответственности в разных юрисдикциях. Причем, рассчитывать на учет принципа «*non bis in idem*» не приходится: он не распространяется на следственные действия.

Эксперты также выделяют церковную юрисдикцию, административную юрисдикцию, военную юрисдикцию, интернет-юрисдикцию.

Хорошим примером многовариантности (понятийной путаницы) может служить текст (вернее, его перевод на разные языки) Статута Международного суда ООН. Многие зарубежные и российские правоведы весьма критически оценивают переводы этого акта на разные языки. В подтверждение этого тезиса белорусский исследователь А. Величковский приводит оценку английского текста Ш. Розенне (*Sh. Rosenne*): «различие, проводимое иногда в национальном праве между юрисдикцией и компетенцией как отдельными категориями, не оказывает влияния на деятельность Международного суда и, следовательно, главу II Статута

следовало бы назвать «Юрисдикция» («jurisdiction»)»[22]. Внесем лепту в эту критику в части перевода Статута на русский язык:

CHAPTER II **COMPETENCE OF THE COURT**	**ГЛАВА II.** **КОМПЕТЕНЦИЯ СУДА**
Article 36 1**. The jurisdiction of the Court** comprises all cases which the parties refer… 2. The states parties to the present Statute may at any time declare that they recognize as *compulsory ipso facto* and without special agreement, in relation to any other state accepting the same obligation, the **jurisdiction** of the Court in all legal disputes concerning... 6. In the event of a dispute as to whether the Court has **jurisdiction,** the matter shall be settled by the decision of the Court.	***Статья 36*** 1. **К ведению Суда** относятся все дела, которые будут переданы ему сторонами, и… 2. Государства – участники настоящего Статута могут в любое время заявить, что они признают без особого о том соглашения, *ipso facto*, в отношении любого иного государства, принявшего такое же обязательство, юрисдикцию Суда обязательной по всем правовым спорам, касающимся:… 6. В случае спора о **подсудности** дела Суду вопрос разрешается определением Суда.
Article 53 2. The Court must, before doing so, satisfy itself, not only that it has **jurisdiction** in accordance with Articles 36 and 37, but also that the claim is well founded in fact and law.	***Статья 53*** 2. Суд обязан до удовлетворения этого ходатайства удостовериться не только в **подсудности** ему дела…

Только в двух статьях Статута термин «jurisdiction» переводится в русской версии, помимо буквального «юрисдикция», как «к ведению», «компетенция», «подсудность». Применительно к исследованию международных судебных органов, в том числе судов интеграционных объединений, понятие «юрисдикция

[22] Розенне Ш. Право и практика Международного суда. (Rosenne Sh. The Law and Practice of the International Court of Justice. Martinus Nijhoff Publishers, The Hague, 1965. P. 302). Цит. по: Величковский А. Проблемные аспекты понятия «юрисдикция Международного суда ООН» // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 4.

суда» является практическим синонимом понятия «компетенция суда». При этом очевидно, что в национальном праве понятия «юрисдикция» и «компетенция суда» не являются идентичными и существуют как различные самостоятельные правовые категории. Для внутреннего (национального) права суть правового содержания юрисдикции выражает несколько странное (допускающее тавтологию) понятие «юридическая юрисдикция».

Юридическая юрисдикция – возможность субъектов власти осуществлять решение правовых споров, руководствуясь нормами действующего законодательства. В процессе урегулирования спора, субъекты юрисдикции применяют актуальные нормы права, излагают их в решении, которое имеет обязательную юридическую силу для всех участников спора.

Ярким олицетворением множественности и неопределенности содержания являются многочисленные оговорки в законах и международно-правовых актах, в комментариях и экспертной литературе, где применение понятия «юрисдикция» и производных от него зачастую сопровождается разнообразными оговорками: «применительно к регулируемой сфере общественных отношений», «в контексте рассматриваемого вопроса», «применительно к настоящему договору», «в согласованном сторонами понимании для целей настоящего закона» и т.п.

Каковы причины невозможности четкого и однозначного понимания юрисдикции? Связано ли это с субъективным желанием правоведов из различных отраслей права приложить возможности этой категории к предметам этих отраслей или же проблема состоит в неясности образующих данное понятие элементов? Вероятно, причина не кроется ни в одном из высказанных предположений. Субъективное желание правоведов использовать категорию обусловлено ее широкими возможностями для анализа правовой материи и конструирования полезных и эффективных моделей. Что же касается элементов этого понятия, то здесь нет особой сложности. Категорийный ряд выстроен, он прошел испытание историей развития права как национальных правовых систем, так и международного права (публичного и частного). Более того, при нечеткости

артикуляции и множественности определений сама категория юрисдикции, равно как и образованные с ее участием различные общеправовые и специальные термины, хорошо понятна и при своем употреблении весьма полезна.

Однако очевидно, что отсутствие единственного и однозначного определения приводит как к некоторой путанице в юридических документах и научных исследованиях, так и к возможности использовать эти недопонимания в судебной практике и международных отношениях. Что ж, тем интереснее исследование методов изучения категории юрисдикции, ее применения в разнообразных правовых и философских доктринах.

По меткому выражению Дж. Уолша (*J. Walsh*) применительно к английскому языку права, которое с полным основанием применимо и к иным языкам: «Возможно, в юридическом языке нет слова, точное значение которого определяется менее авторитетно, чем юрисдикция. Как совершенно справедливо отмечено в примечании к предмету «юрисдикция» в «Американской и английской энциклопедии права», «возможно, в английском праве нет слова, которое бы определялось так часто, как слово «юрисдикция». С древнейших времен мы находим вопрос о его правильном определении привлекающим внимание юристов»[23].

Основное направление переосмысления правоведами всей системы методологии правовых исследований можно кратко сформулировать как преодоление научного правового позитивизма. Причем по всем правилам диалектики (вне контекста нюансов диалектического материализма и/или исторической диалектики) преодоление научного правового позитивизма не означает его полного отрицания. Синергия и междисциплинарность предполагают неизмеримо более сложную модель сочетания различных общенаучных и частнонаучных методов.

---

[23] True Meaning of the Term «Jurisdiction» / J.W. Walsh // The American Law Register (1898–1907), Vol. 49, N. 6, Vol. 40. New Series. 1901. P. 346–356.

Методологическая функция философии права находит свое отражение в формировании определенных моделей познания права, способствующих развитию юридических исследований. Инструментами подобного развития выступают методы, категории, понятия, с применением которых и посредством которых описываются правовые явления, осуществляются теоретические изыскания в области права и правоприменительные исследования.

Ключевой методологической проблемой исследования понятия «юрисдикция» является терминологическая софистика, выражающаяся в подмене понятий, их множественности, терминологической путанице, многозначности терминов. Учитывая применение базового понятия «юрисдикция» и многочисленных образованных с его участием терминов в различных отраслях права, надеяться на перспективу терминологической четкости не приходится. Слишком ко многим феноменам прилагается это определение.

Безусловно, что методология изучения понятия «юрисдикция» и всего ряда связанных с ним правовых и не только правовых категорий предполагает активное применение различных перечней методов. Эти перечни нередко пересекаются, но конкретные составляющие их методы могут вступать друг с другом в противоречие. Выбор используемых методов в каждом конкретном исследовании обусловлен поставленными задачами и расстановкой приоритетов. Базовый перечень методов образует комбинация общенаучных и частнонаучных методов. К первым следует отнести метод, предполагающий исследование феномена юрисдикции в развитии, динамике, то есть речь идет о методе диалектики. Развитие в континууме истории помогает представить исторический метод. Изучение понимания юрисдикции в различных странах с различными культурными и политическими традициями побуждает использовать методы юридической антропологии, социологии, других дисциплин общественных наук.

Среди набора частнонаучных методов изучения юрисдикции следует выделить свойственные большинству исследований по частноправовым дисциплинам вообще (гражданскому праву и международному коллизионному

праву): формально-юридический, системно-функциональный, сравнительно-правовой.

Приведенный перечень чрезвычайно традиционен. Признание такой традиционности происходит не в категориях «плохо или хорошо», «соответствует современному уровню правовой науки или следует в консервативном русле». Это лишь констатация отсутствия в современной правовой теории нового перечня методов, которая не означает, что сама методология проведения исследований юрисдикции не претерпевает изменений. Напротив, при кажущейся внешней традиционности содержание, внутреннее наполнение, идентичность перечисленных методов существенно меняются.

Заслуживает внимания критика многими исследователями усиливающейся понятийной путаницы и применения «терминологии новояза» в общественных науках в целом и в юриспруденции в частности. Эта дискуссия идет как в западной юриспруденции, так и в российской.

Так, И.Ю. Козлихин выступил с вполне обоснованным обличением использования в рамках одних наук понятий и категорий, заимствованных из иных научных дисциплин, «против бессмысленного или даже вредного использования «чужой» терминологии, терминологии, сложившейся в лоне иных наук и там имеющей свой особый смысл, но теряющей его при переносе на другую почву. Поэтому в результате терминологического «переодевания» получается либо путаница, либо банальность»[24]. Однако этот вполне благородный порыв вступает в противоречие с основными тенденциями современного научного познания: синергией, междисциплинарностью, переплетением методов и предметов исследования. Но в изучении юрисдикции понятийная «путаница» имеет не внешнее происхождение, она обусловлена не заимствованием понятий и методов из иных научных дисциплин, а многозначностью использования понятия «юрисдикция» в собственно правовой материи.

[24] Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 31–40.

В западной теории общественных наук суть диалектического противостояния двух методологических подходов в целом для общественных наук выявил канадский философ Ч. Тейлор (*Ch. Taylor*) в работе «Интерпретация и науки о человеке»[25]. Речь идет об эмпирико-логической модели, в юриспруденции реализуемой в нормативном позитивизме, и герменевтике, предполагающей активное использование методов социального моделирования, ценностной интерпретации. Утвердившийся к 1990-м гг. в западной общественной теории, существенно изменивший современные психологию, социологию, политологию подход к началу 2000-х гг. привел сначала к переосмыслению сначала теории права, а затем значимым изменениям в законодательстве и правоприменительной практике.

При анализе юрисдикции наглядны различия в подходах права со сторон позитивизма и метафизики. Суть позитивистского подхода к юрисдикции выражается в короткой формуле Г. Кельзена (*H.Kelsen*): «Норма функционирует в качестве схемы истолкования»[26]. Схема подобного «истолкования» порождается потребностью применения нормы, что, собственно, и есть юрисдикция. В этом смысле любой акт, получающий статус правового акта, предстает как результат специфического нормативного толкования (интерпретации).

Важнейшей задачей является обоснование действительности нормы, то есть наличия у нее обязывающей силы, в соответствии с которой нечто должно или не должно совершаться. При этом действительность нормы нельзя связывать с простым фактом наличия или отсутствия санкции, поскольку наказание как реализация санкции само не определяется санкцией. «Последняя санкция» всегда основана на правомочии, а не на обязанности. Поэтому единственно возможный

---

[25] Тейлор К. Интерпретация общественных наук. В книге «Свобода современников». Париж, PUF, 1987. С. 5. (C. Taylor, «L'interprétation et les sciences de l'homme» / in La liberté des modernes, Paris: Presses Universitaires de France, 1987. P. 5).

[26] Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сборник переводов В 2-х вып. Вып.1. М.: ИНИОН АН, СССР, 1987. С.10.

вариант – это обоснование действительности нормы через действительность другой нормы[27].

Позитивизм Г. Кельзена был отшлифован и доведен до кристальной чистоты в работе Г. Харта (*H. Hart*) «Понятие права» (1961)[28], подготовленной в ходе дискуссии между ним и Л. Фуллером (*L. Fuller*) на страницах «Harvard Law Review». Г. Харту вполне предсказуемо не удалось убедить Л. Фуллера в отделении права от морали, но получилось дополнить кельзеновскую доктрину, согласно которой содержание права образуют два ключевых понятия «власть» и «полномочия», третьей составляющей – понятием «признание».

Как правомерно утверждают М. Камин (*M. Cumyn*) и М. Самсон (*M. Samson*), «пирамида норм Кельзена, правило признания Харта, теория источников права в традиции гражданского права и правила прецедента в английской традиции – все они направлены на выявление норм так называемого позитивного права, того, что существует в данном месте в данное время, используя объективные критерии, которые оставляют как можно меньше места для интерпретации»[29].

Понятия «признание», «изменение» и «правосудие», по Харту, являются «вторичными правилами», которые в совокупности с первичными правилами (в их качестве Г. Харт видел правила исполнения обязанностей) определяют суть правовой системы. Вторичные правила – это правила, исходящие от власти, если говорить точнее, от органов власти в пределах их полномочий.

Именно позитивизм в интерпретации Г. Харта выводит понятие юрисдикции в перечень основных категорий реального права, в то же время порождает дискуссии о соответствии реального права доктрине справедливости, тому, что обозначается в английском языке практически непереводимым на русский язык

---

[27] Там же. С.11.

[28] Харт Г.Л.А. Понятие права : пер. с англ. / под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.

[29] Камин М., Самсон М. Юридическая методология в поисках идентичности. Междисциплинарный обзор юридических исследований. 2013/2. № 71. С. 1–42. (Cumyn M., Samson M. La méthodologie juridique en quête d'identité. Revue interdisciplinaire d'études juridiques. 2013/2. Vol. 71. P. 1–42).

термином «n*atural justice*». Эта дискуссия во многом объясняет душевные метания большинства правоведов при оценках нормативного позитивизма. Воспитываемым системой юридического образования на принципах неуклонного следования букве закона поколениям юристов трудно признать, что эмпирико-логическая модель оценки сложных и многозначных правовых категорий (а именно к таким категориям относятся «юрисдикция» и весь производный понятийный ряд) себя исчерпала. Признавая сохранение роли научного нормативного позитивизма в правовых исследованиях, перспектива изучения юрисдикции – в моделях интерпретации, ценностного осмысления и правового конструирования.

Концепция толкования (интерпретации) как метода исследования и оценки качества юрисдикции отличается от классического позитивистского подхода. Это отличие в усиливающейся роли толкователя (интерпретатора) закона. Здесь важно отметить неполное тождество понятий «толкование» и «интерпретирование». В интерпретации следует особо выделить субъективный фактор интерпретатора. Изначально толкование понималось как раскрытие содержания, процесс во многом технический, предназначение толкования – помочь уяснить смысл, заложенный законодателем. Творческая субъективная роль толкователя при этом минимизирована.

В современном понимании интерпретация – это не только технический процесс уяснения вложенного законодателем смысла, но и изложение этого смысла применительно к возможно изменившимся с течением времени условиям. Интерпретация стремится не только постичь смысл закона, но и раскрыть цели, которые ставились при его принятии и приложить к текущему контексту. В интерпретации толкование становится телеологическим и контекстуальным. Именно в этом наиболее сложная новелла методологии познания юрисдикции. Юрисдикция и ее практическое выражение (акты и решения) в этой методологии обусловлены историческими, социальными, экономическими, философскими факторами жизни и развития конкретного общества, нации, страны.

Эта мысль была раскрыта судьей от Российской Федерации в Суде ЕАЭС Т.Н. Нешатаевой в Особом мнении по делу № СЕ-1-2/3-16-КС ООО «Ремдизель» к Комиссии ЕАЭС: «Суд не является законодательным органом, он заполняет пробелы в праве, устанавливает противоречия норм права, осуществляет толкование с учетом действующих норм международного права. Судебное толкование при этом действует какое-то время как обычная норма, но может стать и нормой международного договора, решения, если иные органы союза переведут его в эти формы»[30].

Метафизический подход к юриспруденции неизбежно выводит на анализ ценностной составляющей. В этом контексте значим разрыв между «реалистичным» и «метафизическим» восприятием юрисдикции, юстиции, правосудия. Этико-правовая составляющая вступает в яркое и резкое противоречие с реальной юрисдикционной деятельностью, что приводит к необходимости социологического анализа юрисдикционной деятельности в категориях «восприятия» и «доверия». Восприятие и доверие в современном мире оказываются значимыми характеристиками государства и права.

Основные характеристики юрисдикции весьма широки и разноплановы. Национальная юрисдикция характеризуется:

а) качеством государственного управления;

б) качеством законодательства (правового регулирования) и состоянием правовой инфраструктуры;

в) качеством правового сопровождения и юридического образования.

И все же основным фактором следует признать

г) качество осуществления правосудия, независимость суда, единство и предсказуемость правоприменительной практики. Здесь же следует привести

---

[30] Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 8 апреля 2015 по делу № СЕ-1-2/3-16-КС [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза https://courteurasian.org/upload/iblock/8be/3.%20Ремдизель%20-%20ОМ%20Нешатаевой%20Т.Н.%20на%20постановление%20КС%20о%20прекращении.pdf (дата обращения 9.01.2025)

фактор применения негосударственных инструментов, специализирующихся на разрешении споров.

Таким образом, юрисдикционная деятельность представляет собой сложное переплетение позиций, интересов, возможностей различных субъектов: органов государственной власти, компаний, граждан и иностранцев – всех, кто потенциально может стать участником судебных процессов.

Здесь допустимо напомнить фундаментальный подход о распределении национального и интернационального в соотношении закона и правовой науки, изложенный французским правоведом Р. Давидом. «Закон имеет национальный характер… Правовая наука по самой своей природе носит транснациональный характер…, – утверждает Р. Давид (*René David*), – Новое поколение не согласится, чтобы наука права, как грустно говорил Иеринг, опустилась до уровня "местной судебной практики"»[31]. Представляется, что Р. Давид применительно к современному уровню развития права интерпретировал идеи Георга Еллинека *(Georg Jellinek)* о том, что правоведение унизит себя, если поместит себя в государственные рамки и будет наукой только национального права[32]. Российский исследователь А.А. Гайдеров вводит в научный оборот характеристику «юридический национализм», под который понимается «стремление объявить правовой опыт того или иного народа при всей уникальности истории любого государства самодостаточным и оторванным от общего правового развития»[33]. По сути дела, это перефразирование идеи Георга Еллинека о том, что правоведение унизит себя, если поместит себя в государственные рамки и будет наукой только национального права[34].

---

[31] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1998. С.11,18.

[32] См.: Еллинек Г. Право современного государства. М., 1993. С.153.

[33] См., напр.: Мордовцев А.Ю. Национальная правовая система: от философско-правового дискурса к этноантропологическому измерению // Философия права. 2014. № 1 (62) С. 96-101; Гайдеров А.А. Традиционные и религиозные факторы в формировании правовой системы России. Дис... канд юрид наук. М., 2002.

[34] См.: Еллинек Г. Право современного государства. М., 1993. С.153.

Представленной доктрине ни в коей мере не противоречит данная И.Н. Барцицем характеристика исследуемого феномена: «юрисдикция – самый национальный, можно даже использовать термин «националистический» (естественно, не в примитивном толковании этого понятия), аспект любой правовой системы»[35]. Для понимания ситуации предлагается представить себя иностранным инвестором, юристом или обычным гражданином, которому предстоит работать в иной правовой системе, а затем последовательно постараться разобраться в иностранном материальном, процессуальном праве: «Знакомство с ней (*правовой системой. – Прим. авт*.) начинается с изучения материального права (законодательства) этой страны, происходит оценка правовых институтов, их содержания, механизмов правового регулирования и применяемых мер ответственности. Очевидно, при всех различиях правовых систем при определенном уровне умственного напряжения иностранному инвестору, юристу или гражданину все более-менее привычно и понятно. На следующем этапе происходит знакомство с процессуальным законодательством. Безусловно, присутствуют различия в процессуальных деталях, подведомственности и подсудности той или иной категории дел, но по большому счету эти различия даже в странах, принадлежащих к различным типам правовых систем, вполне доступны для понимания и рефлексии. Самое сложное для восприятия наступает именно в тот момент, когда нормативно закрепленные правовые институты в рамках прописанных процедур начинают применяться национальной системой органов управления, правоохраны и правосудия. Это – существо национальной юрисдикции.

Тем самым, привлекательность юрисдикции: а) не в качестве позитивного права, а ее повышение не сводится к корректировке законодательства; и б) не в усовершенствовании процессуальных норм – их выработали еще древние римляне,

---

[35] Барциц И.Н. Конкуренция и сотрудничество национальных юрисдикций: следует ли юрисдикция за флагом // «Национальные юрисдикции в системе международного сотрудничества (российско-французское исследование): монография / отв. ред И.Н.Барциц. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. С.36.

последующие поколения юристов ограничились не столь существенной детализацией. Главное в национальной юрисдикции – практика правоприменения и механизмы осуществления правосудия»[36].

Попытки инвентаризировать перечень факторов, определяющих качество юрисдикционной деятельности того или другого государства, сталкиваются с очевидной сложностью: собственно правовые составляющие, позитивное право при всей своей значимости являются лишь верхним слоем национальной почвы, на которой происходит правовая жизнь этого государства. Образно говоря, конкретные проявления этой жизни уходят корнями в глубинные национальные пласты, где сочетаются принципы морали, традиции и устои этого общества, история формирования права и история становления системы взаимоотношений между государством, властью и обществом, гражданином. Любой перечень факторов всегда будет неполным, так как ряд из них носит оценочный характер, другие подвержены политической конъюнктуре, третьи представляют собой систему неформальных отношений.

Система неформальных отношений оказывает наибольшее влияние на оценку национальной юрисдикции: «Иностранный субъект, сталкиваясь с негативными (преимущественно неписанными) особенностями национального правоприменения, стоит перед выбором: или признать существующие в этой юрисдикции неписанные правила, подстроиться под них и даже научиться извлекать из них пользу, либо уйти из этого правового пространства»[37]. Приспособление к неформальным воздействиям административных и иных структур на осуществление юрисдикционной деятельности является не только характеристикой собственно судебной системы, но и оценкой политической системы, организации общества той или иной страны.

Как отмечается в Докладе Ассоциации юристов России (АЮР) и РАНХиГС «Национальная юрисдикция: курс на конкурентоспособность правовой системы»

[36] Там же. С.36–37.
[37] Там же. С.37.

(2019 г.), «выявление этих факторов, определение степени влияния, установление способов мониторинга и использования с целью улучшения качества юрисдикции являются одной из стержневых задач разработки и реализации государственной правовой политики»[38].

В Докладе исследованы факторы качества и конкурентоспособности правовой системы и ее институтов. Их совокупность – «комбинация противоречивых политико-правовых и социально-экономических условий, воспроизводимых в реальной среде взаимодействия благоприятных и неблагоприятных агентов антропогенного и неантропогенного происхождения»[39]. Среди них называются «факторы, весьма относительно затрагивающие вопросы права:

– фактор природной среды;
– фактор геоклиматической обстановки;
– фактор человеческого потенциала;
– фактор социального капитала;
– фактор государственных (публичных) институтов;
– фактор социально-экономической инфраструктуры;
– фактор эффективности рынка правовых услуг;
– фактор инновационной активности;
– фактор имиджа национальной правовой системы»[40].

При всей своей обширности представленный перечень нельзя признать исчерпывающим, он оставляет широкий простор для его дополнения и конкретизации. Выявление сочетания отмеченных факторов, всей системы формальных и неформальных аспектов взаимодействия различных ветвей власти, институтов гражданского общества, иных элементов социальных систем представляет собой исключительно интересный предмет социологического

[38] Национальная юрисдикция: курс на конкурентоспособность правовой системы России: доклад. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С.106.
[39] Там же.
[40] Там же.

анализа. Однако этот вопрос находится за пределами настоящего исследования, которое преимущественно посвящено формально-правовым характеристикам юрисдикции (прежде всего, гражданско-правовой).

Отдельным аспектом настоящего исследования является соотношение понятий «публичный порядок» и «национальная правовая идентичность». В котором публичный порядок предстает элементом идентичности национальной юрисдикции. Обращение к необходимости защиты публичного порядка при вынесении решений по гражданским делам и исполнении решений иностранных судов достаточно широко известно и детально прописано[41]. Вопрос состоит в применимости этих правовых инструментов при защите «национальной правовой идентичности». Отмеченная сложность определения понятий «материальный публичный порядок» и «процессуальный публичный порядок» стократно возрастает при обращении к понятию «национальная правовая идентичность».

Отстаивание и защита своей юрисдикции, принципа безусловного распространения на свою территорию и своих граждан своей юрисдикции (то есть деятельности и решения различных органов власти, правосудия, правоохраны и т.д.) представляет собой одну из важнейших задач государства. По сути, речь идет о самом государственном суверенитете. Любые подвижки (уступки), изменения в юрисдикционной защите своей территории и своих граждан допустимы лишь в рамках межгосударственных соглашений, причем преимущественно в случае участия государства в межгосударственном союзе или ином интеграционном

[41] Литвинский Д.В. Оговорка о публичном порядке и признание иностранных судебных решений во французском праве // Закон. 2013. № 2. С. 78–86; Варей-Соммьер П., Гетьман-Павлова И.В. Международный и внутренний публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений (правоприменительный опыт Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 1. С. 140–168; Тариканов Д.В. Взаимосвязь квалификации и публичного порядка в международном частном праве // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 80–92.

объединении. Во всех иных случаях неспособность обеспечить защиту своей юрисдикции является признаком ограничения государственного суверенитета.

Со своей стороны, органы, осуществляющие юрисдикционную деятельность, прежде всего административные и судебные органы, призваны своими действиями защищать интересы государства и сохранять его правовую идентичность. Однако этот подход применительно к судебным инстанциям (в самом наглядном случае – к арбитражным судам) может вызвать обоснованные нарекания и опасения, что судебные учреждения могут в угоду объективным или надуманным национальным интересам принимать неправовые несправедливые решения. Самый элементарный пример – рассмотрение экономических споров с участием иностранного элемента.

Безусловно, защита своей правовой идентичности, интересов государства и экономики – значимый аспект деятельность судебной системы. Также очевидно, что любому государству очень непросто согласиться на то, что иностранный суд, то есть иностранный орган государственной власти (в данном случае речь не идет о дискуссии, является ли в современной управленческой доктрине суд органом государственной власти, но по крайней мере теория разделения властей исходит из того, что судебная власть – одна из трех ветвей государственной власти) принимает решение, которое прямо или косвенно затрагивает права и интересы граждан, финансовое положений компаний (решения иностранных судов могут быть весьма чувствительными как для любых компаний, даже самых крупных, так и для всей национальной экономики той или иной страны).

При рассмотрении проблематики защиты публичного порядка той или иной страны следует выделять два уровня:

а) уровень защиты в отношении решений судов стран, находящихся с этим государством в рамках одного интеграционного объединения;

б) уровень защиты в отношении решений судов стран, не входящих в подобные объединения.

Это различие следует проводить исходя из понимания, что при нахождении в рамках интеграционных межгосударственных объединений на вопросы

публичного порядка влияют уставные акты подобных интеграционных объединений, которыми регламентируются вопросы передачи части суверенных прав, компетенции национальных и межнациональных судебных органов, процедуры разрешения споров.

Обозначенная проблематика представляет значимый интерес для России и российской правовой системы. Особый интерес для изучения принципов соотношения национальной юрисдикции и юрисдикции интеграционного объединения представляют принципы французского права в отношении признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений государств. Этот интерес обусловлен тем, что во Франции на протяжении истории существенно видоизменялась система взаимоотношений с юрисдикцией Европейского Союза и с юрисдикциями стран, не являющихся членами ЕС. Катализатором этих изменений всегда выступала дискуссия о том, что вкладывается в понятия «материальный публичный порядок» и «процессуальный публичный порядок». Особая значимость анализа содержания и признаков понятия «публичный порядок» для российской судебной (арбитражной) практики обусловлена активным использованием оговорки о публичном порядке судебными (арбитражными) органами России в качестве меры антисанкционного регулирования и протекционизма в отношении отечественных компаний. При этом предстоит провести параллели сходства, влияния и различий, противоречий с российской правовой доктриной и практикой применения в России и в ряде зарубежных стран оговорки о публичном порядке.

В вопросе исполнения или неисполнения решения иностранного суда в случае его противоречия материальному публичному порядку наглядно проявляется самоуважение французской юрисдикции. Хотя французская судебная практика не представила однозначного понимания материального публичного порядка, французские суды исходят из убеждения, что «система принципов и ценностей, составляющая французский публичный порядок, не может не

признаваться даже в международных делах»[42]. В данном случае подтверждается линия французского права на экстраполирование французских правовых ценностей и принципов за пределы национальных границ.

Правоведы вполне обоснованно относят французскую правовую систему к числу так называемых Великих правовых систем современности (*Grands systèmes de droit contemporains*). Убеждение в особой значимости принципов и ценностей французского публичного порядка, восходящих к принципам и ценностям «l*a Révolution française»,* можно признать одной из черт французской национальной правовой идентичности. Это понимание предопределяет подход, согласно которому «отказ от выдачи экзекватуры на исполнение иностранного решения может быть осуществлен как по причине противоречия решения международному публичному порядку, так и по причине нарушения им основополагающих принципов и ценностей права Франции»[43].

Однако, даже самые убежденные сторонники вышеобозначенной позиции критикуют реализуемую в практике французского судопроизводства линию: французская гражданская юрисдикция распространяется на споры, в которых истец (французский гражданин) обращается с иском в французский суд против ответчика – иностранца, не являющегося резидентом Франции и даже не проживающим на территории Франции[44]. В российском правоведении эта позиция

---

[42] Приведенный принцип нашел свое отражение во многих решениях Апелляционного суда Парижа, см., напр.: Paris, 14.06.2001 // Rev. Arb. 2001. 773 note. C. Seraglini; Paris, 15.02.1996, SA Renosol France et autre c. Societe Coverall North America // Rev. Arb. 2001. 805, 4e esp., obs. Y. Derains; Paris, 27.10.1994 // Rev. Arb. 1994. 709. См.: Paris, 23.10.2012, Ste Michel A. Chalhoub Inc. c. societe Daum // Rev. Arb. 2013. 171, note L. d'Avout.

[43] См.: Cass. civ. 1, 08.07.2010, 08-21.740, Enfant Anna // Rev. Crit. DIP. 2010. 747, note P. Hammje; Journal du droit international. 2011. 119, note S. Bollee; v. F. Moneger et G. Pluyette. Exequatur et principes essentiels du droit français // Melanges a la memoire de Patrick Courbe. Dalloz, 2012. 447 s. Детально данный вопрос раскрыт в статье автора диссертации Барциц В.И. Конкуренция европейской и британской юрисдикций в условиях Brexit // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 109–119.

[44] Mann F.A. Studies if International Law. Oxford, 1973. P.95. Цит. по: Черниченко О.С. Устранение конкуренции юрисдикций государств: внутригосударственные и международно-правовые подходы // Московский журнал международного права. 2002. № 4. С. 240.

детально раскрывается в работах П. де Варей-Соммьера[45] и И.В. Гетьман-Павловой[46], в которых раскрывается суть и практика применения п. 5 ст. 1520 Гражданского процессуального кодекса Франции[47], которым в качестве основания для отказа в выдаче экзекватуры (исполнение судебного решения, вынесенного судебным органом другого государства) указывается несоответствие принятого судебного решения международному публичному порядку[48].

Б.В. Янке и Ф.-К. Ликари разъясняют, что в течение более чем 150 лет французские суды осуществляли свои полномочия по признанию решений иностранных судов (*révision au fond*) при условии, что они правильны с точки зрения французского права: «Спустя более чем 150 лет применения французскими судами *la révision au fond* Кассационный суд устранил этот спорный принцип, заменив его на пятичленный тест для приведения в исполнение иностранных судебных актов в своем прецедентном решении 1964 г. по делу *Münzer v. Münzer*. Этот тест сместил акцент с рассмотрения дела по существу в сторону уважения к мнению иностранного суда. Кассационный суд продолжал оттачивать аргументацию, использованную по делу *Münzer*, и в дальнейшем либерализовал процесс, ограничив сферу применения ст. 14 и 15 ГК Франции и сократив объем

---

[45] Vareilles-Sommieres, P. Le juge de l'exequatur du jugement d'adoption n'est pas juge de l'adoption // Revue critique de droit international prive. 2016. № 16–23. P. 560–568;Vareilles-Sommieres, P., Laval, S. Droit international privé l // Paris: Dalloz, 2023. – 1359 p.

[46] Варьей-Соммьер П., Гетьман-Павлова И.В. Нарушение «сверхимперативных норм» как основание отказа в признании и использовании иностранных арбитражных решений (судебная практика Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 22-42; Гетьман-Павлова, И.В., Касаткина, А.С., Филатова, М.А. Международный гражданский процесс // М.: Юрайт, 2024. 342 с.

[47] Основные принципы и регуляторы признания и исполнения иностранных судебных во Франции решений даны в Гражданском процессуальном кодексе Франции (Code de Procédure Civile, CPC) и Кодексе гражданского исполнительного производства Франции (Code des procédures civiles d'exécution, CPCE). Подробный анализ дан в статье: Варей-Соммьер П. де, Гетьман-Павлова И.В. Международный и внутренний публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений (правоприменительный опыт Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 1. С. 140–168.

[48] Эта норма французского права основывается на положении Нью-Йоркской конвенции (подп. b п. 2 ст. V), согласно которому государство вправе отказаться от исполнения судебного решения в случае, когда подобное исполнение вступает в противоречие с публичным порядком этого государства.

требований из дела Münzer в другой серии примечательных решений в 2006 и 2007 гг.: *Prieur v. de-Montenach , Banque de développement BDL v. Fercometal и Cornelissen v. Avianca Inc.*»[49].

Действительно, французские суды последовательно истолковывали ст. 14 и 15 Гражданского Кодекса (в том числе в решениях судов первой и апелляционной инстанций по делу *Fountaine Pajot* в 2004 и 2005 гг.) так, чтобы не допустить признания принятых иностранными судебными и арбитражными учреждениями решений против французских ответчиков.

Французское право при определении механизмов сочетания национальной юрисдикции и иностранной юрисдикции исходит из концепции проекции норм французского национального права на положения европейского права и обратного воздействия положений европейского права, решений административных и судебных органов ЕС на французское право. Тем не менее постепенно и поэтапно утверждается примат общеевропейского права и прецедентная роль европейских судебных учреждений. Знаковыми для характеристики этого процесса стали решения Суда ЕС по делам *Case 6/64 Flaminio Costa v E.N.E.L.*[50], *Cornelissen v. Avianca Inc.*, *Fountaine Pajot и Münzer*.

С 1964 г. во Франции применяется так называемая «европейская нота», предусматривающая передачу полномочий в сфере признания и исполнения решения иностранных судов в ведение общеевропейских органов (решение Кассационного суда Франции по делу *Мюнзера (Münzer)*).

Кардинальные изменения в этом подходе связываются исследователями и практиками с рассмотрением в 2006-2007 гг. ряда принципиальных споров, в которых нашла отражение совершенно иная правовая позиция. В делах *Prieur v. de Montenach, Münzer, Simitch Banque de développement local BDL v. Fercometal SARL*

[49] Подр. см.: Янке Б. В. Приведение в исполнение иностранных судебных решений о штрафных убытках во Франции после дела *Fountaine Pajot* // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 9. С. 114–141.

[50] Judgment of the Court of 15 July 1964. Flaminio Costa v E.N.E.L. Case 6–64. URL: http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/ EN/TXT/?uri=CELEX%3A61964CJ0006 (дата обращения 9.01.2025).

Кассационный суд Франции последовательно смягчал толкование о приоритете французских истцов в спорах с иностранными компаниями и физическими лицами. Например, в деле *Prieur и Fercometal* Кассационный Суд Франции истолковал ст. 14 и 15 ГК как предоставляющие истцам – французским гражданам и французским компаниям дополнительную возможность доступа к французским судам, но как закрепляющие исключительную подсудность таких дел французским судам. Кассационный Суд Франции постановил, что рассматриваемые статьи не предполагают исключительной юрисдикции национальных судов в отношении дел, в которых французские компании и французские граждане выступают в качестве истцов.

В отношении признания и приведения в исполнение решений судов государств, не являющихся членами Европейского Союза, французское право исходит из правовой позиции, представленной в решении Кассационного Суда Франции от 20 февраля 2007 г. по делу Корнелиссен (*Cornelissen c/Société Avianca Inc, et autres*)[51]. Суть рассматриваемой правовой позиции в том, что для выдачи экзекватуры иностранного судебного решения необходимо соответствие его трем требованиям:

1) принятое иностранным судебным органов решение должно соответствовать международному публичному порядку;

2) французский суд должен удостовериться, что не имеет место обход закона (*fraude à la loi);*

3) правильное отнесение подсудности конкретного гражданского дела к юрисдикции конкретного суда иностранного государства. Это фактор характеризуется как «условие о наличии косвенной юрисдикции»[52].

---

[51] Cornelissen c/Société Avianca Inc, et autres, Cass. 1e civ., 20 février 2007. Pourvoi № 05-14082. Bull.civ I. № 68. P. 60. D. 2007. P. 1115, obs. I.Gallmeister, note L.d'Avout et S. Bollée.

[52] Косвенной судебной юрисдикцией считается возможность признания иностранного судебного решения при соблюдении некоторых условий в тех случаях, когда компетенция иностранного суда не базируется на содержащихся в международном договоре юрисдикционных критериях. См., напр.: Шеповалова О.А. Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском Экономическом союзе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. № 1. С. 81–89.

Б.Я. Янке отмечает: «В 2007 г. в деле *Cornelissen v. Avianca Inc*. Кассационный суд сократил перечень условий, приведенный в деле *Münzer и Bachir*, до трех, устранив положение, что иностранный суд должен применить закон, который подлежал бы применению в соответствии с французским коллизионным правом. В результате по состоянию на 2007 г. для исполнения решений иностранных судов остались три условия: 1) юрисдикция иностранного суда; 2) ненарушение французского публичного порядка; 3) отсутствие *fraude à la loi*»[53]. Здесь следует обратить внимание на некоторое различие в трактовках: при определении соответствия публичному порядку, какому из них отдается приоритет (международному публичному порядку или французском публичному порядку), или же суд уравнивает эти понятия применительно к теме рассмотрения? Это аспект будет отдельно раскрыт в исследовании.

Указанная триада получила детальное раскрытие в том числе и в российской правовой науке[54]. Небезынтересно отметить, что за 163 года до решения Кассационного суда Франции российский правовед П.А. Марков, анализируя подходы швейцарского правоведа Э. де Ваттеля и Ф.Ф. Мартенса[55] к вопросу «чтобы иностранное судебное решение могло считаться обязательным (*faire irrévocablement droit et chose jugée entre les parties*)» приводит в качестве необходимых условий следующие:

1) «чтоб дело по свойству своему было подсудно суду, постановившему решение;

---

[53] Янке Б.В. Указ соч.

[54] См., напр.; Кайсин Д.В., Безрученков М.В. Исполнение российских судебных решений за рубежом: современные тенденции // Вестник международного коммерческого арбитража. 2016. № 2. С. 161-168; Бойко К.С. Признание и исполнение иностранных судебных решений во Франции: особенности при наличии и в отсутствие международного договора с государством вынесения судебного решения // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 1. С. 144-148.

[55] Ф.Ф. Мартенс вошел в историю как первый представитель России на Гаагских конференциях по международному частному праву. Он избирался вице-президентом конференции.

2) чтобы были соблюдены установленные для решения дел формы и обряды, а также было предоставлено тяжущимся право воспользоваться законными средствами пересмотра решение, и

3) чтобы дело было решено по законам той страны, где производилось, и чтобы решение было окончательное»[56].

П. Варей-Соммьер и И.В. Гетьман-Павлова обращают внимание на фундаментальное отличие французского и российского права: если французское законодательство оперирует обоими понятиями («международный публичный порядок» и «французский публичный порядок»), то российское право нормативно оперирует только понятием «публичный порядок Российской Федерации»[57]. Судебное раскрытие понимания публичного порядка Российской Федерации дано в п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53: «Под публичным порядком в целях применения указанных норм понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации»[58].

Ранее аналогичное толкование содержания публичного порядка России дал в Информационном письме № 156 от 26 февраля 2013 г. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ: «под публичным порядком… понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей

---

[56] Марков П.А. О приведении в исполнение решений судебных мест иностранных государств // Журнал Министерства юстиции. 1864. Год шестой. Т.XXII С. 25–46 (октябрь), С. 211-224 (ноябрь). Цит. по: Муранов А.И. Международный договор и взаимность как основания приведения в исполнение в России иностранных судебных решений. М., 2003. С. 143-144.

[57] Подробнее см.: Варей-Соммьер П. де, Гетьман-Павлова И.В. Международный и внутренний публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений (правоприменительный опыт Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 1. С. 140–168.

[58] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 53 от 10 декабря 2019 г. «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 13.

императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные прав и свободы частных лиц» (п. 1) [59].

Другим свидетельством авангардной роли арбитража (относительно судов общей юрисдикции) в части исследуемой проблематики является применение (хоть и нечастое) в решениях российских арбитражных судов термина «международный публичный порядок». В российской доктрине оговорка о публичном порядке используется в виде инструмента балансировки между применением норм коллизионного права, с одной стороны, и защитой государственных интересов, с другой. «Оговорка о публичном порядке» является институтом российского гражданского права, закрепленным в ст. 1192 и 1193 ГК РФ и применяется в двух формах: позитивная форма оговорки (ст. 1192 ГК РФ) – правило о применении сверхимперативных норм; и негативная форма оговорки (ст. 1193 ГК РФ) – неприменение иностранной нормы в случае ее явного противоречия основам российского правопорядка. Обращение к этому институту широко обсуждается и нередко осуждается за неясность и размытость критериев по двум аспектам:

а) при обсуждении споров о самой допустимости применения иностранного права;

б) при дискуссиях о допустимости признания и исполнения иностранных судебных (арбитражных) решений.

[59] Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ № 156 от 26 февраля 2013 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 5.

Значимым аспектом проблемы является взаимосвязь между понятиями «публичный порядок» и «национальная правосубъектность»[60]. Сам факт обращения к оговорке о защите публичного порядка свидетельствует, что суд приходит к выводу (обоснованному или надуманному), что исполнение иностранного судебного решения или решения международного суда угрожает сформированным политико-правовым принципам, ценностям, что, по сути, и составляет понятие «национальной правовой идентичности». Следует повторить, что защита таковой национальной правовой идентичности – одно из предназначений функционирования судебной системы как ветви государственной власти.

Важно при этом оговориться, что сама оговорка о публичном порядке при своем применении обращена не к иностранному правопорядку или правовой системе, в которой было принято рассматриваемое национальным судом судебное (арбитражное) решение иностранного суда, а направлена на анализ конкретного решения и конкретной правовой нормы, которая была положена в основу его принятия.[61] В то же время, надлежит предостеречь от соблазнов расширительного толкования этого политико-правового феномена, тщательного анализа в каждом конкретном судебном разбирательстве последствий применения оговорки о публичном порядке. В данном случае при анализе подобных ситуаций надлежит обратиться к «категории меры». Безусловно, категория меры – в высшей степени оценочная! Но для судебных органов использование оценочных категорий традиционно. В случае исполнения иностранных судебных решений, которые противоречат национальному публичному порядку, надлежит определить меру этого противоречия и степень угрозы ему.

---

[60] Данный аспект детально раскрыть в статье автора настоящего исследования: Барциц В.И. «Фактор доверия» как основное препятствие признания и исполнения иностранных судебных решений // Юрист. 2023. № 4. С. 47–53.

[61] Особое внимание к этой теме придает дискуссия об использовании оговорки о публичном порядке в качестве меры антисанкционного правового регулирования (см. об этом в Главе 3 настоящего исследования).

Можно предположить, что противоречием публичному порядку в существенной степени следует признать те случаи, когда речь идет об угрозе национальной правовой идентичности. П. Майер (*P. Mayer*) подчеркивает, что простое нарушение внутреннего публичного порядка не влечет неисполнения решения, но оценка такого решения фактически зависит от тяжести ударов по публичному порядку: предполагается, что решение не просто противоречит публичному порядку, но и что его исполнение значительным образом пошатнет основы правопорядка[62]. Российское законодательство и российская правоприменительная практика для обозначения высокой степени угрозы «публичному порядку Российской Федерации» говорят об угрозе или посягательствах на «основополагающие принципы российского права». Можно сделать логический вывод, что именно «основополагающие принципы российского права» и есть главный элемент «публичного порядка Российской Федерации».

Хотя ни П. Майер, ни процитированные его последователи не используют понятие «национальной правовой идентичности», но утверждение П. Майера о «расшатывании основ правопорядка» и используемое его российскими сторонниками и применяющееся в судебных решениях в России понятие «основополагающие принципы российского права» можно признать в значительной степени аналогичными «угрозе правовой идентичности».

П. Варей-Соммьер (P. Vareilles-Sommieres) и И.В. Гетьман-Павлова демонстрируют решение задачи защиты правовой идентичности на примере Кодекса гражданского исполнительного производства Франции (ст. 1492.5). Авторы не только представляют базовый подход французского права, состоящий в обязанности суда убедиться в соответствии иностранного судебного решения французскому (международному?) публичному порядку прежде, чем принять решение о возможности его экзекватуры и допустить его исполнение на том основании, что рассматриваемое решение не нарушает нормы внутреннего

[62] Майер П. Решение, противоречащее общественному порядку по существу // Обзор арбитража. 1994. № 29. (P. Mayer. La sentence contraire a l'ordre public au fond // Rev. Arb. 1994. № 29). Цит. по: Варей-Соммьер П. де, Гетьман-Павлова И.В. Указ. соч. С.150.

правопорядка Республики[63], но и приходят к заслуживающему особого внимания выводу: «Однако, если решение иностранного арбитража противоречит внутреннему публичному порядку государства, в котором испрашивается его исполнение, но при этом *ipso facto* не противоречит международному публичному порядку, то такое решение должно быть исполнено»[64]. То есть национальный суд в такой ситуации ставится выше внутреннего публичного порядка, он получает полномочие принять решение об исполнении иностранного решения даже при противоречии его национальному праву. Представляется, что эта позиция является прогрессивной и направлена на эволюционное развитие того самого национального правопорядка, о котором идет речь.

Несмотря на традиционно активное использование российской судебной системой оценочных категорий, обращение к категории меры при анализе угроз публичному порядку – новый вызов, который еще только предстоит осмыслить и адекватно реализовать в правоприменительной практике. Современной судебной и арбитражной практике Российской Федерации удалось выработать более или менее унифицированный подход, которого следует придерживаться и впредь:

а) надлежит четко разделять при принятии спора к рассмотрению вопрос о подсудности спора тому или иному суду и вопрос применяемого к разрешению спора законодательства. Правильное определение подсудности конкретного гражданского дела к юрисдикции конкретного суда иностранного государства («условие о наличии косвенной юрисдикции») предполагает следование четкой

---

[63] Варей-Соммьер П. де, Гетьман-Павлова И.В. Международный и внутренний публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений (правоприменительный опыт Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 1. С. 140–168.

[64] Например: проигнорировав несоблюдение принципа эстоппеля, судья нарушил международный публичный порядок. См.: Cass. Civ. 1, 19.12.2012, 11-13.269 // Rev. Arb. 2013. 147, note A. Pinna. Другой пример: принцип прекращения взысканий с несостоятельного должника, закрепленный в ст. 621–641 Коммерческого кодекса, был признан принципом как международного, так и внутреннего порядка. См.: Cass. Civ. 1, 6 mai 2009, 08-10.281, Mandataires judiciaires associes c. International Company for Commercial Exchanges, D. 2009, AJ, 1422 et pan. 2968, obs. T. Clay // Rev. Arb. 2010. 299, note D. Cohen. См. также: Варей-Соммьер П. де, Гетьман-Павлова И.В. Указ соч.

последовательности этапов выбора юрисдикции, которые детально представлены в диссертационном исследовании;

б) проверка национальным судом решения международного коммерческого арбитража или суда другого государства на соответствие этого решения национальному публичному порядку категорически не означает допустимости пересмотра проверяемого решения по существу. Подобный подход в наибольшей степени соответствует интересам стабильности правосудия и предсказуемости, что является очевидной ценностью для коммерческих отношений[65].

1.2. Принципы и этапы выбора гражданской юрисдикции в условиях конкуренции национальных юрисдикций

Значимая тема для каждой страны – привлечь экономических субъектов международной торговли и международного сотрудничества разрешать споры именно в их юрисдикции. При этом каждая страна пытается минимизировать случаи ухода из ее юрисдикции, когда экономические субъекты, становясь участниками споров и исков, пытаются уйти для разрешения споров в иную юрисдикцию. Актуализируются вопросы эффективности национальной юрисдикции и ее конкурентной привлекательности для участников внутригосударственных и трансграничных социальных, экономических, финансовых, энергетических, корпоративных и иных отношений.

---

[65] См., напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4.03.2002 г. № 34-Г02-2; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.09.2006 г. № 4485/06; Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № 575/08 по делу № А06-6957-2/2006; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14.02.2006 г. № КГ-А40/247-06; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.09.2009 по делу № А21-802/2009 // СПС КонсультантПлюс; Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 г. № 156 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 5.

В современном мире национальные юрисдикции утратили право на монополию. Этому способствуют процессы глобализации, формирования транснациональных корпораций, развитие экономического сотрудничества. Вместе с очевидными преимуществами эти процессы сопровождаются увеличением количества и сложности споров, которые должны быть урегулированы в судебных инстанциях. Причем такие судебные инстанции могут располагаться в различных государствах с разными правовыми порядками. Следовательно, организация деятельности и возможные споры таких компаний будут определяться по правилам разных юрисдикций. Возникают ситуации, когда суды различных стран конкурируют между собой за рассмотрение одного и того же дела или различные части одного и того же дела рассматриваются в судах разных стран.

Система разрешения споров с иностранным участием развивается. К концу XX в. стало очевидно: система международно-правовых конвенций, построенных на основе Нью-Йоркской конвенции 1958 г., Вашингтонской конвенции 1965 г. и правил ЮНСИТРАЛ, не является в полной мере соответствующей современному состоянию коммерческих отношений, а ограниченный перечень арбитражных учреждений (Арбитражный суд Международной торговой палаты, ICC (Париж), Лондонский международный третейский суд, LCIA, Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма, SCC) не в состоянии справиться с возросшим объемом споров и не учитывает появление новых центров экономической (и, следовательно, правовой) силы.

Анализ механизмов многолетней деятельности международных коммерческих арбитражей приводит к весьма комплементарному выводу: их решения в своем большинстве весьма качественны, эффективны и прошли достойную апробацию[66]. Однако они имеют весьма существенный недостаток в

[66] Кентон Х. Преимущества Международного коммерческого арбитража. Kenton, Hirst, Advantages of International Commercial Arbitration, July 2015, доступно на: www.mondaq.com/uk/x/416416/international+trade+investment/Advantages+Of+International+Commercial+Arbitration (дата обращения 9.01.2025).

виде высокой стоимости обращения за предоставляемыми юридическими услугами по защите интересов хозяйствующих субъектов. Для транснациональных корпораций, крупных бизнес–компаний расходы такого размера приемлемы, но для большинства других хозяйствующих субъектов, среди которых физические лица и большинство средних и малых компаний, эти механизмы либо полностью недоступны, либо их использование ими чрезвычайно обременительно. Подавляющее большинство подобных физических и юридических лиц предпочитают обращаться в государственные суды и органы национального арбитража. И в том случае, если в споре участвует иностранный хозяйствующий субъект и иск надлежит подать в суд или арбитраж, находящийся в иной национальной юрисдикции, обращение к ним более экономично.

Отчего или от кого зависит выбор юрисдикции для рассмотрения конкретного дела:

а) следуя принципу диспозитивности, партнеры по бизнесу, то есть потенциальные противники в судебных процессах, преимущественно вправе сами выбрать юрисдикцию, которую они считают благоприятной для рассмотрения споров;

б) в других случаях выбор юрисдикции определяется коллизионными нормами международного частного права;

в) либо решение подпадает под действие суда на основе национальной юрисдикции, например, личного закона страны проживания потребителей, личного закона страны проживания наследодателя или закона страны нахождения имущества.

Международный характер деятельности крупных компаний, работающих в различных юрисдикциях и/или имеющих контракты с партнерами из множества иностранных юрисдикций, обусловливает их определенную уязвимость с точки зрения необходимости учитывать требования этих юрисдикций, а при возникновении споров – судебные (арбитражные) разбирательства по требованиям и правилам этих юрисдикций. В этих случаях возможны ситуации как

предоставляющие выбор юрисдикции, так и множественность судебных разбирательств. При этом юрисдикции могут вступить в конкуренцию друг с другом при рассмотрении одного и того же дела либо даже части того или иного дела.

В наилучшем сценарии стороны, заключающие контракт, заранее обсуждают все возможные аспекты, которые могут возникнуть в ходе разбирательства. Они четко определяют, какая юрисдикция будет рассматривать возникающие споры, а также какое законодательство будет применяться в случае возникновения конфликтов. Такая предварительная договоренность позволяет избежать неопределенности и обеспечивает большую ясность в разрешении возможных разногласий. Это также снижает риски, связанные с судебными разбирательствами, поскольку стороны уже знают, какие правила и нормы будут действовать в случае необходимости обращения в суд. Именно из анализа содержания подобного рода соглашений наиболее наглядны качество и привлекательность юрисдикции, которую предпочитают стороны договора.

Базовые доктрины выбора юрисдикции. Государства призваны обеспечить гражданам и бизнесу различные виды правовой защиты посредством гражданско-правовых, административно-правовых и уголовно-правовых норм. В разных государствах существуют различные практики и подходы по разрешению частноправовых отношений, к которым при появлении иностранного элемента могут применяться нормы коллизионного права (нормы международного частного права).

Нормы международного частного права распространяются только на частноправовые отношения, что выводит за пределы разрешения административные иски и уголовные дела. В качестве примечания следует отметить, что в ряде правовых систем происходит выделение административных исков в отдельную юрисдикцию (например, в Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Австралии), а в ряде иных гражданские или коммерческие иски могут подлежать рассмотрению в рамках уголовного судопроизводства. Такое положение

дел имеет место в России. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» от 13 октября 2020 г. № 23 непосредственно закрепляет (п. 27) обязанность суда «в ходе судебного разбирательства… принимать исчерпывающие меры для разрешения имеющегося по делу гражданского иска по существу с тем, чтобы нарушенные преступлением права потерпевшего были своевременно восстановлены, не допускать при постановлении обвинительного приговора необоснованной передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства»[67].

До судебного рассмотрения спорящие стороны вправе использовать различные инструменты досудебного разрешения, административные механизмы, средства медиации. Если сторонам не удается достичь соглашения в процессе досудебных процедур, это может привести к возникновению противоречий касательно выбора юрисдикции, компетенции суда и применимого права, регулирующего разрешение спора. Кроме того, после судебного разбирательства могут появиться разногласия относительно признания и исполнения решений, вынесенных судами других стран. Такие противоречия могут значительно усложнить процессы разрешения споров и нанести ущерб интересам сторон. В ходе рассмотрения подобных споров весьма вероятно возникновение ситуации конкуренции юрисдикций, когда разные аспекты спора могут подлежать урегулированию в различных юрисдикциях, а следовательно, призванный быть единым процесс столкнется со сложностями по выбору юрисдикции и применяемого при разрешении спора права.

В таких случаях презюмируется следование судом, принимающим к своему рассмотрению спор, ряду базовых доктрин. Предназначение всех

---

[67] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 12.

нижеприведенных доктрин сводится к обеспечению двух задач: а) надлежащее отправление правосудия; б) процессуальная справедливость в отношениях сторон спора.

1. Доктрина «*Iura novit curia*» (применяются две версии перевода «суд знает право» и «суд знает закон»). Л.В. Терентьева раскрывает ее содержание следующим образом: «римская максима «*jura novit curia*» фактически содержит в себе несколько тезисов: 1) суд знает право; 2) суд осуществляет самостоятельное исследование норм права безотносительно к ссылке сторон на них; 3) суд самостоятельно применяет право к фактическим обстоятельствам, как они преподнесены суду сторонами, что является отражением максимы «*da mihi factum, dabo tibi jus*» – стороны должны излагать лишь фактические обстоятельства, а правовую оценку им дает суд»[68].

В российском праве продолжается дискуссия о том, что именно представляет собой доктрина «*Iura novit curia*» для современного российского гражданского права:

а) принцип гражданского процесса (как некое исходное положение);

б) правовую фикцию (на том основании, что ни один судья не может знать все право);

в) правовую аксиому (в этом случае рассматриваемую доктрину объявляют общепризнанной и не требующей доказательств);

г) правовую презумпцию (предложение, считающееся правильным *a priori*, то есть на основе предшествующего опыта).

Действительно, ни один судья не может знать все право, но это не может помешать ему при рассмотрении конкретного вопроса изучить необходимый для вынесении решения правовой материал. Также анализируемая доктрина не может быть отнесена к аксиомам (то, что не требует доказательств) или принципам

[68] Подр. см.: Терентьева Л.В. Общеправовая презумпция *jura novit curia* и отраслевая презумпция *jura aliena novit curia* международного гражданского процесса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 196–213.

гражданского процесса на том основании, что, к сожалению, эта доктрина часто опровергается правоприменительной практикой, иными словами, судебными ошибками и неправосудными решениями, то есть суд далеко не всегда использует свои возможности для изучения и правильного истолкования закона. Методом исключения доктрину «*Iura novit curia*» следует отнести к презумпциям гражданского права и процесса, что совершенно не предполагает допущения, что якобы хотя бы даже один из юристов может знать все право и все о праве. Даже самый эрудированный правовед и правоприменитель самого широкого профиля хорошо знает достаточно узкий спектр отраслей права. Презумпция исходит из иного: суд имеет все возможности как непосредственно, так и с привлечением экспертов и специалистов, обладающих специальными знаниями, составить верное представление о применимом праве.

С еще большей степенью опасений в знаниях можно утверждать верность рассматриваемой доктрины применительно к использованию иностранного права при принятии решений. Ряд авторов полагает, что презумпция «*jura novit curia*» распространяется только на национальное право[69] и, более того, утверждают презумпцию «*jura aliena non novit curia*» («суд не знает чужого права»). Признавая особую сложность получения знаний и информации о праве иностранных государств и нормах международного права, согласиться с презумпцией допустимости незнания иностранного права нельзя. Правоприменитель, прежде всего суд, при вынесении решения обязан изучить международно-правовые нормы и нормы права иностранного государства максимально тщательно, чтобы вынесенное решение было справедливым. Поэтому при рассмотрении споров с иностранным элементом следует исходить из презумпции «*jura aliena novit curia*» («суд знает иностранный закон» или «суд знает иностранное право»).

2. Доктрина «*Forum non conveniens*» (неудобное место рассмотрения дела).

[69] Л.В. Терентьева среди таких исследователей называет Н.С. Ешниязова, А.И. Стихину, Д.А. Хоцанову, А.М. Чирнинова. Подр. см.: Терентьева Л.А.Указ соч. С. 205–209.

Основное принцип рассматриваемой доктрины: суд, обладающий надлежащей подсудностью, имеет право по своему усмотрению прекратить дело или отказаться от его рассмотрения в том случае, если суд определит, что есть более подходящий и в то же время доступный для обеих сторон спора суд для разрешения спора по существу. Таким образом, суд может принять роешение о том, что лучше перенести дело в другую юрисдикцию, где оно может быть рассмотрено более эффективно. Базовым подходом при рассмотрении гражданских дел является обязанность суда заслушать все стороны и осуществить правосудие в рамках установленного для этого суда процесса, если соблюдены правила юрисдикции, как территориальные, так и материальные. Аналогичное требование применимо и к судам, использующим иностранное право и нормы международного частного права. В то же время в целом ряде случаев суду может быть предписано передать дело в иную юрисдикцию, например, в ситуации, когда происшествие (или несчастный случай) произошло в иной юрисдикции или когда в ней проживают все свидетели.

В то же время возникшая в Шотландии в начале XVII в. доктрина «*forum non conveniens*», изначально получившая широкое распространение в странах общего права, постепенно получает все большее закрепление в странах европейского континентального права (как в национальном законодательстве, так и в актах Европейского Союза) и в целом в коллизионных нормах международного частного права. Наиболее полно среди актов Европейского Союза доктрина «*forum non conveniens*» отражена в двух регламентах:

а) Регламенте Европейского Парламента и Совета Европейского Союза № 650/2012 от 4 июля 2012 г. «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании европейского свидетельства о наследовании»[70]. Отмеченный акт позволяет компетентному суду не выносить решения в отношении определенных активов, если можно ожидать, что решение,

[70] Journal Officiel de l'Union européenne. 27 juill. 2012, L 201/107.

которое он вынесет в отношении этих активов, не будет признано или признано подлежащим исполнению в третьем государстве по месту их нахождения;

б) Регламенте Совета Европейского Союза 2201/2003 от 27 ноября 2003 г. «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей»[71], который предусматривает возможность передачи дела для рассмотрения в суд «по принципу наилучшего расположения» (ч. 1 ст. 15):

«В порядке исключения суды государства-члена ЕС, наделенные полномочиями для рассмотрения дела по существу, в случае если будет установлено, что суд иного государства-члена ЕС, с которым у ребенка имеется устойчивая связь, более благоприятно расположен для рассмотрения дела или отдельной его части и при этом интересы ребенка обеспечиваются наилучшим образом:

(a) приостанавливают рассмотрение дела или какой-то его части и предлагают сторонам предъявить свои требования в суд иного государства-члена ЕС в соответствии с параграфом 4; или

(b) предлагают суду иного государства-члена ЕС взять на себя полномочия по рассмотрению дела в соответствии с параграфом 5».

И все же эти примеры являются скорее исключениями из общего правила: национальное законодательство и коллизионные нормы призваны препятствовать желанию суда «отказать в правосудии»; суд, в который подан иск, должен тщательно обосновать, почему он пришел к выводу, что иностранный суд более предпочтителен для принятия иска и рассмотрения его по существу.

3. Доктрина «lis alibi pendens» (принцип контролируемой множественности процессов). Настоящая доктрина содержит обязанность суда, принявшего то или иное дело к рассмотрению, приостановить или прекратить рассмотрение дела, если получит информацию, что аналогичное дело уже ведется в другом суде. Это правило направлено на предотвращение конфликтов между юрисдикциями и

[71] Journal Officiel de l’Union européenne. 23 déc. 2003, L 338.

избегание дублирования судебных разбирательств, что помогает обеспечить более эффективное и упорядоченное рассмотрение дел.

4. Доктрина «res judicata» (разрешенное дело) основывается на том, что судебные решения обладают качествами преюдициальности и исключительности. Это означает, что по вопросам или требованиям, которые уже были рассмотрены и получили судебное решение, не допускается повторное разбирательство. Данная доктрина призвана обеспечить правовую определенность и стабильность судебной практики, а также предотвращать злоупотребления со стороны истцов.

Основной целью следования двум доктринам *«lis alibi pendens»* и «*res judicata»* является предотвращение вынесения противоречащих друг другу судебных решений[72]. Основная сложность при обращении к ним – понимание, что речь идет именно о том же самом споре (споре, который уже нашел свое разрешение в иной юрисдикции), а не о другом, пусть и весьма схожем с разрешенным делом. Тем самым надлежит исключить возможность отказа в правосудии. Для этого надлежит тщательно сравнить уже разрешенное дело с тем, которое представлено в суд. Вводится принцип так называемой «тройной идентичности», который получили свою конкретизацию в решении Европейского суда по делу «*Gubisch Maschinenfabrik KG v. Palumbo*». Говорить о полной идентичности нового иска с уже разрешенным спором можно в том случае, если у обоих исков совпадают все три элемента:

а) стороны, участвующие в споре;

б) основания (причина) спора (*causa petendi*)[73];

а) предмет (объект).

5. Доктрина *«Renvoi*» предполагает возможность отсылки к нормам иностранного государства в связи с различиями в понимании коллизионных

---

[72] Gubisch Maschinenfabrik KG v. Palumbo, Case 144/86 // https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61986CJ0144:EN:HTML (дата обращения 9.01.2025)

[73] Два иска, основанные на одних и тех же договорных отношениях и, следовательно, на одном и том же основании иска, имеют один и тот же предмет, даже если они не полностью идентичны.

вопросов. Данная доктрина допускает не только возможность собственно отсылки к иностранному праву (к нормам материального права или к правопорядку в целом), но и последующие отсылки («отсылка первой степени» и «отсылка второй степени»).

Ситуация, когда суд одной страны использует законодательство другого государства и одновременно применяет коллизионные нормы этого второго государства, которые, в свою очередь, могут возвращать к внутренним нормам первого государства, называется «отсылкой первой степени». Но право первого государства, в свою очередь, может отослать обратно к праву второго государства (обратная отсылка) или к праву третьего иностранного государства («отсылка третьей степени»).

Представленный ряд отсылок можно продолжать почти до бесконечности. Различные исследователи, занимавшиеся подсчетом возможных отсылок и их характеристиками, приводят различные образные сравнения, некоторые из которых приведены в учебнике «Международное частное право» под редакцией С.Н. Лебедева и Е.В. Кабатовой со ссылками на работы дореволюционных российских правоведов А.Н. Макарова[74], Б.Э. Нольде[75], А.А. Пиленко[76]: «зеркальный кабинет» (*spiegel cabinet*), «заколдованный круг» (*cercle vicieux*), «лаун-теннис» (*lawn-tennis*)[77].

---

[74] Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М., 2005. (по изд. 1924 г.). С. 58.

[75] Нольде Б.Э. Очерк международного частного права // Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / Пер. под ред. В.Э. Грабаря. Юрьев, 1909. С. 477.

[76] Пиленко А.А. Очерк частного международного права // Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / Пер. под ред. В.Э. Грабаря. Юрьев, 1909. С. 371-404.

[77] Международное частное право. В 2-х т. Т.1: Общая часть / Отв.ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. – М.: Статут, 2011. С. 286. Яркое сравнение с настольным теннисом при характеристике доктрины *renvoi* весьма распространено, ее допускал В.М. Корецкий, при этом оправдывая само ее существование стремлением согласования конфликтных норм различных государств (См., напр.: В.М. Корецкий. Очерки англо-американской доктрины и практики международного частного права. 1948; Корецкий В.М. Избранные труды: в 2 кн. Кн. 1. Киев, Наук. думка, 1989. С. 285).

Правовые акты, регламентирующие выбор юрисдикции[78]. Выбор юрисдикции регламентируется комплексом нормативных актов универсального и регионального значения. Среди них первых прежде всего следует выделить Конвенцию Гаагской конференции по международному частному праву (HCCH) о соглашениях о выборе суда от 30 июня 2005 (Гаагская конвенция о выборе суда)[79], которая применяется по гражданским и торговым спорам. Свидетельством трудностей при определении правил признания решений иностранных судов является ход переговоров по разработке всемирной Гаагской конвенции о судебных решениях. Переговоры начались в 1999 г., но подготовленный к 2001 г. проект был отвергнут[80]. Тем самым он унаследовал печальную судьбу Конвенции о признании и исполнении иностранных судебных актов по гражданским и торговым делам 1971 г. (ее ратифицировали только пять государств: Албания, Кипр, Кувейт, Нидерланды и Португалия).

Гаагская конвенция о выборе суда 2005 г. существенно сузила предмет регулирования (США и ЕС подписали Конвенцию в 2009 г., Россия до настоящего времени эту Конвенцию не подписала). Конвенция определяет условия и процедуры признания судебных решений, направлена на обеспечение действительности соглашений о выборе суда между сторонами международных коммерческих сделок, а также возможности приведения в исполнение судебных решений, принятых на основании таких соглашений.

---

78 Анализ международно-правовых актов, регламентирующих выбор юрисдикции представлен в ряде публикаций автора исследования. См. напр.: Барциц В.И. Юрисдикция: понимание, основные признаки и правила выбора // Государственная служба. 2024. №. 2 (148). С. 45–54; Барциц В.И. «Фактор доверия» как основное препятствие признания и исполнения иностранных судебных // Юрист. 2023. № 4. С. 47–53.

79 В настоящее время Конвенцию 2005 г. подписали 32 страны, преимущественно страны ЕС (кроме Дании). США и Китай конвенцию подписали, но не ратифицировали. Конвенция вступила в силу 1 октября 2015 г. Россия, хотя и подписала Заключительный акт работы конференции, которым утверждался текст Конвенции, саму Конвенцию не подписала.

80 Draft Hague Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil and Commercial Matters (2001) // http://www.hcch.net/index_en.php?act=publications.details&pid=3499&dtid=35) (дата обращения 9.01.2025)

В ходе самого судебного процесса исключительно важны процессы сбора и получения доказательств, находящихся за пределами национальной юрисдикции, в которой ведется судебное разбирательство. Инструментарий взаимодействия национальных судов с судебными и административными система иностранных государств предусмотрен Гаагской конвенцией о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам от 18 марта 1970 г. (Гаагская конвенция о получении доказательств).

При всей сложности описанных этапов (этап выбора юрисдикции и этап самого судебного процесса) наиболее сложным для трансграничных споров является этап признания и исполнения судебного решения, принятого судом одной страны, на территории иностранного государства. Поэтому полноценное конвенциональное регулирования вопросов коллизионного права на заключительном этапе гражданско-правового спора удалось сформировать много позднее. 2 июля 2019 г. в ходе работы 22-й сессии Гаагской конференции по международному частному праву была принята Конвенция о признании и приведении в исполнение решений судов иностранных государств по гражданским и коммерческим делам. Российская Федерация подписала Конвенцию в 2021 г. Европейский Союз присоединился к Конвенции в августе 2022 г., и после ее ратификации странами ЕС 1 сентября 2023 г. Конвенция вступила в силу 1 сентября 2023 г.

Подписание Россией в 2021 г. Конвенции 2019 г. (Россия стала пятой страной мира, подписавшей ее; первенство за Уругваем), конечно же, лишь первый шаг на пути ее применения. И дело не только в том, что эта конвенция пока еще не ратифицирована Россией, существуют и иные ограничения. Среди них формально-юридические: а) Конвенция применяется только в том случае, если обе стороны (страна суда, вынесшего решение, и страна исполнения решения) на момент начала судебного процесса были участницами Конвенции; б) положения этого международного-правового акта не применяются к решениям, вынесенным на основании соглашений между сторонами о выборе суда (если существует подобное

соглашение, то применяются нормы Гаагской конвенции 2005 г., участницей которой Россия не является).

Гаагская конвенция 2019 г. не распространяется на судебные решения по некоторым важнейшим вопросам, среди которых ряд вопросов интеллектуальной собственности, авторского права, дела о банкротстве, семейные споры, некоторые другие. Тем не менее Гаагская конвенция бросает своеобразный вызов Нью-Йоркской конвенции 1958 г. с продвигаемым последней международным арбитражем. Предусмотренной Гаагской конвенцией 2019 г. механизм признания и исполнения решений иностранных судов в основном аналогичен процедурам, предусмотренным Нью-Йоркской конвенцией, однако сам механизм трансграничного рассмотрения судебных споров может быть эффективнее и дешевле услуг международного арбитража. По мнению ряда экспертов, в том случае, если удастся обеспечить ратификацию Конвенции 2019 г. ведущими юрисдикциями мира и по количеству участников составить конкуренцию Нью-Йоркской конвенции, возможно повышение привлекательности механизмов трансграничного разрешения споров. Хотя, безусловно, это перспектива не ближайшего десятилетия, в среднесрочной перспективе предстоит наблюдать за тем, механизмы какой из конвенций будут более востребованы компаниями ведущих экономических стран мира.

К актам регионального значения относятся международно-правовые соглашения, заключенные государствами: а) географически близкими; б) имеющими общий правовые традиции.

1. Применительно к судебным решениям стран постсоветского пространства (Содружества независимых государств, Евразийского экономического союза) следует отметить следующие соглашения:

а) Минская конвенция 1993 г. – Конвенция Содружества Независимых Государств о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, принятая в г. Минск 22 января 1993 г. (действует в

редакции Московского протокола 1997 г. в отношении ограниченного перечня стран)[81];

б) Киевское соглашение СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г.[82];

в) Московское соглашение СНГ о порядке взаимного исполнения решения арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях государств-участников Содружества от 06 марта 1998 г.[83];

г) Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная 7 октября 2002 г. в г. Кишинев (Молдова)[84]. В соответствии с Кишиневской конвенцией государства-участники Конвенции признают и исполняют следующие виды решений, вынесенные на территориях «других Договаривающихся Сторон» «на условиях, предусмотренных настоящей Конвенцией»:

«а) решения учреждения юстиции Договаривающихся Сторон по гражданским и семейным делам, включая утвержденные судом мировые

---

[81] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/

[82]https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1597/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/

Минское и Киевское соглашения в известной степени дополняют друг друга: Минская конвенция преимущественно используется при урегулировании гражданско-правовых споров неэкономического характера, ее действие не распространяется на решения арбитражных судов по спорам, связанным с осуществлением хозяйственной деятельности, Киевское соглашение распространяется на экономическую деятельность и возлагает на государства-участников обязанность взаимного признания и исполнения вступивших в законную силу решений компетентных судов (ст. 7).

[83] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22599/ Московское соглашение гарантирует исполнение решения суда другой страны СНГ в бесспорном порядке наравне с решениями национальных судов в порядке исполнительного производства в соответствии с требованиями национального законодательства (ст. 3).

[84] Кишиневская конвенция ратифицирована РФ Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. и вступила в силу для России 28 июня 2023 г., применяется в отношениях между Российской Федерацией, Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. С вступлением в силу Кишиневской конвенции 2002 г. для вышеуказанных стран утратила силу Минская конвенция 1993 г. – Конвенция Содружества Независимых Государств о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, принятая в г. Минск 22 января 1993 г. (действовала в редакции Московского протокола 1997 г.). Минская конвенция продолжает действовать по делам с теми странами, кто был участником Минской конвенции, но не подписал Кишиневскую конвенцию: Украина, Молдова, Туркменистан.

соглашения по таким делам и нотариальные акты в отношении денежных обязательств…;

б) приговоры (решения) судов по уголовным делам в части возмещения ущерба, взыскания штрафов и конфискации;

в) решения судов о наложении ареста на имущество, включая денежные средства на банковских счетах в целях обеспечения иска» (п. 1 ст. 54 Конвенции)[85].

2. В Европейском союзе (ЕС) вопрос выбора юрисдикции определяется:

а) Регламентом «Брюссель I *bis*» – Регламент (ЕС) № 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 12 декабря 2012 г. «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (в новой редакции)»[86]. Регламент «Брюссель I *bis*» заменил Регламент Совета Европейского Союза № 44/2001 от 22 декабря 2000 г. «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам»[87] (Регламент «Брюссель I»), который, в свою очередь, заменил Конвенцию «О юрисдикции и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» от 27 сентября 1968 г. (Брюссельскую конвенцию)[88].

б) Луганской конвенцией – Конвенция «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам от 30 октября 2007 г.[89] (Луганская конвенция 2007 г.), которая заменила Конвенцию о юрисдикции и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам от 16 сентября 1988 г. (Луганская конвенция 1988 г.). Луганская конвенция распространяется на государства-члены Европейского союза, Исландию, Норвегию и Швейцарию.

---

[85] https://docs.cntd.ru/document/901898597?ysclid=m5zpavoz6h513154150
[86] Official Journal of the European Union, L 351, 20 December 2012.
[87] Official Journal of the European Communities, L 12, 16 January 2001.
[88] Участниками Брюссельской конвенции 1968 г. были Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. По мере расширения состав ЕС увеличивалось и количество стран - участниц Брюссельской конвенции.
[89] Official Journal of the European Union L 339, 21 December 2007.

Поскольку Луганская конвенция 2007 г. по существу в значительной степени сходна с Регламентом «Брюссель I», для обозначения всех этих документов используется собирательный термин «Брюссельский режим». Эти нормативные акты являются основным источником правил по выбору юрисдикции и исполнению иностранных судебных решений;

в) Регламентом «Рим I» – Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 17 июня 2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам[90];

г) Регламентом «Рим II» – Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 11 июля 2007 о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам[91].

Брюссельский режим направлен на обеспечение свободного обращения судебных решений и устанавливает единые правила международной юрисдикции в большинстве гражданских и коммерческих споров, рассматриваемых судами ЕС. Хотя в отношении некоторых споров действует исключительная юрисдикция, в остальных случаях стороны могут выбрать суд по взаимному согласию. Регламент также устанавливает другие правила о юрисдикции, которые применяются по умолчанию. По общему принципу, ответчик привлекается к ответственности в государстве-члене, в котором он постоянно проживает, независимо от гражданства. Для того чтобы обеспечить надлежащее отправление правосудия, Регламент «Брюссель I *bis*» устанавливает особые правила, в соответствии с которыми разрешается также подавать иски в суды других государств-членов, отличных от страны постоянного проживания ответчика.

В Регламенте «Рим I» рассматривается право, применимое к договорным обязательствам в гражданских и коммерческих делах с иностранным элементом. Одним из ключевых принципов этого Регламента является предоставляемая сторонам свобода выбора применимого права. Если стороны не выбрали право,

[90] Official Journal of the European Union, L 177, 4 July 2008.
[91] Official Journal of the European Union, L 199, 31 July 2007.

применимое к договору, используются критерии выбора применимого права для соответствующего типа договоров. Как правило, применяется право государства, где находится обычное место жительства стороны, которая должна осуществить «характерное исполнение» договора, за исключением случаев, когда договор явно имеет более тесные связи с другой страной или невозможно определить, в чем заключается «характерное исполнение договора».

В Регламенте «Рим II» рассматривается право, применимое к внедоговорным обязательствам в гражданских и коммерческих делах с иностранным элементом.

3. За пределами Содружества Независимых Государств, ЕАЭС и Европейского Союза аналогичные функции выполняют:

а) Межамериканская конвенция об общих нормах международного частного права, принятая 8 мая 1972 г., действует в Организации американских государств;

б) На Общем рынке стран Южной Америки (МЕРКОСУР):

– Протокол о правовом сотрудничестве и помощи в гражданских, торговых, трудовых и административных делах, принятый в Валле де Лас Леньяс 27 июня 1992 г.;

– Протокол Оуро Прето Общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР), заключенный 17 декабря 1994 г. в г. Оуро Прето:

в) Межамериканская конвенция об экстерриториальном действии иностранных судебных и арбитражных решений от 8 мая 1980 г.;

г) Конвенция Лиги арабских государств о приведении в исполнение судебных и арбитражных решений от 14 сентября 1952 г.;

д) Эр-Риядская конвенция о сотрудничестве по судебным вопросам от 6 апреля 1983 г.

Этапы выбора юрисдикции. В международном и национальном праве стала классической оценочная характеристика «отношения, осложненные присутствием иностранного элемента». Действительно, появление иностранного юридического или физического лица (иностранного элемента) чревато для любого правоотношения целям рядом сложностей. Для судебной инстанции или арбитража

появление иностранного элемента означает необходимость осуществить многоэтапную процедуру выбора юрисдикции. Этапы выбора юрисдикции следующие:

1) определение подходящей юрисдикции, суда, компетентного рассмотреть спор и принять решение;

2) определение подлежащего применению законодательства;

3) применение избранного права;

4) признание решения иностранного суда;

5) приведение решения иностранного суда в исполнение.

На первом этапе суд или арбитраж, в который поступили дело или иск с участием иностранного элемента, призваны однозначно определить свою компетенцию по рассмотрению дела (иска). Суд должен сначала выяснить, обладает ли он достаточными полномочиями для рассмотрения спора. Это может зависеть от различных факторов, таких как место жительства сторон или место совершения действия, послужившего основанием для обращения в суд.

А. Беннетт, экс-судья Федерального суда Австралии, и С. Граната, судья Апелляционного суда Антверпена (Бельгия) и Суда Бенилюкса (Люксембург), в Руководстве для судей описывают следующие основные требования к суду на этом этапе: «Необходимо рассмотреть вопрос о том, какую связь стороны, предмет спора и испрашиваемые средства правовой защиты имеют с государством, где расположен суд. Вопрос о том, обладает ли тот или иной суд компетенцией выносить решения по тому или иному спору – другими словами, относится ли данный спор к его юрисдикции – будет решаться в соответствии с нормами того государства, где располагается суд, на что также могут повлиять международные или региональные правовые акты. Вполне возможно, что юрисдикцией выносить решение по тому или иному спору будут обладать суды в более чем одном государстве, и на практике это позволяет истцу выбрать суд (такую практику иногда называют «поиском удобного суда»). Вопрос о подсудности спора тому или

иному суду должен рассматриваться отдельно от вопроса о том, какое законодательство суд будет применять к этому спору»[92].

Определение законодательства, которое будет применяться к разрешению конкретного спора, является вторым этапом выбора юрисдикции. На этом этапе суд должен ответить на несколько ключевых вопросов. Основная задача заключается в том, чтобы выяснить, какое материальное право какого государства уместно применять для разрешения спора. Это включает в себя анализ различных факторов, таких как: а) место совершения действий, ставших основанием для спора; б) гражданство или местожительство сторон, участвующих в конфликте; в) специфика самого спора и его обстоятельств. Суд должен учитывать все эти аспекты, чтобы установить, какое законодательство будет наиболее подходящим и применимым в данном случае.

Суду также надлежит ответить на вопросы: материальное право какого государства подлежит применению при рассмотрении дела? В какой мере должно применяться коллизионное право (международное частное право)? Суду надлежит учитывать и международные соглашения, конвенции и правила, которые могут влиять на выбор юрисдикции. При этом важно избежать конфликтов с юрисдикциями других стран, учитывать нормы национального законодательства, которыми регулируются правила рассмотрения дел, осложненных иностранным элементом.

Далее следует сердцевинный этап деятельности суда – применение избранного права. Этап признания решения иностранного суда включает в себя:

а) позицию об исполнении решений международных судебных органов;

---

[92] Беннетт А., Граната С. Когда международное частное право пересекается с правом интеллектуальной собственности – Руководство для судей. Гаага: Гаагская конференция по международному частному праву; Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности. 2019. С. 36 // https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1053.pdf (дата обращения: 9.01.2025).

б) признание и приведение в исполнение решений международных арбитражей и иностранных арбитражных решений;

в) признание иностранных административных актов.

Преобладающую часть признаваемых иностранных решений составляют именно решения по гражданским и коммерческим делам, то есть решения, принятые в рамках гражданского судопроизводства. Подобное преобладание объясняется рядом факторов:

а) государства избегают признавать и исполнять решения иностранных судов в сфере публичного права, так как усматривают в этом посягательство на свой суверенитет. Исключение составляет признание решений судов интеграционных объединений;

б) в уголовном праве государства предпочитают использовать инструменты экстрадиции правонарушителей и решают далее все вопросы в соответствии с национальным уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Примеры международного уголовного преследования широко освещаются в средствах массовой информации, имеют, как правило, политический контекст. Даже в рамках интеграционных объединений вопросы признания и исполнения уголовных наказаний решаются с трудом. Примером служит «Зеленая книга» Комиссии Европейских сообществ по сближению, взаимному признанию и приведению в исполнение уголовных санкций в Европейском Союзе 2004 г.[93].

Какие основные признаки и последствия может иметь правовое решение, принятое иностранным судом для другого государства? Прежде всего, следует принять сам факт наличия иностранного судебного решения, которое тем или иным образом затрагивает интересы («наших», имеющих отношений к «нашей» стране) юридических и физических лиц. Признание или непризнание национальным судом этого решения не отменяет самого факта его существования. Национальный суд и национальные административные инстанции, даже не признавая этого решения и

[93] Commission of European Communities ‘Green Paper on the Approximation, Mutual Recognition and Enforcement of Criminal Sanctions in the European Union’ COM(2004) 334 final (30 April 2008).

не стремясь его исполнить, не могут полностью игнорировать сам факт его принятия и последствия этого решения в иных юрисдикциях.

Далее, если существуют международные или двусторонние договоренности о признании судебных (арбитражных) решений, это решение иностранного суда применяется либо полностью, либо с определенными оговорками. При этом выигравший гражданское дело начинает процедуру исполнения решения иностранного суда в стране, где находится проигравшая процесс сторона. Трудности исполнения решений даже национальных судов, не говоря об иностранных, – предмет активных дискуссий во многих странах. Процедуры исполнения судебных решений регулируются национальным законодательством и существенно различаются между разными странами.

Основные принципы исполнения решений иностранных судов. Выработанные правоприменительной практикой позиции в отношении признания и исполнения решений иностранных судов позволяют выделить следующие четыре основания для этого[94]:

1) двусторонние договоры;

2) многосторонние конвенции;

3) принцип вежливости;

4) принцип взаимности.

Этап признания решения иностранного суда в гражданском праве подлежит урегулированию соответствующими многосторонними и двусторонними соглашениями. Подходы стран к обязательности самого факта наличия двустороннего соглашения для исполнения решений иностранного суда существенно разнятся: от законодательного закрепления невозможности

[94] Майклс Р. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений. // Энциклопедия международного публичного права Макса Планка. Michaels R. Recognition and Enforcement of Foreign Judgments // Max Planck Encyclopedia of Public International Law www.mpepil.com . 2009. P. 1. https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2699&context=faculty_scholarship (дата обращения: 9.01.2025).

исполнения решении иностранных судов в случае отсутствие двустороннего соглашения (Нидерланды, ряд скандинавских государств) до чрезвычайно либерального подхода, исповедуемого в праве США. Учитывая существенные расхождения в правовом регулировании между различными штатами США, в стране актуален вопрос о признании и исполнении судебных решений других штатов. Очевидно и естественно, что этот вопрос решается положительно. Но многие штаты распространяют этот либеральный подход и на правовые акты иностранных государств. При этом США не подписали соглашения о признании решений иностранных судов ни с одной (!) страной мира, даже с соседней Канадой.

При отсутствии подобной нормативной базы государственные органы вправе определять судьбу решений иностранных судов на своей территории самостоятельно. Отсутствие международных договоров о правовой помощи между Россией и многими странами ЕС (существуют подобные договоры с 16 из 27 стран Европейского Союза – Австрией, Болгарией, Венгрией, Грецией, Италией, Кипром, Латвией, Литвой, Польшей, Румынией, Чехией и Словакией как правопреемниками Чехословакии, Словенией и Хорватией как правопреемниками Югославии, Финляндией и Эстонией[95]) существенно осложняло урегулирование экономических споров, в том числе с основными торгово-экономическими партнерами России в Европейском Союзе, такими как Франция и Германия, до введения санкций в отношении России, так и стало еще более проблемным в современных геополитических условиях.

Например, как отмечают П. Варей-Соммьер и И.В. Гетьман-Павлова: «французское законодательство предусматривает более благоприятные условия признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, нежели положения Нью-Йоркской конвенции. Кассационный суд Франции в Постановлении по делу *ASECNA c/N'Doye* прямо указал, что к исполнению иностранных решений применяется более благоприятный режим (ст. 1502 ГПК). В

[95] Международные договоры Российской Федерации о правовой помощи https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126898/?ysclid=m62mvlb3mr813437498 (дата обращения 18.01.2025 г.)

связи с этим лица, в пользу которых вынесены решения, как правило, опираются на нормы французского права. Что касается российского законодательства, то оно в целом воспроизводит соответствующие положения Нью-Йоркской конвенции. Нельзя сказать, что российский законодатель установил более благоприятный режим по сравнению с Конвенцией, однако заинтересованные лица, ходатайствуя о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, также в основном обращаются к нормам внутреннего российского права»[96].

Рассматриваемый подход исторически основывался на непризнании решений иностранных судов и на отказе в исполнении вынесенных против французских граждан решений иностранными судами[97]. Французские граждане выводились из сферы действия иностранных судов, при этом предусматривалась привилегия французских граждан подавать иски против иностранцев во французские суды. Подобный подход был изменен решением Кассационного суда Франции в 2006 г. (*Prieur v de Montenach*), в котором была резко ограничена сфера применения ст. 15 Гражданского кодекса[98].

Процедура получения лицензии о признании и последующем исполнении решения иностранного суда во Франции подробно представлена в работах

---

[96] Подр. см.: Варей-Соммьер П. де, Гетьман-Павлова И.В. Указ соч. С. 141.

[97] В то же время именно Франция стала первой страной, заключившей двусторонний договор о признании и исполнении судебных решений. Второй стороной договора выступили швейцарские католические кантоны. Соглашение 1715 г. действовало до 1869 г., когда ему на смену пришел договор между Францией и Швейцарией о юрисдикции и исполнении гражданских судебных решений. Договор 1869 г. утратил силу лишь в 1991 г. с присоединением Швейцарии к Луганской конвенции. Примерами других заключенных Францией двусторонних соглашений, регулирующих вопросы исполнения гражданских судебных решений, выступают: а) Договор о границах Франции и Сардинии 1760 г.; б) Договор Франции с Баденом о взаимном исполнении судебных решений 1846 г.; в) Договор Бельгии и Франции об исполнении судебных решений 1899 г. В целом в XIX в. соглашения о взаимном признании и исполнении судебных решений заключались между близкими по правовой культуре соседними странами. В частности, активно заключались договоры об исполнении судебных решений между германскими государствами (39 договоров). Эта тенденция продолжает существовать и сегодня: подобные соглашения заключаются между арабскими странами, между Францией и ее бывшими колониями (например, между Францией и Вьетнамом в 2001 г.).

[98] Макэлриви, Куниберти Дж. Либерализация французского законодательства в отношении иностранных судебных решений. Издательство Кембриджского университета. Т. 56. Вып. 4. С. 931-939. McEleavy, Cuniberti G. The Liberalization of the French Law of Foreign Judgments. // International and Comparative Law Quarterly. 2007. Vol. 56 (4). P.931–939.

парижского адвоката Д.В. Литвинского. Такая процедура может занять несколько лет и требует определенных финансовых вложений. Однако, если должник владеет активами, эта процедура в большинстве случаев будет успешной. Например, во Франции вынесение решения о приведении в исполнение занимает в среднем один год, а его последующее подтверждение в случае возможной апелляции – до полутора лет. Решение Кассационного суда от 30 января 2013 г. по делу Газпромбанка, безусловно, является историческим решением в области признания решений российских судов во Франции[99].

Кассационный суд, касаясь иска Банка России, почти дословно повторил в нем свою собственную формулировку, ранее выраженную в другом принципиальном решении, не связанном с Россией, по делу Корнелиссена от 29 февраля 2007 г.: для выдачи исполнительного листа французский судья должен убедиться в соблюдении трех условий, а именно:

1) компетенция иностранного суда может быть косвенно признана на основании наличия связи между спором и судом, который его рассматривает;

2) уважение международного публичного порядка в отношении существа спора и процедуры и

3) отсутствие обхода закона.

Впоследствии аналогичные подходы были воспроизведены в решениях судов низшей инстанции (Апелляционный суд Парижа, 18 февраля 2014; Окружной суд Парижа, 11 февраля 2015 г.; Окружной суд Версаля, 25 августа 2015 г.)[100]. Подход кассационного суда, в основном, сводится к двум моментам: возможность имплицитного признания посредством вынесения постановления о приведении в исполнение того, что иностранный судья имел право вынести решение по делу, и контроль за нарушением этим судьей французских требований международного

---

[99] См., напр. Литвинский Дм. Litvinsky D. Gazprombank en France: le tout en plein exequatur. http://zakon.ru/Blogs/gazprombank_vo_francii_vse_v_fulnom_ekzekvature/5674; (дата обращения: 9.01.2025). Оговорка о публичном порядке и признание иностранных судебных решений во французском праве // Закон. 2013. № 2. С.78–86.

[100] Там же.

публичного порядка. В этом перечне отсутствуют какие-либо соображения взаимности со стороны иностранного государства.

Принцип взаимности и принцип вежливости. В 2010 г. Европейский суд по правам человека в Постановлении по делу «*Петр Королев против Российской Федерации*»[101] рекомендовал российским судам в отсутствие международного многостороннего или двустороннего соглашения при признании и исполнении судебных решений исходить из принципа международной вежливости. Для четкости понимания надлежит признать, что в решении ЕСПЧ по делу «Петр Королев против Российской Федерации»[102] нет требования обязательного признания российскими судами решений иностранных судов. Более того, в решении отмечается наличие в России практики признания иностранных судебных решений на основе принципа взаимности. Однако и до решения ЕСПЧ 2010 г., и по большей части и после него российские суды общей юрисдикции не считают для себя обязательным принцип взаимности, ориентируясь на наличие или отсутствие двустороннего договора.

Вопросы обращения к принципу взаимности при признании иностранных судебных решений можно проследить при рассмотрении ряда решений российских судов и судов (арбитражей) ФРГ. Наглядную динамику диалога российских и немецких судов на примере ряда решений Московского арбитражного суда, Арбитражного суда Санкт-Петербурга, Земельных судов Аугсбурга и Гамбурга по признанию и исполнению судебных решений приводит Е.А. Васильева[103].

Прорывным для российско-германского «диалога судей» стало решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга от 28.05.2008 г. по Делу № А56-22667/2007 о признании и приведении в исполнение решений суда первой

---

[101] Постановление Европейского Суда по правам человека от 21.10.2010 г. по делу «Петр Королев» против Российской Федерации. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70073380/ (дата обращения: 10.10.2024).

[102] Там же.

[103] Васильева Е.А. Россия и Германия: долгий путь к взаимному признанию иностранных судебных решений // Океанский менеджмент. 2018. С. 47–50.

инстанции по делам о банкротстве г. Франкфурта-на-Майне от 07.09.2005 г.[104], которым решение немецкого суда было признано «подлежащим признанию и приведению в исполнение арбитражным судом в Российской Федерации в соответствии с принципом взаимности, который является *общепризнанным принципом международного права*» (курсив – Авт.). Российский суд в решении указал, что «Закон № 127-ФЗ (Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» – прим. авт.). не исключает возможности приведения в исполнение иностранного судебного решения о несостоятельности (банкротстве) на территории Российской Федерации и при отсутствии международного договора. Пунктом статьи 1 Закона № 127-ФЗ предусмотрено, что при отсутствии международных договоров Российской Федерации, решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) признаются на территории Российской Федерации на началах взаимности, если иное не предусмотрено федеральным законом»[105].

В 2012 г. Федеральный арбитражный суд Московского округа в своем постановлении указал: «в связи с тем, что английское законодательство предусматривает признание и приведение в исполнение решений российских судов, а также в связи с тем, что решения российских судов признаются и приводятся в исполнение судами Соединенного Королевства, суд пришел к правильному выводу о том, что приказы в любом случае подлежат признанию и приведению в исполнение на территории Российской Федерации на основании принципов взаимности и международной вежливости»[106].

С немецкой стороны знаковым для российско-германского судебного диалога и для судебной практики ФРГ в отношении решений российских судов

---

[104] Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28 мая 2008 г. № А56-22667/2007. https://sudrf.cntd.ru/document/809910849 (дата обращения: 10.10.2024).

[105] Там же.

[106] Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 19 апреля 2012 г. по делу № А40-119397/11-63-950. https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=159551#GHR4SaUsLjUYDL8f2 (дата обращения: 10.10.2024).

предстает решение земельного суда Аугсбурга от 9 июля 2013 г. Суд вынес решение о признании постановления Арбитражного суда города Москвы. Заявитель – российская компания – и ответчик – немецкая компания – подписали контракт на перевозку груза, который, однако, был утрачен. В результате истец подал иск в Арбитражный суд г. Москвы, который удовлетворил его требования и обязал ответчика возместить понесенные российской компанией расходы. После этого истец направил заявление в земельный суд Аугсбурга с просьбой признать это решение и обеспечить его исполнение[107]. Последний признал решение московского суда на основе принципа взаимности.

Принцип взаимности – это «идея о том, что государства будут и должны признавать судебные решения другого государства только в том случае и в той мере, в которой их собственные решения были бы признаны в этом иностранном государстве»[108].

В данном случае суд в Аугсбурге установил, что российская сторона готова исполнять решения немецких судов. Можно предположить, что, принимая подобное решение, суд не столько учел, как в прошлом исполнялись решения между двумя странами, а также возможные прецеденты, но и своим решением стремился создать некий прецедент для последующего исполнения. Основанием принятия выступила Женевская конвенция о договоре международной перевозки грузов от 19.05. 1956 г. Страны, которые представляли спорящие компании (РФ и ФРГ) являются участниками конвенции (вступила в силу для СССР 01.12.1983 г.) и, следовательно, суд принял во внимание положение Конвенции, предусматривающее следующую норму: «Когда по какому-либо спору… решение, вынесенное судом одной из стран, участвующих в Конвенции, подлежит исполнению в этой стране, это решение становится также подлежащим исполнению в любой из других участвующих в Конвенции стран немедленно по

107 Васильева Е.А. Указ. соч. С. 47.
108 Майклс Р. Указ.соч. (дата обращения: 10.10.2024).

сообщении предписанных для этого формальностей в этой стране. Формальности эти не могут иметь предметом пересмотр дела» (п.1 ст. 31).

Е.А. Васильева несколько чрезмерно оптимистично полагала, что «это решение положило начало «взаимности» и позволило исполнять судебные решения российских судов на территории Германии, что дало надежду на то, что будет существовать многолетняя практика взаимного признания и исполнения судебных решений»[109].

Но эти надежды оказались перечеркнуты решением Высшего земельного суда Гамбурга от 13 июля 2016 г. [110]: «Спустя двенадцать лет[111] Высший окружной суд Гамбурга 13 июля 2016 г. вынес решение (6 U 152/11) по вопросу о том, должно ли решение российского суда признаваться в Германии. Европейский суд пришел к выводу, что, несмотря на существующую в настоящее время тенденцию российских арбитражных судов – но не судов общей юрисдикции – признавать решения иностранных судов даже при отсутствии какого-либо международного соглашения, ни текущая правовая ситуация в России, ни фактическая практика признания не позволяют предположить, что решения немецких судов регулярно признавались в Российской Федерации. Таким образом, взаимность отрицается, а признание российских судебных решений отклоняется» (перевод – Авт)[112]. Столь подробный перевод решения сделан для наглядности предположения, что реальным основанием для столь резкой смены подходов стали политические события, которые имели место в интервале между принятием решений Аугсбургского и Гамбургского судов (решение Аугсбургского суда датировано

---

[109] Васильева Е.А. Указ соч. С.48.

[110] Решение Высшего земельного суда Гамбурга от 13 июля 2016 г., № 6 U. 152/11. https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=OLG%20Hamburg&Datum=13.07.2016&Aktenzeichen=6%20U%20152/11 (дата обращения: 17.01.2025).

[111] Обоснование, почему суд отметил именно 12-летний период анализа принципа взаимности во взаимоотношениях российских и немецких судов, дано ниже.

[112] Meier A. No recognition and enforcement of Russian court judgments in Germany. 25.08.2016 // www.noerr.com/en/newsroom/News/no-recognition-and-enforcement-of-russian-court-judgments-in-germany.aspx (дата обращения: 17.01.2025).

2013 г., решение Гамбургского суда – 2016 г.), а не довод об «ограниченной практике» признания решений иностранных судов в России.

Высший земельный суд Гамбурга на основе анализа решений российских арбитражных судов и судов общей юрисдикции пришел к выводу, что признание российскими судами решений судов ФРГ не является регулярным[113]. Среди доводов в пользу непризнания решения российского суда нашлось место и ссылке, что российское право не содержит упоминания о принципе взаимности как основания признания и исполнения решений иностранных судов.

Действительно, с подобным утверждением следует согласиться. В отличие от законодательства ФРГ, которое непосредственно в § 1 (5) ст. 328 Гражданского процессуального уложения Германии содержит признание принципа взаимности. Принцип взаимности также получил детальное раскрытие в решении Федерального Верховного Суда от 24.10.2000-XI-ZR 300/99. В своем решении Федеральный Верховный Суд отметил, что взаимное признание иностранных судебных решений и общая практика по признанию соответствующего государства при общей оценке образовывают по существу эквивалентные условия для признания и исполнения иностранного решения определенного вида. При этом рассматривается именно отношение к решениям немецких судов, а не судов третьих стран.

Теперь следует вернуться к причине двенадцатилетней «обиды» Гамбургского суда на российский суды, причем вне сферы «обиды» оказались арбитражные суды России. Высший окружной суд Гамбурга в решении от 13 июля 2016 года вспоминает свое решение от 28.10.2004 г. № 6 U 89/04. Однако, сетует Гамбургский суд, хотя российские коммерческие (арбитражные суды) и имеют регулярную практику признания решений иностранных судов (и эта практика была поддержана Высшим арбитражным судом России), гражданские суды (имеются в виду суды общей юрисдикции – Авт.) не проявили нужной тенденции. Более того, «вопреки первоначальному проекту закона о реформировании Гражданского и Арбитражного процессуального кодексов Российской Федерации от 2002 года,

[113] Там же.

возможность признания и приведения в исполнение на основе обеспечения взаимности как раз и не была предусмотрена», а суды общей юрисдикции применяют практику ограничительного признания, которая была одобрена Конституционным судом Российской Федерации»[114]. Из этого делается вывод, что немецким судам не следовало делать первый шаг в признании решений российских судов.

Здесь надлежит отметить ключевое отличие правовой доктрины стран европейской континентальной правовой системы (прежде всего ФРГ и Франции) от подходов британского права. Как уже отмечалось выше, правовые доктрины и законодательства стран Европейского Союза в качестве краеугольного камня рассматривают принцип взаимности, британская же правовая доктрина исходит из иных приоритетов: признание и исполнение решений иностранных судов не есть продолжение принципа взаимности и исполнения именно решения иностранного суда на территории Великобритании, а следование презумпции долга ответчика перед истцом, который обращается за имплементаций решения в его пользу в Англии[115].

Это подход был сформулирован в 1870 г. Палатой лордов и исходит из понимания, что исполняется не иностранное судебное решение как таковое, а обязательство, которое оно порождает. В английской правовой литературе критикуется само понятие «приведение в исполнение иностранных судебных решений» применительно к Англии. Английская правовая система, по сути, не признает решение иностранного суда и поручает исполнить его на территории страны, а на основе иностранного судебного решения принимает свое решение, обусловленное необходимостью правовой помощи ответчику в реализации своих прав и интересов, которое и исполняется.

---

[114] Там же.

[115] Подр. см.: Яцук Н.П. Европейский разворот в регулировании признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений в Российской Федерации // Научные записки молодых исследователей. 2018. № 5. С. 50- 58.

Российский правовед середины XIX в. П.А. Марков говорит о принципе взаимности с сожалением, что «большинство государств, допуская у себя приведение иностранных судебных решений в исполнение, смотрят на это дело как на уступку со своей стороны и требуют того же от стороны противной… Жаль, что рутина и неправильные понятия о собственных интересе и достоинстве, господствующие и в международных отношениях, мешают распространению здравых понятий по настоящему вопросу»[116].

Иностранное судебное решение, если оно претендует на исполнение по существу на территории Великобритании (пусть, как отмечено выше, не как собственно решение, а как вытекающее из него обязательство), должно быть представлено должным образом. Прежде всего, это решение иностранного судебного или арбитражного органа должно быть переведено на английский язык. Данное решение, сопровождаемое аффидевитом (разъяснительным заявлением)[117], направляется в Высокий суд Лондона для прохождения регистрации. Таким образом, в действительности имеет место исполнение «производного судебного решения»: «Иностранное судебное решение лишь позволяет проложить путь для благоприобретателя (кредитора) по такому решению, чтобы получить английское судебное решение и привести его в исполнение. Это может быть вопрос формы, а не содержания, но это важный вопрос формы»[118].

Но вопрос формы все же далеко не главный: основным является требование соответствия иностранного судебного решения нормам и принципам английского международного частного права. А определение, соответствует иностранное судебное решения этим нормам и принципам или нет, находится в компетенции английской судебно-правовой системы[119].

---

[116] Марков П.А. Указ соч. С. 145.

[117] Аффидевитом могут выступить данные под присягой и удостоверенные нотариусом письменные свидетельские показания.

[118] См., напр.: Briggs A. Civil Jurisdiction and Judgments. Seventh edition. Routledge, 2021. P. 842.

[119] Тем не менее иностранные судебные решения, вопреки приведенному общему правилу, все-таки могут быть исполнены посредством механизма их регистрации на основе Закона об отправлении правосудия 1920 г. и Закона об иностранных судебных решениях (взаимное исполнение) 1933 г. Этими актами предусматриваются два порядка регистрации судебных

Если постараться критически проанализировать позицию российских судов, то надлежит прийти к заключению, что российская судебная система чрезвычайно буквально и ограничительно трактует ч.1 ст. 409 Гражданского процессуального кодекса России о признании и исполнении Российской Федерацией решений иностранных судов, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации. Не учитывается чрезвычайно важный посыл, который был дан при изменении редакции рассматриваемой статьи: действующая редакция Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не содержит положения о том, что признание и исполнение иностранного судебного решения осуществляется *«только и исключительно»* (курсив – Авт.) при наличии международного договора Российской Федерации и конкретного иностранного государства или международной конвенции. Буква закона не исключает возможности следования принципам взаимности и вежливости при соответствующих условиях. Однако правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, отраженная в Определении от 17 июня 2013 г. № 890-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Н. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 409 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», состоит в том, что в случае отсутствия у Российской Федерации международного договора с государством, судом которого вынесено спорное решение, это решение не порождает каких-либо правовых последствий на территории Российской Федерации.

решений: а) специальный порядок; б) упрощенный порядок. Упрощенный порядок регистрации судебных решений, по сути, представляет собой автоматическую регистрацию решений судов: а) государств-членов Британского содружества или стран, имеющих двустороннее соглашение с Великобританией о взаимном признании и исполнении судебных решений; б) стран-членов Европейского Союза или участников Луганской конвенции от 16.09.1988 г. о международной подсудности, признании и исполнении иностранных судебных решений по гражданским и коммерческим делам. Специальный порядок предназначен для всех остальных, не попавших в перечни для упрощенного порядка регистрации государств. Среди них США, Китай, Япония, Россия и др. Специальный порядок предусматривает двухступенчатую процедуру: а) подача искового заявления с изложением иностранного судебного решения в английский суд; б) рассмотрение искового заявления и выявление связей с судебными прецедентами без пересмотра самого решения иностранного суда по существу. Подр. см.: Яцук. Н.П. Указ соч.

Но и эта правовая позиция не закрывает окончательно окно возможностей применения принципов вежливости и/или взаимности. Вероятно, к этому утверждению применима характеристика профессора Дерптского университета И.Е. Энгельмана, который в 1884 г., критикуя «взгляд, будто в России решения иностранных государств приводятся в исполнение на основании ст. 1274-1281 уст. гр. суд. с разрешения судебного места империи, независимо от существования трактатов об этом, независимо также от начала взаимности», объяснял этот «ложный взгляд…нашей падкостью на всякого рода воображаемые идиллии»[120].

Тем не менее, «падкость на…идиллии» сохранилась вплоть до начала XXI в, когда эксперты отмечают некоторые подвижки в подходе российской доктрины относительно отсутствия/применения слова «только» при анализе вопроса об исполнении решений иностранных судов на территории России. Кстати, формулировка ст. 1273 Русского устава гражданского судопроизводство 1864 г. очень похожа на положения ст. 409 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: «решения судебных мест иностранных государств исполняются на основании правил, установленных по сему предмету взаимными трактатами и договорами»[121].

В учебнике Международного частного права М.М. Богуславский (2002 г.) однозначно утверждает: «Признание и исполнение решения в настоящее время в РФ допускается *только* (курсив – Авт.) договорами о правовой помощи… Признание и исполнение решений по отдельным категориям дел могут иметь место в соответствии с отдельными международными договорами РФ» [122].

Смена парадигмы произошла в Определении № 5-Г02-64 от 7 июня 2002 г. Судебной коллегии Верховного Суда России по гражданским делам. В

---

120 Энгельман И.Е. Об исполнении иностранных судебных решений в России (оттиск из I книги журнала гражданского и уголовного права) / И.Е. Энгельман. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1884. Цит. по: Муранов А.И. Международный договор и взаимность как основания приведения в исполнение в России иностранных судебных решений. М., 2003. С. 163.

[121] Там же.

[122] См. Богуславский М.М. Международное частное право. 4-е изд. / ИГП РАН Академический правовой университет. М.: Юристъ, 2022. С. 427.

Определении было признано возможным удовлетворение компетентным российским судом ходатайства о признании и исполнении иностранного судебного решения и при отсутствии между странами двустороннего договора на основе принципа взаимности. Главное условие – это наличие взаимности, то есть если суды иностранного государства принимают решения российских судов, то они могут рассчитывать на аналогичный подход со стороны России. В этой связи Коллегия Верховного Суда поручила проверить, действительно ли имеют место в практике судов Великобритании признание и экзекватура решений российских судов[123].

На основе проведенного анализа можно утверждать, что арбитражные суды России исходили из положений межправительственных соглашений (например, из положений Соглашения между Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительством Российской Федерации об экономическом сотрудничестве от 09.10.1992 г.[124]) как правовой базы для рассмотрения дел о признании и исполнении решений судов Великобритании в России.

Заслуживает внимание для теории и судебной практики Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 22 февраля 2006 г. № КГ -А40/512-06 о признании и приведении в исполнение решения Верховного суда Англии и Уэльса о взыскании средств по кредитному договору[125]. В решении содержится расширительное толкование понятия международного договора как обязательного (в смысле ст. 241 Арбитражного процессуального кодекса РФ) основания признания и исполнения иностранного судебного (арбитражного) решения. Расширительность заключается в том, что арбитражные суды должны рассматривать в качестве источника права не только заключенные между Российской Федерацией и рядом иностранных государств двусторонние договоры

[123] Там же.
[124] https://london.mid.ru/ru/press-centre/gb_ru_relations_8/
[125] Постановление Федерального Арбитражного суда Московского округа от 22 февраля 2006 г. № КГ-А40/698-06-П. https://base.garant.ru/5231507/

о сотрудничестве и взаимной помощи по гражданским, семейным, уголовным делам, но и иные заключенные международные договоры (соглашения) в области коммерческого и гражданско-правового сотрудничества.

Выводы к Главе 1.

1. Возрастающая взаимозависимость государств в экономике, усложнение логистики и международная экономическая кооперация, все более активное использование информационно-коммуникационных технологий, цифровизация всех сфер жизни существенно увеличивают количество споров между хозяйствующими субъектами, в которых присутствует иностранный элемент. Это, в свою очередь, осложняет практику по разрешению споров, процессы выбора юрисдикции и применимого законодательства. Очевидно, что хозяйствующие субъекты вне зависимости от своего вида и статуса заинтересованы в:

а) правовой определенности и согласовании правовых процедур между разными странами;

б) минимизации судебных разбирательств, избежании повторных рассмотрений одного и того же спора, в том числе и по причинам финансовой экономии.

Государства, со своей стороны, заинтересованы в поддержке внешней торговли, развитии кооперационных связей и формировании удобной для хозяйствующих субъектов системы разрешения споров. Но при этом государства очень внимательно (если не сказать ревностно) относятся к встречному процессу – признанию и исполнению на своей территории решений иностранных судов.

2. «Привлекательность», имидж национальной юрисдикции – исключительно сложный элемент. Он обусловлен не только рациональными подходами, но и тем, что можно охарактеризовать через понятие «восприятие». Восприятие, в свою очередь, это то, как оценивают судебную систему, правовую систему той или иной страны в целом граждане этой страны и иностранцы, бизнес-структуры и неправительственные организации, институты гражданского общества и

международные организации. Это восприятие включает как объективный анализ, так и различные эмоциональные установки, образы и сложившиеся стереотипы о юридической деятельности. Здесь существенна роль средств массовой информации, экспертных агентств, социологических служб. Следствием всего этого комплекса является фактор доверия. Доверие к судебной системе – важнейший аспект привлекательности национальной юрисдикции.

Сам факт признания решения иностранного суда всегда свидетельствует о доверии: к рассматриваемому суду или трибуналу, к судебной системе этого государства, к его правовой системе, к государству в целом. Одно дело, если страны делают этот шаг к взаимному доверию в рамках двустороннего договора, гораздо серьезнее, когда демонстрация доверия осуществляется большому количеству государств, которые являются участниками многосторонней конвенции. В условиях отсутствия доверия между правовыми системами государств возрастает опасность того, что судебные решения будут основываться на политических интересах и позициях**.**

3. Проведенный анализ подходов ведущих стран мира приводит к выводу, что происходят существенные изменения в подходах к признанию и исполнению решений иностранных судов. Суть этих изменений – усиление роли конвенционального регулирования, расширение практики признания и исполнения судебных решений на основе принципов взаимности и вежливости в условиях отсутствия двусторонних соглашений.

4. Абстрактный и оценочный (более того – подверженный обидам и политическим эмоциям) характер «принципа взаимности» делает невозможным использование его в качестве базового для решения проблемы признания решений судов иностранных юрисдикций. Во-первых, ни общеевропейское законодательство, ни национальное законодательство стран ЕС, ни российское право не дают толкования принципа взаимности, не раскрывают его содержания и не содержат регуляторов порядка применения этого принципа. Во-вторых, при применении принципа взаимности национальными судами также вероятны

разночтения, что осложняет разрешение споров между хозяйствующими субъектами. В-третьих, следует отметить, что законодательство большинства стран, включая Российскую Федерацию, не считает принцип взаимности базовым условием признания и исполнения иностранных судебных решений. Это означает, что для того, чтобы суды могли признать решение иностранного суда, существует необходимость в более строгих юридических критериях (которые, например, содержатся в § 1 (5) ст. 328 Гражданского процессуального уложения Германии).

Глава 2. Правовые механизмы сотрудничества российских и иностранных судов при осуществлении гражданского судопроизводства

Современный мир и прежде всего европейский континент вполне обоснованно называют «перекрестком прав» («*carrefour des droits*»)[126]. Действительно, в Европе сформировались различные правовые семьи и разные правовые системы. Правовое регулирование даже в странах, относящихся к одной правовой семье, нередко существенно различается. Необходимость сотрудничества государств и компаний предопределяет внимание к вопросам выбора юрисдикции, качества судопроизводства.

Следовательно, нужны правила пересечения этого перекрестка и движения по тем улицам, которые ведут к нему и выходят из него. Эти правила находят свое закрепление в соглашениях между странами (юрисдикциями) при формировании интеграционных объединений и взаимодействии стран (юрисдикций) между собой. Если есть правила, значит, есть и их нарушения, возникает необходимость их выявления. Если есть правила, возникают споры о их применении участниками различных правоотношений. Следовательно, формируются судебные органы по их разрешению. Эти судебные органы принимают решения, вырабатывают новые общие стандарты интеграционных объединений и стремятся обеспечить их соблюдение. На следующем уровне возникают противоречия в понимании права между национальными судебными органами и органами интеграционных

[126] Этот термин применительно к европейскому континенту впервые употребил Л. Дюбуа в 2002 г. Термин получил широкое распространение и употребляется в разных значениях. См., напр.: Au carrefour des droits: mélanges en l'honneur de Louis Dubouis // Paris: Dalloz, 2002. 901 p.

объединений, а следовательно, и потребность в нахождении путей разрешения этих противоречий.

Что делать, если в противоречие вступают различные правовые порядки, различные юрисдикции? В этом случае между ними нет отношений административного подчинения. Когда вырабатываемые различными судебными инстанциями решения и нормы различных юрисдикций начинают противоречить друг другу, эти судебные инстанции и юрисдикции пытаются отстоять свое понимание и интересы. Возникает необходимость в коммуникации. Такая система взаимодействия получила название «диалога судей»[127].

2.1. «Диалог судей» как инструмент взаимодействия различных юрисдикций

Происхождение доктрины «диалога судей. История происхождения термина «диалог судей» связана с задачами разрешения противоречий между французским национальным правовым порядком и европейскими судебными институтами. Среди соавторов термина вместе с французским профессором Л. Дюбуа (*Louis Dubouis*) называют Бруно Женевуа (*Bruno Genevois*), председателя секции судебных разбирательств Государственного совета Франции (2004-2006 гг.), который, предлагая принять решение, отличное от решения Суда Европейских Сообществ, отметил: «не должно быть ни правления судей, ни войны судей. Должно быть место для диалога судей» [128]. Таким образом, диалог судей возникает из конфликта судебных решений и норм различных правовых порядков,

[127] «Dialogos» – греческое слово, означающее «обмениваться аргументами, спорить».

[128] «*Il ne doit y avoir ni gouvernement des juges, ni guerre des juges. Il doit y avoir place pour le dialogue des juges*» – Концепция, изложенная Бруно Женевуа в его выводах в постановлении Ассамблеи Государственного совета в декабре 1978 г. по делу «Министерство внутренних дел против Кон–Бендита» (l'arrêt d'Assemblée du Conseil d'État en décembre 1978, dans l'affaire Ministère de l'Intérieur c/ Cohn–Bendit). В этом деле Б. Женевуа призвал к диалогу европейских и национальных судей сообщества.

но результатом диалога судей совершенно не обязательно должно быть достижение единой судебной практики.

Применительно к России проблематика взаимодействия наднациональных и национальных судей имеет несколько уровней. Изначально этот вопрос анализировался отечественным правоведением в контексте взаимодействия с Европейским Союзом в условиях вхождения и пребывания Российской Федерации в Совете Европы и участия в деятельности Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Выход России из Совета Европы и прекращение участия в деятельности ЕСПЧ обусловили кардинальную смену приоритетов: в современных условиях приоритетное значение для России имеет выстраивание взаимодействия отечественной судебной системы и Суда Евразийского экономического союза.

Но и в меняющихся геополитических условиях сохраняется озвученная М.Л. Энтиным позиция, что «наднациональное право может эффективно применяться только при условии тесного сотрудничества и взаимодействия между наднациональным и национальным судьей»[129], а «для достижения этой цели необходимо, чтобы каждый из них подчинялся определенным правилам. В своей совокупности они составляют своего рода «неформальный кодекс поведения»[130]. Вместо термина «диалог судей» М.Л. Энтин предлагает метафору «сцепка между национальным и наднациональным судьей» [131].

Рассмотрим составляющие элементы этого неформального кодекса поведения на примерах России и Франции. Если обратиться к правовой практике Франции, то история формирования модели преодоления противоречий в правовой системе этой страны не связана лишь с необходимостью урегулирования взаимоотношений с общеевропейскими судебными инстанциями. Страна служит ярким примером юрисдикционного дуализма (*dualisme juridictionnel*). Предпосылки для возможных противоречий создает модель национальной

---

[129] Энтин М.Л. Взаимосвязь и взаимозависимость наднационального и национального судьи // Международное правосудие. 2012. № 1 (2). С. 61.
[130] Там же.
[131] Там же.

судебной системы, в которой Государственный совет и Конституционный совет наделены полномочиями толковать конституцию на предмет конституционности законов и административных актов. Хрестоматийным примером избегания противоречий между ними считают решение Конституционного совета Франции о свободе ассоциаций (решение № 71–44 DC от 16 июля 1971 г.)[132]. Конституционный совет (*Conseil constitutionnel*), основываясь на своих полномочиях последующего контроля (*contrôle a posteriori*), практически навязывает судьям свои правовые позиции[133]. Противоречия могут быть разрешены с помощью инструментов «диалога судей». Как отмечает декан факультета права и политических наук Университета Лазурного Берега Кс. Латур (*X. Latour*), «с момента создания Государственного совета административная юстиция вызывает к себе не только «благоговейное отношение», но и подвергается периодической критике в отношении своей легитимности… Совсем недавно высшие судебные органы достаточно настойчиво призвали к единству из-за возникающей у тяжущихся сторон нежелательной путаницы, ссылаясь при этом на общие ценности и культуру»[134].

Диалог направлен на избежание принятия противоречащих друг другу решений, но не только. Диалог нужен и для того, чтобы различные ветви судебной власти не могли отказаться от выполнения функций правосудия под прикрытием тезиса, что тот или иной вопрос не входит в их компетенцию. Например, Франция демонстрирует наличие двух вертикалей юрисдикции, в которой функционируют Конституционный совет и Кассационный суд, которые могут как принять взаимоисключающие решения, так и объявить себя некомпетентными

---

[132] https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1971/7144DC.htm (дата обращения: 9.01.2025)

[133] Мастор В. Конституционный совет в центре диалога – конфликта? – судей. Конституционный обзор. Вопрос по приоритетному вопросу конституционности под редакцией Х Маньона, Х. Биоя, В. Мастора и С. Мутона // Bruylant, 2013. С. 143 (Mastor W. La QPC au Coeur du dialogue – conflit ? – des juges; in Le réflexe constitutionnel. Question sur la question prioritaire de constitutionnalité sous la direction de X. Magnon, X. Bioy, W. Mastor et S. Mouton,// Bruylant 2013. P.143.)

[134] Latour X. L’indépendance, élément de la légitimité du juge administratif français. Les juridictions au cœur des interactions sociales. Approche franco-russe // L’Harmattan, 2021. P. 55.

рассматривать тот или иной вопрос. Иллюстрациями подобного поведения являются следующие ситуации:

а) при разрешении дела о канале Крапон (*Canal de Craponne*) Кассационный суд Франции в 1876 г. отверг теорию изменений и предсказуемости (*for predictability*),[135] что не помешало Государственному совету в 1916 г. признать ее в решении по делу Bordeaux General Lighting Company (решение от 30 марта 1916 г.) и распространить теорию предсказуемости на административные договоры;

б) Кассационный суд Франции в решении от 24 мая 1975 г. по делу компании Жака Вабра (*Société des cafes Jacques Vabr*e и *Société J. Weigel)* не согласился с принятым незадолго до этого Конституционным советом Франции решением, в котором Совет отказался осуществлять проверку конвенциональности закона[136].

Этим решением Кассационный суд признает примат правопорядка сообщества, в частности Римского договора, над предыдущими национальными законами, но также и над последующими национальными законами (отрывок из решения: «что, следовательно, это правильно […] что статья 95 Договора должна применяться к исключению статьи 265 Таможенного кодекса, хотя последний текст был позже»). Решение знаменовало отказ от доктрины Мэттера (D*octrine Matter*), названной в честь известного французского юриста, председателя Кассационного суда Поля Мэттера (*Paul Matter*) о приоритете французского права над международными договорами. Следует отметить, что доктрина Matter имеет во французском праве давние корни: уже Кодекс Мишо (*Code Michaud)* 1614 г. в

---

[135] Первоначальные инвесторы официально обязались поддерживать канал за плату в размере трех французских солей за каждые два гектара, орошаемые фермерами. Постепенно эта плата стала смехотворной и несоразмерной стоимости содержания, поэтому наследникам Адама де Крапонна суд низшей инстанции предоставил прибавку. Но в 1876 г. фермеры обратились в суд, и решение Апелляционного суда Экс-ан-Прованса было отменено. Спустя более чем столетия дальнейших академических дебатов реформа французского договорного права (постановление № 2016-131 от 10 февраля 2016 г.) отменила печально известное решение Кассационного суда по Canal de Craponne, согласно которому даже контракт 300-летней давности не мог быть изменен с учетом изменения обстоятельств, из-за которого исполнение обязательств стало значительно более обременительным для одной из сторон. С тех пор Canal de Craponne стал самой известной водной артерией среди французских юристов.

[136] В решении «*IVG*» от 15 января 1975 г. относительно закона о Вейле (*Veil*) (Решение № 74-54 DC от 15 января 1975 г. (Закон о добровольном прерывании беременности).

редакции 1629 г. отрицал любые последствия суждений иностранных суверенов (ст. 121).

От следования доктрине Кассационный суд отказался в 1975 г. (решение по делу Жака Вабре) и в 1989 г. – Государственный совет (решение по делу Николо), открыв путь конвенционному контролю[137] (*contrôle de conventionnalité*). Конвенционный контроль направлен на соответствие французского законодательства и судебных решений международным конвенциям, прежде всего актам Европейского союза и Европейской конвенции о праве Европейского союза. Такой контроль может, например, осуществляться судьей на основании закона или любого административного акта (постановления и т.д.). Это решение Кассационного суда принято в развитие и обеспечение решения Суда Европейского Суда в Люксембурге от 15 июля 1964 г. по делу *Flaminio Costa v Ente Nazionale per l'Energia Elettrica (Costa v/Enel, дело 6/64*), который закрепляет принцип верховенства права Сообщества над национальным законодательством и обязывает государства-члены обеспечить примат правового порядка, созданного Европейским сообществом.

В качестве примера диалога нескольких судебных учреждений (Конституционного совета Франции, Государственного совета Франции и Европейского суда справедливости) можно привести дело о дополнительном налоге в размере 3 %. Дополнительный взнос в корпоративный налог с распределенных сумм в размере 3 % был введен ст. 6 закона о финансах на 2012 г. и кодифицирован в ст. 235 ter ZCA Налогового Кодекса. Взнос подлежит уплате предприятиями, облагаемыми налогом на прибыль. компаниям в рамках прибыли, которую они распределяют в соответствии со ст. 109–117 указанного кодекса[138].

---

[137] Gaïa P. Le contrôle de conventionnalité // Revue française de droit constitutionnel. Vol. HS 2. № ,. 2008. P.201–207; Béchillon D. De quelques incidences du contrôle de la conventionnalité internationale des lois par le juge ordinaire // Revue Française de Droit Administratif, 1998. № 2. P. 225-243; Jamot D. Annuaire des engagements internationaux ayant fait l'objet d'une loi d'autorisation sous la Ve République, L'Harmattan, 2019.

[138] https://www.fieldfisher.com/en/insights/actualite-fiscale-la-contribution-de-3-sur-les-montants-distribués-jugée-contraire-à-la-directive-mère-fille-par-la-cour-de-justice-de-lunion-européenne (дата обращения: 9.01.2025)

Однако предусмотренный французским законодательством взнос в размере 3% от распределенных сумм был признан Судом Европейского Союза противоречащим Директиве о «материнских и дочерних компаниях».

С 2013 г. этот вопрос стал предметом многочисленных апелляций, которые, в частности, привели к тому, что Государственный совет обратился в Суд Европейского союза с вопросом о совместимости взноса в размере 3 % с постановлением Государственного Совета № 399 024 от 27 июня 2016 г. Европейский суд принял решение, что налог в 3 % противоречит общеевропейскому праву и нарушает тем самым принципы равенства, так как облагает компании дополнительным налоговым бременем. Дополнительное налогообложение полученных дивидендов дочерних компаний было признано Судом ЕС противоречащим европейскому законодательству.

Затем Конституционный совет в рамках разрешения приоритетных вопросов конституционности (*question prioritaire de constitutionnalité, QPC*) пришел к выводу, что оспариваемая норма де-факто неприменима к трансграничным компаниям, но не к компаниям, учрежденным только во Франции, что повлекло за собой нарушение принципа равенства перед общественными обязанностями. При этом Конституционный Совет признал закон об установлении этого налога неконституционным.

По мнению Кс. Латура, «время сопротивления прошло, уступив место обнадеживающему принципу «диалога судей». Но диалог, в основном, кажется односторонним. Административный судья, похоже, больше слушает, чем обсуждает. Да и судья общей судебной юрисдикции находится в такой же ситуации. Равнение административных судей на их европейских коллег практически не знает границ. В лучшем случае французский судья вносит некоторые нюансы в свои отношения с Европейским судом по правам человека… Государственный совет даже согласился осуществлять контроль за соблюдением Конвенции *in concreto u contra legem*. Поступив таким образом, Государственный совет подвергся критике. С одной стороны, его упрекали в том, что он принял

решение, явно противоречащее закону, заменив законодателя во имя превосходства ЕСПЧ. С другой стороны, его решение приводит к чрезмерному субъективному подходу к основным правам и нарушает принцип общего и безличного правового порядка»[139].

Цели и задачи «диалога судей». Прежде, чем начать диалог, сторонам надлежит определиться:

а) в предмете спора (то, о чем спорят стороны);

б) в процедурах ведения диалога.

Причем стороны диалога совершенно необязательно преследуют единые цели. Размышляя о влиянии европейской юрисдикции на французскую, Ф. Манен (*P. Manin*) приходит к выводу: «Европейские суды лежат в основе прецедентного права, последствия которого являются значительными. Французские суды применяют решения судов. Однако это согласование может быть медленным и сопровождаться нежеланием. Сегодня между французскими судами и судом общей юрисдикции по-прежнему существуют разногласия по основам верховенства права сообщества по французскому праву. Французские суды связаны с судом посредством механизма досудебных разбирательств, последствия которых были и остаются очень важными»[140].

Главный публичный интерес обращения к диалогу между судебными инстанциями состоит в том, чтобы чрезвычайное разнообразие судов, применяющих законодательство Европейского Союза, не приводило к множественным и противоречивым толкованиям. Исходным тезисом является следование принципу, согласно которому Суд Европейского союза «должен принимать решения в соответствии с законом» и «обеспечивать уважение права при толковании и применении договоров»[141].

---

[139] Латур Кс. Независимость – элемент легитимности французского административного судьи: – В книге «Национальные юрисдикции в системе международного сотрудничества (российско-французское исследование). М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 30–31.

[140] Манен Ф. Влияние европейских судов на французские суды. (Manin P. Les effets des juridictions européennes sur les juridictions françaises), Pouvoirs , 2001/1. № 96. P. 51–64.

[141] Там же. С. 60.

Что касается правовой природы ЕС, Суд заявил, что «в отличие от обычных международных договоров, Договор о ЕЭС [также называемый Договором о ЕС, или Римским договором] установил свой собственный правовой порядок, интегрированный в правовую систему государств-членов [...] и который является обязательным для их юрисдикции. Учредив Сообщество на неограниченный срок, наделенное своими собственными институтами, правосубъектностью, правоспособностью, способностью к международному представительству и, в частности, реальными полномочиями, вытекающими из ограничения компетенции или передачи полномочий государств Сообществу, последние ограничили свои суверенные права и, таким образом, создали свод законов, применимых как к их гражданам, так и к ним самим»[142].

Следовательно, основной целью диалога судей является формирование общих для взаимодействующих между собой стран (юрисдикций), их компаний и граждан правовых позиций. Формирование таких позиций призвано не допустить возникновения ситуаций, когда одинаковые вопросы по одинаковым спорам будут получать различные ответы в различных юрисдикциях. Выстраивание диалога между судьями, работающими в разных юрисдикциях, – не решение самих судей, основанное на их доброй воле и стремлении к гармонии. В известной степени это вынужденная мера. Она вызвана тем обстоятельством, которое Председатель Кассационного суда Франции (1999-2007 гг.) Г. Канивет (*Guy Canivet)* выразил следующим образом: «Граждане и судьи государств с более или менее сходными культурами и одинаковым уровнем экономического развития все менее склонны принимать ситуации, которые поднимают сходные проблемы, но разрешаются по-разному в силу существования разных правовых норм. Это происходит в области биоэтики, экономического права и ответственности. Во всех этих случаях существует тенденция достижения сходных решений, несмотря на разницу в применимых нормах права»[143].

---

[142] Там же.

[143] Цит. по: Батлер У.Э. Место российского права в мировом юридическом пространстве. Журнал российского права. 2011. № 4. С. 103.

При этом ряд исследователей отмечает, что сам термин «диалог» не совсем точно отражает суть рассматриваемой деятельности и может вводить в заблуждение относительно форм и существа этого процесса. Одним из оправданий можно считать утверждение, что подобные претензии можно предъявить любому термину и правовому понятию. Необходимо лишь более точно раскрыть содержание того или иного понятия и сделать оговорки его понимания.

Понятие «диалога судей». Диалог судей – система взаимодействия (как правило, неформального) национальных судебных органов и органов межгосударственных объединений при формировании правовых позиций. Согласно теории «диалога судей», различные юрисдикции при выработке своих судебных решений учитывают ранее принятые судебные решений, принятые в других юрисдикциях. Такие решения судебных органов различных юрисдикций, не приобретая прецедентного значения друг для друга, тем не менее играют существенную роль. Диалог судей может заключаться просто в учете судом последствий решений других судов для его собственных решений как фактического обстоятельства.

Формы «диалога судей». Диалог судей может быть осуществлен в различных формах. Первый генеральный адвокат Кассационного суда Франции Режис де Гутт (Régis de Gouttes) выделяет три формы, которые может принимать диалог Конституционного совета по отношению к Кассационному суду и Государственному совету:

а) диалог властей;

б) диалог убеждения;

в) диалог обмена[144].

Когда несколько судов имеют возможность вмешаться для решения дел одного и того же характера, диалог между судьями может быть направлен на обеспечение того, чтобы применяемые принципы права не требовали различных

[144] https://www.conseil-constitutionnel.fr/nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel/le-dialogue-des-juges (дата обращения: 9.01.2025)

решений. Решения Федерального конституционного суда Германии, детально проанализированные под названиями «Соланж–I» и «Соланж–II», являются известной иллюстрацией такого диалога[145]. Решение по делу «Соланж–I» от 1974 г. знаменует собой отказ Федерального конституционного суда от верховенства правовых норм европейских сообществ, если оно не обеспечивает защиту основных прав личности, эквивалентную основному закону Германии. К этому решению Федеральный конституционный суд ФРГ пришел вопреки тому, что прецедентное право Суда Европейских сообществ (ЕС) признавало в предыдущие годы такое превосходство, пусть и приводящее к противоречиям с национальным правом. После того, как Европейский суд изменил свое прецедентное право, чтобы обеспечить такую защиту, решение по делу «Соланж–II» 1986 г. ознаменовало отказ от изложенного в решении по делу «Соланж–I» подхода. Тем самым Федеральный конституционный суд ФРГ признал верховенство права Сообщества. Диалог между Европейским судом справедливости в Люксембурге и Федеральным конституционным судом ФРГ, а также судами других государств – членов Европейского союза, отстаивающих аналогичные позиции, позволил, таким образом, устранить несовместимость между принципом верховенства права Сообщества Союза, продвигаемым первым, и принципом эффективной защиты основных прав человека, продвигаемым конституционными судами стран-участниц, в частности, Германии.

Ф.-В. Гийо (*Guiot François-Vivien*) задается субстантивным вопросом «о возможности того, что подлинной движущей силой диалога может быть игра за власть, то есть конкуренция между юрисдикциями»[146]. Но никакая конкуренция не может восполнить потребность в сотрудничестве. Сотрудничество юрисдикций выражается в различных формах, в том числе и в проникновении иностранных

---

[145]https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerfG&Datum=29.05.1974&Aktenzeichen=2%20BvL%2052/71

[146] *Guiot F.-V.* Le dialogue des juges et la qualité de la norme : jeu et enjeu du dialogue dans l'espace normatif européen // *La qualité de la norme* / Sous la dir. de E. Bonis-Garçon et V. Malabat. Paris: Mare & Martin, 2016. P. 369–381.

.

правовых институтов в правовую материю и практику. История России знает множество примеров подобных заимствований.

В качестве современного примера проникновения институтов иностранных правовых систем (в данном случае – французской) в правовую материю России можно привести ситуацию с применением института астрента (astreinte). Astreinte – частный процессуальный штраф, который уплачивается в пользу кредитора за каждый день просрочки (по аналогии с применением неустойки) в случае неисполнения судебного решения, в том числе определения об истребовании доказательств. Возможность использования astreinte в России была предусмотрена Постановлением Высшего Арбитражного Суда РФ, но впоследствии отменена Верховным Судом РФ, поскольку введение новых правовых институтов и судебных инструментов, направленных на обеспечение эффективности функционирования судебной системы, допустимо лишь на основании федерального закона. После принятия подобного закона, которым стали поправки в ч. 4 ст. 174 Арбитражного процессуального кодекс РФ в 2018 г. (Федеральный закон от 03.08.2018 № 340-ФЗ) институт astreinte получил право на официальное применение в России: отныне арбитражный суд вправе присудить «по требованию истца в его пользу денежную сумму, подлежащую взысканию с ответчика на случай неисполнения судебного решения в размере, определяемом арбитражным судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения» (ст. 174 АПК РФ).

Другим актуальным примером включения в правовую систему России институтов, ранее апробированных в иностранных правовых системах, можно назвать институты наследственного договора и совместного завещания супругов. Они появились в правовой системе России посредством изменений в Гражданском кодексе РФ, вступивших в силу с 1 июля 2019 г. Эти нововведения находятся в общей линии постепенного наполнения новыми правовыми формами наследственных отношений, свойственной многим развитым правовым системам.

Изменения в социальной структуре общества многих стран мира, появление новых объектов наследования приводят к потребности в использовании новых правовых институтов. Ранее хорошо известные гражданскому праву многих стран Европейского Союза (прежде всего ФРГ и близких к ней по модели правовых систем) институты наследственного договора и совместного завещания[147] с 2019 г. имплементируются в правовую систему России.

Методы разрешения противоречий. Существуют различные методы разрешения противоречий в толковании закона, например,

а) отмена решений административных органов судебными органами;

б) отмена решений нижестоящих административных органов вышестоящими;

в) пересмотр решений нижестоящих судов вышестоящими судами;

г) решения судов межгосударственных интеграционных объединений, в котором поручается судам или административным органам государств-членов изменить принятое ими решение и т.п.

Во всех вышеприведенных примерах органы (институты, учреждения) находятся в некоторой иерархической взаимосвязи. Наличие или отсутствие иерархии является значимым при выстраивании системы взаимодействия различных судебных и административных органов при формировании права. Но подобное взаимодействие происходит не только в иерархически выстроенных вертикальных системах. Судьи, работающие в учреждениях одной вертикали, не нуждаются в диалоге. Как отмечает профессор университета Тулузы Бертран де Лами (*Bertrand de Lamy*): «Нет необходимости в диалоге в рамках одной и той же правовой системы, согласованность которых обеспечивается властными

[147] Например, своего рода стандартом совместного завещания супругов выступает так называемая модель «Берлинского завещания» («Berliner Testament»), объединяющая механизмы «совместного завещания супругов» и «взаимного завещания супругов».

отношениями, противоречия которых стираются институтами, которые в конечном итоге обеспечивают единство толкования права»[148].

Однако диалог нужен не только судьям, работающим в разных государствах или в разных правовых системах. Механизмы «диалога судей» все активнее используются при разрешения различных толкований права и в рамках одной национальной правовой системы, это необходимо при противоречиях между различными судебными ветвями в рамках одного правопорядка. Особенно эти механизмы востребованы в странах, в которых существуют различные, не находящиеся между собой в иерархическом подчинении, виды органов, осуществляющих функции правосудия.

Подлинной движущей силой диалога являются конкуренция между юрисдикциями, борьба за влияние в правовом пространстве, продвижение своих моделей разрешения споров, основанных на национальном опыте и правовых традициях. При этом национальный судья оказывается в сложном положении: с одной стороны, он находится в иерархической системе своей национальной юрисдикции и обязан следовать ее правилам, с другой, должен учитывать общеевропейское право и решения общеевропейских судов. То есть модель его поведения можно охарактеризовать термином – «действовать в качестве судьи национального права по праву сообщества». Но это же (диалог с общеевропейскими судебными органами) дает национальному судье новые возможности для обеспечения независимости от суда в рамках своей национальной правовой и административной системы.

Противоречия между юрисдикциями и даже конфликты юрисдикций не являются исключительно негативным явлением. Напротив, в процессе разрешения противоречий, вынесения приговора (диалога) и урегулирования спорных

---

[148] Lamy B. Dialogue des juges: cadre, enjeux et perplexité. https://publications.ut-capitole.fr/id/eprint/22147/1/deLamy_22147pdf.pdf «Nul besoin de dialogue au sein d'un même ordre juridique dont la cohérence est assurée par des rapports d'autorité, dont les contradictions sont effacées par des institutions qui, au final, assurent l'unité de l'interprétation du droit» (дата обращения: 9.01.2025).

правовых вопросов развивается право и судебная практика, формируются прецеденты. В то же время судебные органы различных уровней национальных правовых систем, международные судебные институты участвуют в спорах о юрисдикции. У каждого из них своя история становления, опыт ошибок (отмененных решений) и национальные правовые традиции. Действительно, как утверждает Г. Канивет: «юрисдикция не может быть замкнутым пространством, напротив, это перекресток, круговой перекресток, на котором упорядоченным образом пересекаются судебные решения, которые создают право, которое становится постоянным»[149].

Виды противоречий между юрисдикциями. Суд (в широком понимании) – место не только применения, но и толкования (интерпретации) закона. Это общемировая современная практика, а не только практика стран англосаксонской правовой системы (иные обозначения – «система общего права», «система прецедентного права»). Проблемы кроются не в вопросах признания или отрицания права судебных органов на толкование закона, а совершенно в ином: они заключаются в разной логике толкования законов в разных правовых системах. Отсюда и выводятся различия между правовыми системами, между различными юрисдикциями. Наличие или отсутствие иерархии является значимым при выстраивании системы взаимодействия различных судебных и административных органов при формировании права.

Противоречия в понимании закона могут возникнуть не только между судами различных государств, между национальными судами и международными судебными инстанциями, но и между юрисдикциями иных видов. Это могут быть противоречия между юрисдикциями:

---

[149] Канивет Г. Перекрестное влияние национальных и международных юрисдикций // Журнал криминалистики и сравнительного правоведения, 2005. *Canivet G.* Les influences croisées entre juridictions nationales et internationales. Éloge de la « bénévolance » des juges. Revue des sciences criminelles et de droit comparé, 2005) http://www.ahjucaf.org/Les-influences-croisees-entre.7177.html (дата обращения: 9.01.2025).

а) национальных судебных органов и международных судов, среди которых особую роль занимают судебные органы интеграционных межгосударственных объединений (например, Европейский суд справедливости в Люксембурге, Европейский суд по правам человека в Страсбурге, Суд Евразийского экономического союза (Суд ЕАЭС) в Минске, MERCOSUR Court of Justice (постоянный суд Южноамериканского общего рынка). Также следует отметить функционирование Суда Бенилюкса (1974), Трибунала Андского Сообщества (1984), Суда Европейской Ассоциации свободной торговли (EACT) (1994), Суда UEMOA (Восточноафриканского экономического и валютного союза) (1995), Суда Общего рынка восточноафриканских стран (COMESA) (1998), Суда Восточноафриканского Сообщества (EAC) (2001), Суда Экономического Сообщества стран Западной Африки (ECOWAS) (2002), Трибунала Южноафриканского сообщества развития (SADC) (1992)[150]. Обобщающим термином для этого феномена стало понятие «интеграционное правосудие»[151]);

б) судебных органов и административных органов (органов исполнительной власти);

в) судебных инстанций различных уровней в рамках одной судебной системы (судов общей юрисдикции, арбитражных судов, апелляционных и кассационными органами).

Поэтому необходим тщательный поиск баланса, которому, несомненно, может способствовать принцип, сформулированный ЕСПЧ как «пределы усмотрения». Судья ЕСПЧ от Азербайджанской Республики Х.И.Ф. Гаджиев отмечает: «В Конвенции об этой концепции ничего не сказано, но она направлена на сдерживание создания прецедента. Суд в этих случаях соглашается с оценкой

---

[150] Подробный перечень и анализ деятельности дан в монографии А.С. Исполинова «Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). М.: Юстицинформ, 2018.

[151] См., напр.: Исполинов А.С. Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 105–120; Он же: Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex Russica. 2017. № 10 (131). С.58-87; Кашкин С.Ю. Интеграционное правосудие: сущность и перспективы. М.: «Инфра-М», 2014.

национальных судов, которые, по его мнению, более компетентны для детального рассмотрения всех сопутствующих обстоятельств. В отдельных случаях Суд руководствуется принципом самоограничения *(judicial restraint),* избегая порой даже прогрессивного подхода, который направлен на расширение защиты, оставляя таким образом поле государствам самим определять правовое регулирование в рамках демократического процесса в каждой стране»[152].

Наибольший интерес противоречий между юрисдикциями в сфере гражданского судопроизводства представляет ситуация, возникшая после 23 июня 2016 г. В этот день в центре «правового перекрестка» произошло крупное происшествие: в ходе референдума 51,9 % британцев проголосовали за выход Великобритании из Европейского Союза. В полночь по центральноевропейскому времени с 31 января на 1 февраля 2020 г. было прекращено членство Великобритании в Европейском Союзе, завершился процесс под названием «Brexit»[153]. 24 декабря 2020 г. официальные лица Великобритании и Европейского Союза подписали Соглашение о торговле и сотрудничестве. Насчитывающее более 1 200 страниц, оно было призвано решить целый ряд вопросов сосуществования и сотрудничества Великобритании и Европейского Союза после Brexit. С высокой долей английского юмора один из ведущих современных британских цивилистов А. Бриггс представил следующий перечень задач: «1) положить четкий и видимый конец свободному передвижению людей между Великобританией и ЕС; 2) препятствовать свободному перемещению товаров между двумя сторонами; 3) нанести ущерб национальному богатству, полученному от трансграничных финансовых и профессиональных услуг; 4) убежать от надзора ненавистного Европейского суда и 5) в акте особой злости уничтожить программу, с помощью

[152] См. напр.: Гаджиев Х. И.Ф. Роль диалога судей в утверждении верховенства права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 33–35.

[153] Подробно последствия выхода Великобритании из Европейского Союза (Brexit) для взаимодействия европейской и британской юрисдикции рассмотрены в статье автора: Барциц В.И. Конкуренция европейской и британской юрисдикций в условиях Brexit // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С.109–119.

которой студенты британских университетов расширяют свой кругозор в рамках программы, названной в честь Эразма»[154].

Не дискутируя с автором о целях Brexit, следует отметить, что в этом Соглашении не были разрешены вопросы соотношения британской и европейской юрисдикций в вопросах гражданского судопроизводства. Несмотря на кажущуюся неактуальность данного вопроса для современного российского правоведения и правоприменения, следует признать не только теоретико-правовой интерес к происходящим процессам, но и возможность выработки практических рекомендаций, направленных на развитие российской юрисдикции, формирование инструментов сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза. В условиях Brexit устоявшие и широко применявшиеся инструменты оказались в ситуации правовой неопределенности. Преодолеть ее был призван Закон Великобритании об имплементации Гаагских конвенций 1996, 2005 и 2007 гг. и о применении других международных соглашений в сфере международного частного права(краткое название – «Закон о международном частном праве (имплементации соглашений) 2020 г.)»[155], в котором сформулированы основные подходы применительно к сочетанию британской и европейской юрисдикций в условиях Brexit. Среди них следует выделить:

а) сохранение действия в Соединенном Королевстве права ЕС (законодательство, прецедентное право, общие принципы европейского права), действовавшего на день выхода из ЕС;

б) законы ЕС имеют силу национального закона;

в) сохраняется значение прецедентов (принципов и решений судов Великобритании и Европейского суда) в том виде, в каком они вступили в силу до даты Brexit;

---

[154] Briggs A. Civil Jurisdiction and Judgments. Seventh edition. Routledge, 2021. 1924 p. P. XXVII.

[155] An Act to implement the Hague Conventions of 1996, 2005 and 2007 and to provide for the implementation of other international agreements on private international law. Private International Law (Implementation of Agreements) Act 2020. https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/24/section/1/enacted (дата обращения: 9.01.2025).

г) толкование права ЕС на территории Великобритании после Brexit должно осуществляться на основе общих принципов права ЕС;

д) общие принципы права ЕС применяются в качестве действующего права и после Brexit, если только они были признаны таковыми до даты Brexit;

е) сохраняется принцип верховенства права ЕС на законы, принятые до даты Brexit (принцип верховенства права ЕС не распространяется на законы, принятые после Brexit). Однако такие законы могут быть изменены или отменены, «если они не будут действовать эффективно или будут содержать недостатки».

Особого внимания заслуживают принципы разрешения вопроса о влиянии решений Суда ЕС на английские суды:

а) английский суд не связан каким-либо решением Европейского суда, принятым после Brexit (не имеет права после даты *Brexit* ссылаться на Европейский суд);

б) английский суд вправе ссылаться на законы и решения, принятые после даты Brexit в том случае, «если это уместно»;

в) английский суд не имеет права после даты Brexit ссылаться на Европейский суд;

г) высшие суды Англии не связаны законодательством ЕС, даже сохранившим своей действие в Великобритании после даты Brexit. При этом при принятии решений об отступлении от действующего права ЕС Верховный суд должен использовать критерий, который он применяет, когда ему предлагается отступить от одного из своих собственных решений.

Позиция Великобритании: канцелярия премьер-министра Великобритании заявила, что присоединение Великобритании к Луганской Конвенции является «разумным и прагматичным» решением для граждан ЕС и Великобритании и гарантирует плавное международное разрешение споров для потребителей и семей. «Мы утверждаем, что имеем право на членство, потому что оно открыто для стран, не входящих в ЕС, и потому что все страны, не входящие в ЕС, уже поддержали

членство Великобритании», – говорится в заявлении канцелярии премьер-министра.

Позиция Европейской комиссии: в августе 2021 г. официальный представитель Брюсселя заявил, что Соединенному Королевству не разрешено присоединяться к Луганской конвенции 2007 г., соглашению, которое определяет суды стран, компетентные рассматривать трансграничные гражданские и коммерческие споры, и гарантирует, что вынесенные приговоры могут быть приведены в исполнение за границей. Рекомендация Комиссии не допустить присоединения Соединенного Королевства является попыткой подорвать позиции Лондона как мирового центра разрешения торговых споров. Заявка на включение в соглашение подлежала отклонению, поскольку Великобритания ранее подала заявку на Brexit из Европейского Союза на основе базового соглашения о свободной торговле.

Как видим, Великобритания в «Законе о международном частном праве (выполнении соглашений) 2020 г.» достаточно подробно законодательно закрепила модель соотношения европейской и британской юрисдикций в выгодном для себя варианте. Выйдя из ЕС, Великобритания вышла из Луганской конвенции и практически сразу же (8 апреля 2020 г.) подала заявку на присоединение к ней. Тем самым Великобритания продемонстрировала готовность действовать по модели стран, входящих в Луганскую конвенцию, но не являющихся членами ЕС (Норвегия, Исландия, Швейцария), и сохранить преимущества нахождения в едином пространстве гражданского судопроизводства.

Но Великобритания не предусмотрела, что страны ЕС не готовы к столь комфортному для нее варианту развода юрисдикций и рассчитывают использовать сложившуюся ситуацию как в общеполитическом контексте, так и в конкурентной борьбе за «судебный бизнес» – привлечение в свои юрисдикции экономически и политически значимых категорий дел. Европейская комиссия отклонила заявку и рекомендовала государствам-членам ЕС принять аналогичное решение. Сославшись на то, что отныне Великобритания для стран ЕС «третья страна»,

отношения с ней в области гражданского судопроизводства должны регулироваться Гаагскими конвенциями. Но Гаагские конвенции не препятствуют рассмотрению параллельных судебных дел в конкурирующих юрисдикциях и являются менее универсальными с точки зрения предметов регулирования. Более того, исполнение судебных решений на их основе более трудно реализуемо. Таким образом, в настоящее время между Соединенным Королевством и ЕС не существует всеобъемлющей многосторонней системы международного частного права, охватывающей признание и приведение в исполнение судебных решений или судебной юрисдикции по гражданским и коммерческим делам.

По мнению главы Международного юридического сообщества Англии и Уэльса М. Лоранса (*M. Laurans*), «потеря рамки Лугано означает возврат к национальным законам каждой отдельной страны, чтобы решить, какой суд обладает юрисдикцией в отношении юридического вопроса и будет ли решение признано и приведено в исполнение… Это также делает судебные разбирательства недоступными для всех, кроме самых глубоких карманов – самые богатые корпорации и частные лица по-прежнему смогут отстаивать свои права» [156].

К определенным, однако крайне незначительным потерям готовы и в самой Великобритании: «действие английских судебных решений в Европе, за исключением тех судебных решений, к которым будет применяться Гаагская конвенция о выборе суда, будет уменьшено. Для семи стран (Австрии, Бельгии, Франции, Германии, Италии и Нидерландов и Норвегии) существующие двусторонние договоры, которые были введены в действие в соответствии с Актом 1933 г., но которые были маргинализированы во время применения правил Брюсселя и Лугано, возобновят свою первоначальную сферу применения; еще два (Кипр и Мальта) будут подпадать под действие законодательства, соответствующего Акту 1920 г. В остальном ответ будет зависеть от хаотического разнообразия норм международного частного права иностранных государств.

---

156 www.express.co.uk/news/politics/1435632/lugano-convention-what-is-it-why-important-uk-post-brexit-laws-evg

Однако в любом существенном случае принудительное взыскание в Лондоне (в отношении долгов, должников, будущих долгов и других активов) обычно возможно. Любые ограничения на такие меры, как долговые распоряжения третьих лиц или назначение конкурсного управляющего путем справедливого исполнения… будут сняты. А снижение исковой силы в отдаленных уголках Восточной Европы – пожалуй, потеря скромных размеров»[157].

Более того, Великобритания намерена использовать избавление от пут европейского права для повышения привлекательности своей юрисдикции. Действительно, отсутствие необходимости многолетних согласований с интересами многочисленных стран – членов ЕС той или иной поправки в законодательство может существенно облегчить развитие правового регулирования, ускорить принятие необходимых законов, в том числе и в сфере гражданского судопроизводства.

Со своей стороны готовятся к политическим и судебным баталиям континентальные правоведы. В серии статей по исследованию процессуального прав Института Макса Планка в Люксембурге утверждается непригодность Луганской конвенции для использования в качестве моста между Великобританией и ЕС после Brexit на том основании, то вдруг стала явной несовместимость общего права с континентальной правовой системой, в том числе в вопросах юрисдикции[158]. Странность подобных заключений очевидна, ведь на протяжении предшествовавших почти 50 лет (с 1972 г.) система английского общего права вполне сносно и эффективно уживалась с европейскими юрисдикциями. Более того, именно Лондон считался неофициальным центром для решения наиболее крупных и ярких исков: от корпоративных споров до бракоразводных процессов.

Политика Франции по блокированию возврата Великобритании к Луганской конвенции 2007 г. в качестве полноправного участника – часть борьбы по

---

[157] Briggs A. Op.cit. P.23.

[158] Hess, The Unsuitability of the Lugano Convention (2007) to Serve as a Bridge between the UK and the EU after Brexit. Max Planck Institute Luxemburg for Procedural Law Research Paper Series № 2018 (2).

ослаблению позиций конкурента при разрешении коммерческих споров. В то время, как скандинавские, балтийские страны и Нидерланды выступают за возвращение Великобритании к Луганской конвенции, Франция решительно поддержала линию Еврокомиссии и отвергла присоединение Великобритании к конвенции. По мнению Хосепа Гальвеса, испанского судьи и эксперта по коммерческому арбитражу, «это способ наказать Великобританию за выход из Евросоюза, но и очень хорошая возможность для некоторых юрисдикций ЕС привлечь международные судебные разбирательства в свои суды»[159].

Перипетии франко-британского спора за долю в судебном бизнесе интересуют россиян не только с точки зрения перспектив для крупнейших российских бизнесменов рассматривать свои споры в той или иной юрисдикции. Скорее наоборот, изучение этой практики побуждает к разработке комплекса мер по ограничению подобного бегства из российской юрисдикции. Следует внимательно изучить предложения по закреплению исключительной компетенции российских судебных (арбитражных) органов при рассмотрении некоторых видов экономических споров, а также споров с участием российских государственных компаний или компаний с государственным участием. В контексте национальных интересов России речь идет о дополнительном доводе в пользу повышения привлекательности российской национальной юрисдикции.

Российские компании и бизнесмены составляют значимую часть среди клиентов британской юстиции (россияне конкурируют с казахстанцами за второе место по количеству дел с участием иностранцев в британских судах, первое место традиционно принадлежит американцам). В российской юридической прессе следят за многочисленными примерами споров российских бизнесменов в английской юрисдикции. Обращает на себя внимание странность ситуации, когда

[159] Цит. по: Астапов А. Еврокомиссия отказала Великобритании в присоединении к конвенции по бракоразводным процессам https://internationalwealth.info/news-of-the-offshore/evrokomissija-otkazala-velikobritanii-v-prisoedinenii-k-konvencii-po-brakorazvodnym-processam/(дата обращения: 9.01.2025).

в ней продолжают рассматриваться не только ранее инициированные споры, но и подаются новые иски.

Конкуренция в сотрудничестве. Таким образом, одним из возможных последствий Brexit могут стать если и не кардинальные, то достаточно существенные изменения в конкуренции судебных институтов континентальной Европы и Великобритании. Возможно цинично, но речь идет о конкурентной борьбе судебных институтов, очень похожей на конкуренцию бизнес-компаний. В этом нет ничего предосудительного: оплата судебных издержек, услуг адвокатских и консалтинговых бюро, внимание прессы и имиджевые плюсы. Юридический бизнес, вращающийся вокруг коммерческих судов, – значимая часть экономики. Хотя главной все же является возможность принятия судебных решений (нередко по многомиллиардным делам) в соответствии с нормами своего национального права. Нельзя и полностью исключить возможность принятия судебных решений в интересах «своих» компаний и «своего» бизнеса. Сколько бы теоретики права не говорили об абсолютной беспристрастности судов при принятии решений, что при этом не учитывается национальная (в смысле государственная) принадлежность компаний или спорящих сторон, судебная практика свидетельствует об обратном. Как правило, ангажированные решения принимаются со ссылками на оговорку о публичном порядке, уважении к выработанным той или иной правовой системой правовым принципам.

Современным экспертам еще только предстоит проанализировать, сумеют ли судебные инстанции стран ЕС (Франции, Бельгии, Германии) перехватить часть «бизнеса» Коммерческого суда Лондона **(**Commercial Court in London). Но уже в следующем после Brexit году число спорщиков в Коммерческом суде Лондона возросло на 22 %, при этом почти 60 % участников – иностранцы, сами британцы составили 40,7 % спорщиков. Другой конкретный аспект «судебного бизнеса»: суды Англии и Уэльса рассматривают около 25 000 разводов с участием иностранных граждан ежегодно. То есть мнение скептиков, что Brexit будет способствовать оттоку заявителей из британских судов, пока не находит

подтверждения. Великобритания остается вторым по величине рынком юридических услуг (после США) по объемам гонораров юристов – это 36,8 млрд фунтов стерлингов[160]. Хотя после Brexit англоязычные суды открылись во Франкфурте, Гамбурге, Париже и Амстердаме. Также следует обратить внимание на обсуждение концепции создания Европейского коммерческого суда.

«Международное рассмотрение споров — это рынок, как и арбитраж; и было бы желательно иметь возможность свободно адаптироваться к тому, что хотят клиенты», – утверждает А. Бриггс (A. Briggs)[161], пытаясь найти позитивное начало в процессах Brexit для британской юрисдикции. Следует ожидать существенного ослабления позиций ведущих юрисдикций по мере роста влияния и самостоятельности юрисдикции развивающихся стран. Уже сегодня привлекательность юрисдикций стран, пользующихся правовым авторитетом и экономической мощью, испытывает сильное давление. Например, даже в Великобритании начинают говорить о росте неудовлетворенности иностранных субъектов качеством функционирования английской юрисдикции[162]. В условиях Brexit эти голоса стали звучать еще громче, что может обусловливать возникновение экономического интереса к поиску альтернативных юрисдикций, пользующейся доверием и обладающей не меньшим юридическим потенциалом, чем английская. В этом контексте дополнительные перспективы возникают у судов Франции, других европейских государств. В то же время между ними также возможна конкуренция за «клиентов», заинтересованных в решении своих споров. Эта конкуренция наглядно проявилась при рассмотрении Еврокомиссией вопроса о возвращении Великобритании в «рамки Лугано» (имеется в виду Луганская конвенция – Конвенция о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам от 30 октября 2007 г.).

---

[160] https://www.lenouveleconomiste.fr/la-place-judiciaire-de-londres-mise-a-rude-epreuve-85857/ (дата обращения: 9.01.2025).

[161] Briggs A. Civil Jurisdiction and Judgments. Seventh edition. Routledge, 2021. P.23.

[162] French, Christopher C. English Justice for an American Company? // Texas Law Revue Online. 2018. No. 97; Penn State Law Research Paper No. 9-2018. Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=3198353. (дата обращения: 9.01.2025).

Российская доктрина взаимоотношений российских и иностранных судов. Отношение к диалогу судей России и международных (иностранных) судов Конституционный Суд РФ сформулировал в Постановлении от 19 января 2017 г.: № 1-П «…взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правопорядке. Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека…, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации»[163].

Это было второе за последние 30 лет переосмысление в России соотношения национального и международного права, которое привело к закреплению в Конституции Российской Федерации за Конституционным Судом Российской Федерации статуса «супер-верховного» суда. Конституционная самозащита при обеспечении закрепленного п. 4 ст. 15 Конституции РФ примата международного права – таковой предстает сбалансированная формула современного понимания соотношения международного и национального права в России.

Однако несомненно, что и это (современное) понимание не является окончательным. Более того, два фактора (два процесса) сподвигнут российских

---

[163] Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 5. Ст. 866.

правоведов к очередному переосмыслению. Если обойтись без лукавства, то очевидно, что предыдущие два переосмысления произошли не по причине развития собственно правовых представлений, не в ходе дискуссий в юридических кругах – они были обусловлены политической ситуацией и простимулированы переоценкой государственных (национальных) интересов страны. Первый из факторов – участие России в интеграционных объединениях, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Союзное государство России и Беларуси. Сумеют ли Суд ЕАЭС и предусмотренный Договором о создании Союзного государства (ст.55 Договора от 1998 г.), но так и не сформированный до сих пор Суд Союзного государства выполнить предназначение, с которым с успехом справился Суд Европейского Союза, – вопрос, на который следует получить ответ в среднесрочной перспективе на основе политической воли государств-участников и готовности судебных систем этих стран к диалогу судей. Следует лишь отметить: огромная ответственность за то, чтобы этот процесс был реализован в национальных государственных интересах России, возлагается на Конституционный суд РФ, конституционные и верховные суды государств-участников ЕАЭС.

При ответе на вышепоставленные вопросы применительно к гражданскому судопроизводству принципиальное значение имеют развивающие правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и его корректировки практики нижестоящих судов. М.Л. Энтин предлагает обобщенному национального судье произнести следующую речь: «Да, нормы интеграционного права, формируемые лишь при участии и вне политического контроля со стороны национальных властей, являются интегральной, органичной частью внутреннего права. Они от норм внутреннего, несмотря на свою принципиально иную природу и процедуры подготовки и утверждения, ничем не отличаются. Вследствие этого должны всегда и при любых обстоятельствах применяться в том же порядке, что и нормы

внутреннего права»[164]. Конечно, национальному судье трудно принять эту формулу и тем более ее реализовывать в практической деятельности. Однако без поддержки национальных судов рассчитывать на развитие интеграционного права и усиление роли наднациональных судов не приходится. У судов интеграционных объединений нет изначально никаких средств реализации своих решений и возможностей настаивать на их исполнении в государствах-участниках. Единственно возможный механизм здесь – поддержка национальными судами решений суда интеграционного объединения с пониманием, что от их (национальных судов) толкования решений во многом зависит сам ход интеграционных процессов в экономической сфере.

Принципами «диалога судей» на постсоветском пространстве, элементами вышеобозначенного неформального кодекса поведения видятся:

– понимание решений наднациональных судебных органов как источника права для государств – участников и национальных судей;

– интерпретация (толкование) решений судов интеграционных объединений национальными судами, исходя из приоритетов экономической интеграции (осознание экономической интеграции государств-участников интеграционного объединения приходит лишь на основе ясно озвученной политической воли государства – участника);

– признание национальными судами прецедентного характера и значения решений наднациональных судов (в настоящее время применительно к России Суда ЕАЭС).

– юрисдикционная защита на территории государств-участников решений судов интеграционных объединений (эта защита обеспечивается решениями национальных судов, прежде всего высших судов в судебной иерархии того или иного государства).

---

[164] Энтин М.Л. Взаимосвязь и взаимозависимость наднационального и национального судьи // Международное правосудие. 2012. № 1 (2). С. 64.

Интересы России в интеграционных процессах на постсоветском пространстве будут способствовать очередному переосмыслению классического вопроса. Если первый фактор (первый процесс), который обусловил новую дискуссию по вопросу соотношения национального и международного права, носит внутренний (в смысле, внутрироссийский и внутренний для интеграционных процессов на постсоветском пространстве) формат, то второй обусловлен глобальными трендами.

Следует обратить внимание на негативное отношение российских судебных институтов к идее создания суда по правам человека на постсоветском пространстве. Эта идея связана с драматической судьбой Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.)[165]. Парламентская ассамблея Совета Европы выступила против самой идеи принятия Конвенции СНГ о правах и свободах человека на основании критики, что в ней содержатся менее эффективные процедуры обеспечения и защиты прав человека. Эта позиция обусловила рекомендацию Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) в 2011 г. не ратифицировать конвенцию странам-членам или кандидатам в члены Совета Европы. Рекомендация привела к ряду негативных последствий, которые практически нивелировали значение этого документа. Среди таких последствий: а) приостановление подключения к Конвенции других стран СНГ: б) отказ от ее ратификации уже подписавшими странами (Грузией, Арменией и Молдовой); в) обесценивание идеи создания Суда СНГ по правам человека.

Рекомендация ПАСЕ сыграла свою немалую роль в замораживании формирования механизмов защиты прав человека на постсоветском пространстве. ПАСЕ удалось сохранить монополию на конвенциональную роль в деле защиты прав человека на европейском континенте за Европейской конвенцией прав человека, устранить в зародыше возможного партнера ЕСПЧ, который мог бы выполнять аналогичную роль на постсоветском евразийском пространстве. Без

[165] Вступила в силу 11 августа 1998 г. после ратификации Россией и Таджикистаном, ратифицирована Киргизией и вступила для нее в силу 21 августа 2003 г.

инструмента судебного обеспечения любые конвенции, в том числе и Конвенция СНГ, остаются декларациями не только по форме и содержанию, но и по своей результативности, вернее, по ее отсутствию.

В связи с выходом России из Совета Европы и прекращением участия страны в ЕСПЧ высказываются различные подходы по развитию системы судебной защиты прав человека. Концептуальная развилка состоит в следующем: является ли исчерпывающим, полным и достаточным правовой инструментарий защиты прав и свобод человека, предлагаемый национальной судебной системой, или в этом процессе уместно участие международных судов. Последнее возможно посредством нескольких вариантов:

а) возложение соответствующих полномочий на функционирующий Суд ЕАЭС;

б) формирование нового судебного органа в рамках постсоветского пространства – Суда по правам человека ЕАЭС.

При этом утверждается, что надлежит определиться с каталогом прав человека, который будет соответствовать идентичности стран постсоветского пространства. Чем именно этот каталог прав будет отличаться от соответствующего аналога в рамках Совета Европы – предмет особой дискуссии. Следует отметить, что вышеобозначенная развилка не является в полной мере корректной: участие России в международных судебных учреждениях, призванных развивать систему защиты прав человека, ни в коей мере не противоречит совершенствованию собственного национального законодательства в этой сфере и правоприменительной практики. Напротив, сотрудничество, «диалог» с судьями из других стран (применительно к ЕАЭС и СНГ особо следует отметить общность правовой истории, правовых традиций и правовой культуры, отсутствие языковых барьеров) способствует развитию как доктрины, так и судебной практики.

Однако для этого нет пока ни политической воли руководителей стран СНГ или ЕАЭС, ни поддержки руководителей судебных органов. Более того,

Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 290-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 года», которым был ратифицирован подписанный в Астане (Казахстан) 14 октября 2022 г. Протокол, согласился с исключением из Конвенции нормы о том, что положение о Комиссии по правам человека является неотъемлемой частью Конвенции. Сама по себе Комиссия пока еще сохраняется, к ее компетенции отнесены: «подготовка тематических докладов по актуальным вопросам поощрения и защиты прав и свобод человека, организация форумов, научно-практических конференций, семинаров по обмену опытом». Также Комиссия вправе рассматривать обращения граждан «по вопросам возможного нарушения прав человека», но только с согласия государства-участника СНГ. Регламентировать условия приемлемости и порядок разрешения жалоб делегируется Совету глав государств СНГ.

Одним из вариантов постепенного уменьшения количества дел с российским участием в иностранных судах может стать сотрудничество с судебными системами стран ЕАЭС. Использование опыта европейского диалога судей может быть очень востребовано при выстраивании диалога судей между судебными органами России и Судом Евразийского экономического сообщества, судами стран ЕАЭС.

2.2. «Интеграционное правосудие» в сфере гражданского права: соотношение решений российских судов и судов интеграционных объединений

На постсоветском пространстве постепенно формируется новая система разрешения коммерческих споров между компаниями из стран Содружества независимых государств и формирующихся интеграционных объединений. Основным среди таких интеграционных объединений выступает Евразийский

экономический союз (ЕАЭС), в который входят пять стран (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия). Суд Евразийского Экономического Союза был создан в мае 2014 г., в 2001-2014 гг. функционировал Суд Евразийского экономического сообщества. В Суд ЕАЭС входит по два судьи от каждого государства-участника, располагается в г. Минске.

Хотя в компетенцию Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией помимо той, которая прямо предусмотрена Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках ЕАЭС, в перспективе в случае действительного развития интеграционных процессов в рамках этого межгосударственного объединения надлежит кардинально пересмотреть роль судебных институтов ЕАЭС. Усиление влияния Суда ЕАЭС, формирование системы разрешения споров между компаниями входящих в это интеграционное объединение стран в перспективе могут стать значимым фактором развития экономического сотрудничества.

А.С. Исполинов в докторской диссертации «Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС)» детально обосновывает подход: «судебный орган в любом интеграционном объединении выполняет ту же роль, которую в национальном государстве играет конституционный суд, а именно, осуществляет контроль за соответствием учредительному договору актов и решений, принимаемых институтами интеграционного объединения»[166].

Оправданиями слабых роли и влияния могут служить и незначительные полномочия, которыми Суд наделен согласно ст. 2 Статута Суда Евразийского экономического союза (речь идет об «единообразном применении государствами – членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов

[166] Исполинов А.С. Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии: на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. М., 2018.

Союза»)[167], малочисленность суда, иные ограничения политического и административного свойства. Вероятно также, что судьи не видят среди своих задач содействие правовой интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза.

Наглядный пример противоречий, более того «идейного раскола» внутри Суда ЕАЭС рассмотрен А.С. Исполиновым и О.В. Кабышевой на примере дела ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» по иску компании. Дело представляет собой иск ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» о бездействии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в виде отказа принять меры, направленные «на обеспечение соблюдения в Российской Федерации прямых норм права Союза»[168]. Хотя иск «ДХЛ Глобал Форвардинг» был отклонен, двое судей Коллегии (в том числе Председатель Суда ЕАЭС на дату рассмотрения Э.В. Айриян – представительница Армении[169]) выступили с особым мнением, категорически не согласившись с решением Суда. Они признали очевидным отсутствие факта бездействия Комиссии. Споры о бездействии ЕЭК по обращениям хозяйствующих субъектов являются предметом очевидного противостояния между ЕЭК и Судом ЕАЭС.

Речь идет о различиях в понимании обязанностей ЕЭК. Если же выйти за рамки конкретных споров и оценки практики рассмотрения исков о бездействии ЕЭК (хотя и этот аспект имеет помимо правового и политическое звучание), то суть «идейного раскола» в самом понимании: существует ли автономный правопорядок ЕАЭС? Каково его место в системе взаимодействия национальных правопорядков стран ЕАЭС?

---

[167] Статут Суда Евразийского экономического союза. Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/59c6c990db8e37a1c23e01df97ee446e834cf60b/?ysclid=m69vnsd5ww355066504

[168] Исполинов А.С., Кадышева О.В. «Старые» и новые проблемы в деятельности и в практике Суда ЕАЭС на примере решения Суда Евразийского экономического союза по делу ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 21–27.

[169] С 2024 г. председателем Суда ЕАЭС является представитель РФ А.А. Дронов.

Вопрос «бездействия» административных органов интеграционных объединений в рамках ЕАЭС не является чем-то оригинальным. На первых этапах своего развития аналогичные претензии выдвигались органам Европейского сообщества. Судебные органы в некотором смысле призваны подталкивать исполнительные органы к действию. Так, судебная практика Европейского суда справедливости и Европейского суда по правам человека в некотором смысле компенсировала бездействие институтов сообщества. Подобная «компенсация» осуществлялась посредством утверждения прямого действия судебных решений. Это прямое действие способствовало усилению юридической силы актов административных органов сообщества.

Заместитель Председателя Суда (судья от России в данном Суде) К.Л. Чайка отмечает: «Нам необходимо создать и правильно применять единую правовую базу нашего экономического сообщества. <…> При возникновении разногласий между национальными судами и судом ЕАЭС мы должны предусмотреть во всех национальных кодексах соответствующие изменения и прежде всего это вопрос о включении в процессуальные кодексы оснований для пересмотра дел по новым обстоятельствам, где записать, что если Судом Евразийского экономического союза вынесено решение в его толковании, оно должно исполняться или должно быть пересмотрено решение национальных судов»[170].

Суду ЕАЭС следует воспринять ту настойчивость, с каким Суду Европейского Союза удалось утвердить феномен «право Европейского Союза» как самостоятельную правовую систему, существующую сверх и наряду с национальным правом стран Европейского союза и параллельно и вместе с международным правом. При своем развитии суды интеграционных объединений должны опираться на поддержку высших судов стран-участниц. Не стоит преувеличивать опасность решений наднациональных судебных органов для национального публичного порядка. Напротив, наработавшие значительный опыт

---

[170] Судебные механизмы: диалог Суда ЕАЭС с национальными судами // https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/07/01/sudebnie-mehanizmi-dialog-suda-eaes-s-natsionalnimi-sudami (дата обращения: 9.01.2025).

деятельности, авторитетные органы правосудия стран-участниц, призваны оказать всемерное доктринальное, практическое, любое иное содействие Суду Евразийского экономического союза, возможным иным судебным органам в рамках интеграционных объединений на постсоветском пространстве по превращению правовой системы Евразийского экономического союза в самостоятельный уровень правопорядка.

Пока же сами понятия «право Евразийского экономического союза», «правовая система Евразийского экономического союза» практически не употребляются даже в практике самого Суда ЕАЭС. В решениях Суда ЕАЭС находят применение такие категории, как «наднациональное регулирование, предполагающее наличие унифицированного правового регулирования либо передачу государствами-членами компетенции в той или иной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий»[171], «скоординированная, согласованная и единая политика», «гармонизация» и «унификация» законодательства. И положения Договора о ЕАЭС (в частности, ст. 2), и практика деятельности Суда ЕАЭС исходят из различия понятий «гармонизация законодательства» и «унификация законодательства». Под гармонизацией понимается сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах. Унификация – это сближение законодательств государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах[172].

Деятельность Суда ЕАЭС важна с точки зрения не только собственно осуществления правосудия и разрешения споров, но и того, что можно определить как формирование правового фундамента для интеграции государств-участников.

---

[171] См., напр.: Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 г. по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь.

[172] Подробнее см.: Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 3 марта 2016 г. по делу индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии // https://base.garant.ru/71360772/?ysclid=m2droheo45685476353 (дата обращения: 9.01.2025).

Речь идет о том, что в ходе рассмотрения конкретных вопросов суд занимается толкованием и применением права ЕАЭС, приходит к теоретическим обобщениям по вопросу понимания различных терминов и определений. Например, в Обобщении правовых позиций и практики суда Евразийского экономического союза, подготовленного Верховным Судом РФ на основе решений и консультативных заключений, принятых Судом Евразийского экономического союза в период с декабря 2015 г. по март 2022 г.,[173] среди других особо выделяется толкование судом таких терминов, как «скоординированная, согласованная и единая политика», «гармонизация» и «унификация» законодательств государств-членов».

В научной и экспертной литературе обращается внимание на то, что ни в России, ни в других странах ЕАЭС до настоящего времени не выработаны инструменты принудительного исполнения решения Суда ЕАЭС, отсутствуют механизмы взаимодействия Суда ЕАЭС с судебными учреждениями государств-членов[174]. Более того, вместо ожидания расширения влияния и компетенции Суда ЕАЭС многие эксперты вынуждены признавать сужение этих влияния и компетенции. А.С. Исполинов охарактеризовал Договор о Евразийском Союзе как «инструмент поражения в правах Суда ЕАЭС»: «Уже первое знакомство со Статутом Суда Союза (приложение № 2 к Договору о Союзе) показывает, что государства пошли на самое серьезное переформатирование юрисдикции нового Суда по сравнению с той, которой обладал Суд ЕврАзЭс. Причина такого подхода очевидна. За 2.5 года деятельности Суда Сообщества государства осознали те риски, которые несет для них появление сильного суда, и вознамерились самым серьёзным образом этому противодействовать»[175].

---

[173] https://courteurasiaNo.org/court_cases/eaeu/ (дата обращения: 9.01.2025).

[174] См., напр.: Изгагина Т.Ю. Значение решений Суда ЕАЭС в становлении наднационального законодательства // Современная наука. 2021. № 6. С. 22–26.

[175] Исполинов А.С. Договор о Евразийском Союзе как инструмент поражения в правах Суда ЕАЭС https://zakon.ru/blog/2014/6/11/dogovor_o_evrazijskom_soyuze_kak_instrument_porazheniya_v_pravax_suda_evrazes_chast_1?ysclid=lnvx4b2cdl245049665 (дата обращения: 9.01.2025).

Последующая деятельность суда ЕАЭС, к сожалению, подтверждает институциональную слабость этого судебного органа. Это побуждает к поиску иных, более действенных инструментов урегулирования споров между компаниями стран ЕАЭС.

Исходя из национальных интересов России, следует предположить, что судебные институты страны, в том числе и прежде всего Конституционный суд России, могут и должны способствовать повышению роли и авторитета Суда Евразийского экономического союза. В действительности же, напротив, Конституционный суд России решил сыграть на опережение, жестко отреагировав на первую попытку Суда Евразийского Союза придать своим решениям преюдициальный характер.

В Определении Конституционного суда Российской Федерации от 3 марта 2015 г. № 417-О[176] Конституционный Суд РФ, поддержав интересы ООО «Авангард-Агро-Орел» по предоставлению таможенных льгот, как и положено органу конституционного правосудия, использовал этот повод для утверждения правовых позиций, выходящих далеко за предмет конкретного вопроса.

В Определении не только были оспорены полномочия Комиссии Таможенного Союза, которая к моменту вынесения Определения прекратила свое существование, но и содержалось предупреждение Суду Евразийского Союза, что правовые позиции его предшественника – Суда Евразийского экономического сообщества (а, следовательно, и действующего Суда Евразийского экономического союза) сохраняют свою силу и подлежат учету лишь в том контексте, что «сами по себе эти правовые позиции не могут служить основанием для отступления от содержащегося в статье 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации требования признания и гарантирования прав и свобод человека и гражданина не только согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, тем более принимая во внимание прямое указание преамбулы Договора о Евразийском экономическом

[176] Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 3.

союзе на необходимость безусловного соблюдения всеми его сторонами принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина»[177].

Конституционный Суд России в обоснование своих полномочий на рассмотрение конституционности решений Евразийской экономической комиссии положил тезис о необходимости защиты прав и свобод человека и гражданина. По сути, Конституционный суд воспользовался классической формулой для защиты своих исключительных полномочий как единственного органа, уполномоченного выносить рассмотрение конкретных правовых вопросов на конституционный уровень. Определение от 3 мая 2015 г. при всей частности и конкретности дела ООО «Авангард-Агро-Орел» стало демонстрацией линии на «обособленность» национального правопорядка от возможного в перспективе правопорядка ЕАЭС, в данном случае – правовых установлений органа интеграционного объединения, участником и локомотивом которого является Россия.

Линия на подобную «обособленность» национального правопорядка противодействует евразийской интеграции, политическим и государственным устремлениям страны, ее исторической роли. Очевидно, что без поддержки судебных институтов России реальная интеграция на постсоветском евразийском пространстве будет сопряжена с дополнительными трудностями. Если Суду Европейского Союза удалось утвердить феномен «право Европейского Союза» как самостоятельную правовую систему, существующую сверх и наряду с национальным правом стран Европейского союза и параллельно и вместе с международным правом, то с сожалением приходится констатировать отсутствие у Суда Евразийского экономического союза подобных подходов даже на уровне амбиций. В этих условиях жесткая позиция Конституционного Суда РФ выглядит юридически излишней и политически неоправданной.

---

[177] Там же.

Совершенно иную модель институциональной интеграции в сфере рассмотрения гражданско-правовых исков реализует Казахстан[178]. В частности, одним из проявлений реакции государственного руководства Казахстана на резкое увеличение количества исков между казахстанскими компаниями, которые рассматриваются в Великобритании, стало формирование в столице страны независимого и функционирующего вне рамок национальной судебной системы арбитражного органа. Оценив опасности выведения значимых (как финансово, так и политически) юридических споров за пределы республики, власти Казахстана приняли решение создать в столице страны г. Астане при Международном финансовом центре (МФЦ-Астана) специализированный арбитражный суд, в котором решения принимаются британскими арбитрами на основе норм и принципов английского общего права, а также «лучшей международной практики».

Правовой статус МФЦ-Астана определен Конституционным законом Республики Казахстан от 7 декабря 2015 г. № 438-V ЗРК «О Международном финансовом центре «Астана»[179]. Этот своего рода выездной британский суд («маленький уголок Англии» из девяти британских судей в черно-золотых мантиях, окаймленных синим цветом флага Республики Казахстан), не являющийся частью судебной системы Казахстана (ч. 2 ст. 13 Закона), но принимающий свои решения на территории Казахстана, был создан в 2018 г. Суд МФЦ-Астана руководствуется в своей деятельности постановлением Совета «О суде Международном финансовом центре «Астана» и функционирует на «процессуальных принципах и нормах Англии и Уэльса и (или) стандартах ведущих мировых финансовых центров» (ч. 5 ст. 15 Закона). Исполнение решений Центра в Республике Казахстан осуществляется в том же порядке и на тех же

---

178 Правовой статус МФЦА-Астана и вопросы его функционирования представлены в статье автора диссертации Барциц В.И. Конкуренция европейской и британской юрисдикций в условиях Brexit / В.И. Барциц // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 109–119.

179 https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39635390&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 9.01.2025).

условиях, что и исполнение судебных актов судов Республики Казахстан (ч. 8 ст. 13 Закона).

Отношение российских экспертов к реализуемой в Казахстане модели функционирования «Суда Международного финансового центра «Астана» не может быть однозначным по целому ряду обстоятельств. Прежде всего, в высшей степени неопределенно звучит само положение «лучшие мировые практики» (еще более неопределенно, чем «нормы английского общего права»). Нет уверенности и в абсолютной беспристрастности английских арбитров, которые составляют состав суда.

В некоторой степени эта модель воспроизводит ту, которая обсуждалась в России в 2008-2012 гг. в рамках проекта формирования международного финансового центра в Москве и выведения этого центра из-под действия национального права и применения иностранного права при разрешении гражданско-правовых споров. Эта модель была отвергнута в России, попытка ее реализации в 2018 г. предпринята в Астане. За первые три года деятельности специализированный арбитражный суд рассмотрел 15 дел. Свои перспективы МФЦА связывает с разрешением споров не только казахстанских компаний, но и компаний из России и стран Центральной Азии.

Памятуя, что подобная модель была отвергнута в России как неприемлемая, нельзя просто не заметить попытку ее реализации в соседней стране, являющейся одним из ключевых российских партнеров. Следует рассмотреть использование этого суда или иных работающих на похожих принципах судебных и квазисудебных органов для повышения привлекательности юрисдикции ЕАЭС, а затем использовать этот опыт для развития российской юрисдикции. Нельзя исключать перспективу формирования в России квазисудебных органов, различных институтов судов ad hoc, использующих в том числе международные практики урегулирования экономических споров. Российский арбитражный центр открыл отделение в ОАЭ (Дубай). В 2014 г. с инициативой проработки идеи наднационального арбитражного механизм в рамках БРИКС выступила Индия.

Индийскими юристами был подготовлен проект регламента арбитража БРИКС+. В 2020 г. Санкт-Петербургский государственный университет выдвинул инициативу создания под эгидой БРИКС «делокализованного» арбитражного центра.

Идеи создание «инвестиционного арбитража» в качестве фактора расширения инвестиционного сотрудничества в рамках БРИКС и взаимное признание судебных решений на уровне участников БРИКС активно обсуждались на IX юридическом форуме БРИКС (Москва, 16-20 сентября 2024 г.). Они были затронуты в выступлениях, в частности, министра юстиции РФ К.А. Чуйченко и руководителя правового блока группы ВЭБ.РФ И.С. Краснова[180].

Принцип «делокализованности» означает, что речь не идет о создании конкретного арбитражного института в одной из юрисдикций, входящих в состав БРИКС стран. По сути, предполагается подписание соглашения ряда ведущих арбитражных учреждений стран БРИКС об единообразном применении принятого этими арбитражными центрами регламента, призванного урегулировать в том числе и такой важнейший аспект, как определение администрирующего спор органа при отсутствии соглашения сторон. Далее должен быть сформирован единый список арбитров и две ключевые системы: а) оплаты услуг по разрешению споров; и б) исполнения принятых решений.

Реализация идеи сталкивается с целым рядом проблем, в том числе теоретико-правового, сущностного и организационного толка. Например:

а) среди предложений, которые идут вразрез со стандартной практикой разрешения гражданско-правовых споров, следует выделить выбор арбитражного центра по месту нахождения истца, на том основании, что на первоначальном этапе процесс предполагает повышенные расходы и это позволит коммерсанту-истцу снизить расходы. На наш взгляд, странность подобного предложения в том, почему при этом не учитываются риски и увеличение расходы ответчика по данному спору;

[180] https://rg.ru/2024/09/19/rassudiat-po-chestnomu.html?ysclid=m1btngnj4b968137058 https://вэб.рф/press-tsentr/60127/ (дата обращения: 9.01.2025).

б) сама идея, которая при существенных интеллектуальных организационных усилиях имеет перспективу, может быть дискредитирована подходом, отмеченным в Концепции арбитражного института под эгидой БРИКС: «Государственные суды… полностью не отстраняются от благоприятного содействия арбитражному процессу (*непонятно, что имеется в виду?! – прим. Авт.*) и… осуществляют, по ограниченным основаниям, признание и приведение в исполнение арбитражных решений…». Сам подход, предполагающий «признание по ограниченным основаниям», приводит к серии вопросов о том, какие именно основания войдут в этот ограниченный перечень и будет ли иметь смысл становление системы рассмотрения споров при избранном подходе.

Привести в качестве примера эффективно действующий делокализованный арбитраж в настоящее время невозможно. Таковой не стала и попытка создания Азиатского международного центра в столице Малайзии (г. Куала-Лумпур) (Asian International Arbitration Centre (AIAC).

2.3. Исполнение решений по гражданским делам иностранных судов в России и российских судов за рубежом, доктринальные подходы и политико-правовые условия

Проблематика признания и исполнения решений судебных органов иностранных юрисдикций исключительно значима в силу целого комплекса причин, главная из которых очевидна: эти судебные решения затрагивают права и законные интересы физических и юридических лиц, причем нередко жизненно важные интересы. При принятии решения о подаче иска в иностранный суд истцу надлежит внимательно проанализировать и постараться спрогнозировать развитие событий в случае положительного решения суда: удастся ли добиться приведения судебного решения в исполнение? Стремление ответить на этот вопрос приводит к разработке схем, которые могут быть использованы для обеспечения признания и приведения иностранных судебных решений в исполнение.

Базовым нормативным принципом анализа вопроса исполнения решений по гражданским делам выступает положение ч. 1 ст. 409 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: решения иностранных судов, в том числе решения об утверждении мировых соглашений, признаются и исполняются в Российской Федерации, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации. Таким соглашением в отношении судов стран СНГ является Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. Положения, предполагающие взаимное признание и исполнение решений государственных судов, содержатся в ряде соглашений о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским делам (Вьетнам, Египет, Индия, Китай, Турция и др.)[181]. Например, ст. 19 Договора с Турцией предусматривает «признание и исполнение на территориях государств-участников договора следующих решений, вынесенных на территории другой стороны: a) судебные решения по гражданским делам; b) судебные решения по уголовным делам в части возмещения ущерба; c) должным образом утвержденные арбитражные решения»[182].

При отсутствии международно-правовых актов либо двусторонних соглашений о правовой помощи существенно осложняется экономическое сотрудничество хозяйствующих субъектов таких стран, разрешение споров между

---

[181] См., напр. соглашения с: Вьетнамом (ст. 52-57 Договора между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 25 августа 1998 г.), Египтом (раздел второй Договора между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23 сентября 1997 г.), Индией (часть III Договора между Российской Федерацией и Республикой Индией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам), Китаем (глава 3 Договора между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 июня 1992 г.), Турцией (глава 5 Договора между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, торговым и уголовным делам от 15 декабря 1997 г,

[182]Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, торговым и уголовным делам от 15 декабря 1997 г. // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/4732(дата обращения: 17.01.2025).

ними. В этих случаях (если между странами отсутствуют договоры о правовой помощи) возможно обращение к принципу взаимности применительно к вопросу признания решений иностранных судов.

Несмотря на то, что в сложившейся геополитической обстановке вряд ли следует ожидать ратификации Гаагской конвенции 2019 г. о признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам в кратко- и среднесрочной перспективе, дискуссия о подготовке и условиях ратификации, необходимых для ее использования изменений в законодательстве, последствиях для правоприменительной практики представляется актуальной.

Для этого надлежит проанализировать действующие принципы российского права и права иных стран в отношении признания и исполнения решений иностранных судов. Для чего прежде всего следует представить правовые основы признания в России решений иностранных судов до ратификации Гаагской конвенции 2019 г., проанализировать подходы международного частного права и права других стран к решению вопросов признания решений иностранных судов. Если подход на ратификацию конвенции сохранится, встанут вопросы о внесении изменений в Гражданский процессуальный и Арбитражный процессуальный кодексы РФ. Несомненное воздействие на процессы ратификации конвенции оказывают режим западных санкций в отношении России и российского бизнеса, утрата взаимного доверия. Именно фактор доверия (или его отсутствия) является ключевым при рассмотрении вопросов признания и исполнения иностранных судебных решений.

Действительно, основным препятствием на пути выполнения правил Конвенции выступает не формально-правовые, юридические сложности, а проблема доверия. Сам факт признания решения иностранного суда – это всегда демонстрация доверия: к конкретному суду или арбитражу, судебной системе этого государства; ее правовой системе, государству в целом. Одно дело, если этот шаг к взаимному доверию страны делают в рамках двустороннего договора, намного

серьезнее, когда демонстрация доверия осуществляется к широкому кругу стран, которые выступают участниками многосторонней конвенции[183].

Своим быстрым вступлением в силу (подписана 2 июля 2019 г., вступила в силу 1 сентября 2023 г.) Конвенция о признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам, несомненно, обязана странам Европейского Союза. В перечне государств, и подписавших, и ратифицировавших ее, только расположенные на европейском континенте, среди которых 26 членов ЕС (все кроме Дании). Среди подписавших, но не ратифицировавших конвенцию: Россия, США, Израиль, Коста-Рика и Уругвай. Остальные значимые субъекты международного права только определяются в своем отношении. Быстрым вступлением в силу можно считать в сравнении с судьбой предшествовавших этой конвенции актов. Переговоры о разработке всемирной Гаагской конвенции о судебных решениях начались в 1999 г., но подготовленный к 2001 г. проект был отвергнут[184]. Тем самым он последовал достаточно скромной судьбе Конвенции о признании и исполнении иностранных судебных актов по гражданским и торговым делам 1971 г. (ее ратифицировали и применяют только 5 государств: Албания, Кипр, Кувейт, Нидерланды и Португалия).

Ряд предметов регулирования этих актов перешли в Конвенцию Гаагской конференции по международному частному праву (HCCH) о соглашениях о выборе суда от 30 июня 2005 г. (Гаагская конвенция о выборе суда). Она, однако, была вынуждена существенно сузить предмет своего регулирования (США и ЕС подписали конвенцию в 2009 г., Россия до настоящего времени не подписала).

Иначе поступила Россия в отношении Конвенции 2019 г., став 17 ноября 2021 г. пятым подписантом. Но изменившиеся геополитические условия

---

183 Характеристика Конвенции о признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам от 2 июля 2019 г. дана в статье автора Барциц В.И. «Фактор доверия» как основное препятствие признания и исполнения иностранных судебных решений // Юрист. 2023. № 4. С.47–53.

184 Draft Hague Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil and Commercial Matters (2001) http://www.hcch.net/index_en.php?act=publications.details&pid=3499&dtid=35) (дата обращения: 9.01.2025).

оказывают существенное воздействие на перспективы ее ратификации в кратко- и среднесрочной перспективе.

Поэтому исторически оправданно, что вопросы признания иностранных судебных решений всегда успешно решались в рамках международно-правовых соглашений, заключенных государствами: а) географически близкими; б) имеющими общие правовые традиции. Очевидно, например, что скандинавским странам было намного проще прийти к взаимопониманию, когда ими еще в начале 1930-х гг. был подписан ряд конвенций: а) по делам о браке, разводе, опеке 1931 г. (действует до настоящего времени); б) по гражданским делам 1932 г. (утратила силу с принятием этими странами Регламента «Брюссель I»).

Ныне в рамках ЕС применяются Регламент «Брюссель Ibis» – Регламент (ЕС) № 1215/2012 Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» и Луганская конвенция «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам», подписанная 30 октября 2007 г.

Какие основные признаки и последствия может иметь правовое решение, принятое иностранным судом для другого государства? Прежде всего следует принять сам факт наличия иностранного судебного решения, которое тем или иным образом затрагивает интересы («наших», имеющих отношений к «нашей» стране) юридических и физических лиц. Признание или непризнание национальным судом этого решения не отменяет самого факта его существования. Национальный суд и национальные административные инстанции, даже не признавая этого решения и не стремясь его исполнить, не могут полностью игнорировать сам факт его принятия и последствия этого решения в иных юрисдикциях.

Далее, если существуют международные или двусторонние договоренности о признании решений, это решение иностранного суда применяется либо полностью, либо с определенными оговорками. При этом выигравший гражданское дело начинает процедуру исполнения решения иностранного суда в

стране, где находится проигравшая процесс сторона. Трудности исполнения решений даже национальных судов, не говоря об иностранных – предмет активных дискуссий во многих странах. Процедуры исполнения судебных решений регулируются национальным законодательством и существенно различаются между разными странами.

Факторами в пользу ратификации Конвенции выступают:

А) право указать при ратификации перечень стран, в отношении решений судов которых Конвенция применяться не будет. Следует воспользоваться подобной возможностью и рассмотреть ратификацию Конвенции 2019 г. с оговоркой о нераспространении ее действия на решения судов стран, входящих в утвержденный Правительством РФ перечень «недружественных»[185]. Подобное решение избавит от опасности политически ангажированных судебных решений, продемонстрирует стремление России к международному сотрудничеству при уважении суверенитета и национальных интересов. Конечно, практического смысла подобное решение на современном этапе иметь не будет, опять-таки в силу того, что среди стран, начинающих применять Конвенцию 2019 г. с 1 сентября 2023 г., пока лишь страны Европы. Но вполне возможно ограниченное применение Конвенции к решениям судов стран, которые постепенно будут присоединяться к ней. Это позволит наработать практику применения, посмотреть, какие возможности, интересы и угрозы несет для российских компаний и российской судебной системы ее применение.

Б) Сохраняется и действие оговорки о публичном порядке. Любое государство может ею воспользоваться применительно к любому судебному решению. Тем самым, «оговорка о публичном порядке» в полной мере может выполнить предназначенную ей защитную миссию. Одним из оснований отказа в исполнении иностранного судебного решения является обращение к оговорке о публичном порядке. Сам факт обращения к оговорке о защите публичного порядка

[185]https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 9.01.2025).

свидетельствует, что суд приходит к выводу (обоснованному или надуманному), что исполнение иностранного судебного решения или решения международного суда угрожает сформированным политико-правовым принципам, ценностям, что, по сути, и составляет понятие «национальной правовой идентичности».

Выводы к Главе 2:

1. Основной сложностью в выстраивании системы взаимодействия между национальными судьями и судами наднациональных интеграционных объединений и международных судов является не столько формирование и выработка унифицированных норм – норм интеграционного права, а фактор толкования (интерпретации). Для единообразного толкования правовых позиций и решений наднациональных судов необходимо четкое признание таких решений в качестве источника права для государств-участников интеграционного объединения, в том числе и прежде всего для национальных судей.

Противоречия между юрисдикциями и даже конфликты юрисдикций не представляют собой исключительно негативный феномен. Снять противоречия возможно при обращении к инструментам «диалога судей». В ходе разрешения противоречий, проговаривания (диалога) и разрешения спорных правовых моментов развивается право и судебная практика, формируются прецеденты. Диалог нужен не только судьям, работающим в разных государствах или в разных правовых системах. Механизмы «диалога судей» все активнее используются при разрешения различных толкований права и в рамках одной национальной правовой системы, это необходимо при противоречиях между различными судебными ветвями в рамках одного правопорядка. Особенно эти механизмы востребованы в странах, в которых существуют различные, не находящиеся между собой в иерархическом подчинении, виды органов, осуществляющих функции правосудия.

2. Механизмами выработки единых подходов между наднациональными и национальными судебными учреждениями является не только заочный диалог

посредством обмена судебными решениями, но и непосредственные форматы диалога. Различные конференции, очные и онлайн-дискуссии с привлечением ведущих теоретиков права и политиков, совместные публикации научных и аналитических статей, анализ правоприменительной практики и ее последствий, публикации статистических материалов – все эти формы весьма полезны для выработки духа взаимопонимания и стремления к сотрудничеству, атмосферы доверия между национальным судейским сообществом и судами интеграционных объединений.

Именно фактор доверия[186] (или его отсутствия) является основным при решении стран о подписании и ратификации Гаагской конвенции о признании и приведении в исполнение решений судов иностранных государств по гражданским и коммерческим делам от 2 июля 2019 г. Можно утверждать, что в среднесрочной, а возможно и в долгосрочной исторической перспективе «всемирное» действие названной Конвенции ограничится странами Европейского Союза плюс несколькими другими странами Европы, участвующими в Луганской конвенции. Из максимально возможных расширений ее действия можно предположить распространение на Великобританию в случае, если Франция и ряд других стран снимут свои возражения по поводу возвращения Великобритании в число участников Луганской конвенции. Глобальное действие Конвенции возможно представить лишь в правовых фантазиях, в которых установилось доверие между ведущими государствами и интеграционными объединениями, что достаточно трудно предположить.

Тем не менее принципы Конвенции 2019 г., ее правовые подходы и требования могут использоваться при совершенствовании национальных законодательств не ратифицировавших ее стран, в том числе России. На основе и с

---

186 Подр. см: Барциц В.И. «Фактор доверия» как основное препятствие признания и исполнения иностранных судебных решений // Юрист. 2023. № 4. С. 47–53.

учетом этих подходов следует развивать положения об исполнении и признании судебных решений стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), при заключении двусторонних договоров России и иных стран о признании и исполнении судебных решений. Подписание конвенции Россией состоялось 17 ноября 2021 г., но отсутствие ее ратификации, объясняет сохранение потребности для России заключения международно-правовых актов многостороннего (в частности, в рамках БРИКС+) и двустороннего характера по данной проблематике.

3. Формирование Европейского Союза, его поэтапное расширение привело к резкому усложнению регулирования правил выбора юрисдикции, принятию ряда важнейших конвенций и соглашений в рамках ЕС и за его пределами. Поступательное расширение правового регулирования вопросов юрисдикции было осложнено выходом Великобритании из состава ЕС (Brexit) в 2016-2020 гг. В это время на востоке Европейского континента происходит разрушение Союза ССР, вхождение России в Совет Европы в 1996 г. и выход из него в 2022 г., формирование рядом бывших постсоветских республик нового экономического объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Деятельность судебных (арбитражных) институтов различных государств в условиях глобальных изменений (Brexit и последовавшая за этим неопределенность в действии Луганской конвенции в отношении этой страны; выход России из Совета Европы и обусловленные этим фактором вопросы правоприменения, сложности системы экономического взаимодействия ЕС и США, геополитические осложнения между западными странами, с одной стороны, и государствами, не относящимися к ним, прежде все Россией и Китаем, с другой) сталкивается со все более усиливающимся давлением со стороны органов государственной власти и складывающейся атмосферой «судебного протекционизма».

4. Также в конкуренцию с национальными юрисдикциями все активнее включаются международные суды, суды интеграционных объединений, создаваемые в различных странах арбитражные центры по разрешению

гражданско-правовых споров. Следует различать признание и исполнение решений иностранных судов от признания исполнения решений международных (наднациональных) судов, являющимися судебными органами интеграционных объединений. Это различие обусловлено тем, что, входя в интеграционное объединение, формируя уставные документы судебных учреждений таких интеграционных объединений, страны-участницы определяют пределы полномочий этих судов и принципы применения их решения в национальной правовой системе.

5. Основу для сотрудничества юрисдикций создает вступление в силу 1 сентября 2023 г. Гаагской конвенции о признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам 2019 г. Подписание конвенции Россией состоялось 17 ноября 2021 г. Однако следует иметь ввиду, что к настоящему времени ее ратифицировали только европейские государства. В этом контексте сохраняется потребность в заключении международно-правовых актов многостороннего и двустороннего характера по данной проблематике. При отсутствии международно-правовых актов либо двусторонних соглашений о правовой помощи существенно осложняется экономическое сотрудничество хозяйствующих субъектов таких стран, разрешение споров между ними. В этих случаях возможно обращение к принципу взаимности применительно к вопросу признания решений иностранных судов в том случае, если между странами отсутствуют договоры о правовой помощи. В исследовании рассматриваются сложности обращения к принципу взаимности при признании иностранной юрисдикции.

Несмотря на то, что в сложившейся геополитической обстановке вряд ли следует ожидать ратификации этой конвенции в кратко- и среднесрочной перспективе, дискуссия о подготовке и условиях ратификации, необходимых для ее использования изменений в законодательстве, последствиях для правоприменительной практики представляется актуальной.

Очевидно, что в условиях политически обусловленных санкций отсутствие ратификации Конвенции 2019 г. может в некоторой степени компенсироваться признанием и исполнением судебных решений иностранных юрисдикций на базе:

а) принципа взаимности, который должен найти свое закрепление в Гражданском процессуальном и Арбитражном процессуальном кодексах РФ;

б) двусторонних договоров. Одним из шагов в направлении реализации *положений* конвенции может стать по мере стабилизации геополитической ситуации и восстановлении элементов доверия расширение перечня стран, с которыми у России действуют подобного рода соглашения.

6. Учитывая историческую традицию заключения договоров о признании и исполнении судебных решений стран, близких друг другу как географически, так и с точки зрения истории правовых систем, можно предложить расширение практики исполнения решения судов стран ЕАЭС, других странах постсоветского пространства.

Глава 3. Перспективы обеспечения привлекательности российской юрисдикции в сфере гражданского судопроизводства

3.1. Факторы «привлекательности» юрисдикции России в сфере гражданского права и современные вызовы

Конкурентность юрисдикции зависит от большого числа факторов, причем далеко не только от уровня развития правовой системы и национальной экономики.[187] Каждая страна старается сформировать свои рычаги и определить потенциально сильные стороны для продвижения своей юрисдикции. Например, для США подобными рычагами выступают экономическая мощь, доллар как ведущая мировая резервная валюта, участие в разветвленной системе военно-политических союзов; для Великобритании – исторически сложившиеся традиции правовой системы и авторитет судебных институтов, разветвленная система юридического сопровождения; для Франции – ключевая роль в политико-правовой системе Европейского Союза, высокое качество и традиции независимости судебной системы, расположение на французской территории либо в соседних государствах основных европейских и международных судебных институтов.

Россия в актив своей юрисдикции может записать центральное место в системе политических и экономических взаимосвязей на постсоветском пространстве, развитую информационно-технологическую инфраструктуру,

[187] Вопросы конкуренции и сотрудничества юрисдикций рассмотрены в статье автора диссертации: Барциц В.И. Конкуренция европейской и британской юрисдикций в условиях Brexit // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С.109–119.

ключевую роль в таких межгосударственных объединениях, как Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС. Безусловно, события 2022 г., в том числе выход России из Совета Европы и, как следствие, из-под действия юрисдикции Европейского Суда по правам человека оказывают существенное влияние на перспективы взаимодействия российской и европейской юрисдикций. Принятие в отношении Российской Федерации санкций политического и экономического характера не могло не иметь правовых последствий, в том числе и во взаимоотношениях российской юрисдикции с иностранными юрисдикциями, на процессы признания и исполнения решений судебных и арбитражных органов в иностранных юрисдикциях. Но при всей значительности произошедших событий они не меняют общей направленности политики России на повышение качества национальной юрисдикции, ее привлекательности для разрешения возникающих в ходе внешнеторгового оборота, гражданско-правовых сделок и иных отношений споров.

Для выработки верной политики по повышению качества национальной юрисдикции необходимо открыто говорить о ее проблемных аспектах и о тех вызовах, которые предстоит разрешить. Среди основных недостатков российской юрисдикции в сфере гражданского права и, соответственно, вызовов по их устранению исследователи выделяют следующие (причем эти недостатки и вызовы тесно взаимосвязаны между собой, и последующие имеют в качестве своей основы предыдущие):

а) недостаточная эффективность ряда правовых институтов и судебных процедур применения права;

б) как следствие, критическая оценка деятельности судебной системы России представителями российского и международного бизнеса, международного и национального правового сообщества (в частности, отмечается, что судебная система России часто воспринимается как недостаточно прозрачная и предсказуемая. Это вызывает у предпринимателей сомнения в справедливости решений судов и может препятствовать ведению бизнеса в стране. Международное

и национальное правовое сообщество также выражает свои опасения. Они указывают на проблемы с независимостью судов, а также на недостаток эффективных механизмов защиты прав участников процессов. В результате, правовая среда, как правило, оценивается как менее благоприятная по сравнению с другими странами, что может негативно сказаться на инвестиционном климате);

в) и как следствие, передача споров с участием российских бизнес-структур на разрешение иностранных юрисдикций. Эта передача нередко осуществляется с использованием оффшорных инструментов, что свидетельствует об особенностях происхождения финансов и попытках вывода (отмывания) их за рубежом.

Самой популярной зарубежной юрисдикцией для российских бизнесменов является Кипр (именно Кипр является ведущим источником «иностранных инвестиций» в Россию – более 20 %), затем следуют Нидерланды и Британские Виргинские острова)[188]. Очевидно, что «инвестиции» из этих стран имеют исключительно российское происхождение. Фактор мнимого иностранного происхождения инвестиций особенно значим в современных условиях и отдельно рассматривается в настоящем исследовании применительно к проблематике возможности российскими арбитражными органами вопросов банкротства иностранных компаний.

Показательными примерами выхода российских компаний из российской юрисдикции являются следующие:

– Многолетний спор в LCIA между компаниями О. Дерипаски и В. Чернухиным (с 2004 г. проживающий в Лондоне бывший заместитель министра финансов РФ) по поводу девелоперского проекта на месте текстильной фабрики «Трехгорная мануфактура» в центре Москвы. Решение 2017 г., обязывало О. Дерипаску выплатить более 95 млн долларов США для выкупа доли В. Чернухина в совместном предприятии по девелоперскому проекту. О. Дерипаска был вынужден выплатить указанную сумму, так как Апелляционный

[188] Волгина Н.А. Россия в мировых потоках иностранных инвестиций // Вестник РУДН, серия Экономика, 2014. № 4. С.53.

суд Лондона подтвердил решение Высокого суда от 2017 г. Однако В. Чернухин в 2020 г. инициировал новое судебное рассмотрение в LCIA, чтобы вернуть вопрос о размере компенсации на пересмотр арбитражного суда, так как он мог бы получить 395 млн долларов, если бы не «преднамеренное сокрытие» другой стороной отчета о технико-экономическом обосновании девелоперского проекта. Адвокатам О. Дерипаски удалось обосновать, что представленный отчет был подделкой: в датированном 2016 г. оказались данные за 2018 г., а объекты культурного наследия признанными таковыми значительно позже, доклад был проиллюстрированы логотипами, разработанным после 2016 г. 14 октября 2024 г. в Высоком суде Лондона было принято решение, обязывающее юридическую фирму «Quinn Emanuei Urquhart & Sullivan» раскрыть данные представившей отчет компании. Справедливости ради, следует признать, что в интересах О. Дерипаски работал английский юрист Марк Хастинг, ранее уволенный из Quinn Emanuei Urquhart & Sullivan»[189].

– В октябре 2022 г. начались судебные и разбирательства двух крупнейших российских металлургических компаний. Российская компания «RUSAL» (6 % мирового рынка алюминия) под руководством российского предпринимателя О. Дерипаски подала иск к президенту российской компании «Норильский никель» (10 % мирового рынка никеля, 40 % мирового рынка палладия, 11 % мирового рынка платины) российскому предпринимателю В. Потанину. В этом не было бы ничего достойного внимания с точки зрения правовой науки (коммерческая составляющая спора связана с борьбой за активы и приобретением О. Дерипаской в 2008 г. 25 % акций у М. Прохорова), если бы не место, куда был подан иск – Высокий суд Лондона. Дополнительный акцент ситуации придает тот факт, что оба российских предпринимателя находятся в ходе рассмотрения спора под санкциями Великобритании. Небезынтересно, что в ходе рассмотрения иска защита интересов

[189] Global Arbitration Review
https://globalarbitrationreview.com/article/contempt-case-against-deripaska-revived-appeal
https://www.rbc.ru/business/15/10/2024/670deab99a794759a3c67d46 (дата обращения: 9.01.2025).

«Норильского Никеля» обвинила UC Rusal в незаконном получении информации, на которых истец построил свое обвинение[190].

Подобных примеров споров российских компаний и российских граждан по вопросам имущества, расположенным на территории России, в иностранных юрисдикциях множество. Согласно данным британского консалтингового агентства Portland россияне уверенно входят в тройку самых активных спорщиков в Коммерческом суде Лондона, уступая лишь британским и казахстанским компаниям). Зримым символом может стать выписка из обзора Portland. Communications, где обе стороны были анонимизированы: «Истец: – К (компания, которой владеет российский бизнесмен Y). Ответчик – S (российский бизнесмен): в 2017/2018 гг. в Англии судилось 20 российских лиц, 2018/2019 гг. – 29, 2019/2020 гг. –- 32; 2020/2021 гг.– 36; 2021/20022 – 41; 2022/2023 гг. – 58»[191]. Небезынтересно и то, что введение санкций в отношении ведущих российских бизнесменов и компаний не стало основанием для ограничений и запретов для них разрешать споры между собой в британских судебных инстанциях (финансовая подоплека подобной позиции очевидна), даже после того, когда 30 июня 2023 г. Великобритания вслед за США и ЕС ввела санкции, ограничивающие доступ российских компаний и граждан к британскому правосудию.

Среди факторов, которыми российские адвокаты оправдывают подобную привязанность к британскому правосудию, есть вполне объективные: нахождение истца на территории Великобритании (нередко скрывающегося от российского уголовного правосудия), регистрация компании в Великобритании или ЕС, нахождение капиталов за пределами России. Очевидно, что в этих случаях эффективность судебного решения российского суда будет значительно ниже в части его исполнения. Но признаются и иные факторы привлекательности британской юрисдикции: высокое качество и относительная быстрота

---

190 https://www.rbc.ru/business/10/12/2024/6755825b9a794719e006833d (дата обращения: 9.01.2025).

191 Учитываются иски с апреля одного года по март следующего. https://pravo.ru/story/246970/ (дата обращения: 9.01.2025).

рассмотрения сложных коммерческих дел, возможность получить решение о заморозке активов ответчика, что невозможно в российском суде, жесткие обеспечительные меры, принимаемые британскими судами.

И все же возникают вполне обоснованные вопросы: является ли Англия и ее Высокий Суд в приведенных случаях (а также во многих других) естественным местом для судебного разбирательства[192]? В чем причины ухода российских компаний из-под российской юрисдикции, какие меры можно противопоставить подобному уходу?

Критический анализ предполагает рассмотрение целого ряда мер по совершенствованию функционирования российской судебной системы при рассмотрении гражданско-правовых дел, в том числе с участием иностранных компаний. Качество юрисдикции является фактором, влияющим и на сугубо экономические факторы: например, при осуществлении IPO и определении стоимости бумаг. Например, К.Б. Рыжков в статье «Инкорпорация международных актов в российское законодательство и конкуренция юрисдикции» приводит примеры из досанкционной истории деятельности ведущих компаний России (ОАО «Газпром», ОАО «Российские железные дороги», «Яндекс»), которые при подготовке различных финансовых кампаний весьма критично оценивали российскую юрисдикцию в эти годы в своих открытых источниках[193]:

Для преодоления отмеченных критических оценок в России была принята «Долгосрочная программа повышения эффективности исполнения судебных решений на период 2011 – 2020 годы». С 2013 г. проводится линия по возвращению

---

[192] «Если для россиян процессы в Лондоне – это дорого, но престижно, то для британских судей – познавательно. Например, пятилетний спор между Борисом Березовским и Романом Абрамовичем существенно обогатил словарь арбитров: благодаря российским бизнесменам в правовой системе Великобритании официально закрепились такие понятия, как «крыша» и «кинуть» // https://www.kommersant.uk/articles/pochemu-rastet-chislo-obrascheniy-rossiyan-v-britanskie-instantsii (дата обращения: 9.01.2025).

[193] См.: Рынок AIM: Руководство для эмитентов. Текст указанного руководства размещен на информационном портале Лондонской фондовой биржи для клиентов из стран СНГ. См.: Рыжков К.Б. Инкорпорация международных актов в российское законодательство и конкуренция юрисдикций - Incorporation of international instruments into the Russian legislation and the competition of jurisdictions // Мониторинг правоприменения. 2012. С. 32.

регистраций крупного бизнеса из офшоров в российскую юрисдикцию; предпринимается целый комплекс мер по повышению качества российской юрисдикции. Основная задача реформы, которую несколько высокопарно стали именовать «процессуальной революцией», по мнению Председателя Совета судей В.В. Момотова[194], – это создание такой модели судебной системы, «которая будет отвечать современным запросам гражданского общества, пользоваться доверием у этого общества и обеспечивать высочайший уровень правовой защищенности»[195]. Этапами преобразований судебной системы стали:

а) объединение Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ в 2014 г. Как отмечают исследователи, «основной смысл реформы состоял в обеспечении единообразной судебной практики, устранении разногласий между высшими судебными инстанциями по одним и тем же правовым ситуациям, что и было успешно реализовано. В целом… не произошло значительного снижения качества судебных решений, однако, по коммерческим спорам качество среднее, по интеллектуальным оно невысокое, что является, безусловно, негативной стороной»[196].

б) создание новой системы апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. Функционирование новой системы из 14 апелляционных и кассационных судов началось 1 октября 2019 г. Смысл преобразования – обеспечение структурной обособленности между различными стадиями судебного разбирательства, а именно апелляцией и кассацией как средством большей независимости институтов судебной системы. До проведения реформы суды

---

[194] См., напр.: «Новые суды и «процессуальная революция»: как прошла судебная реформа // http://www.president sovet.ru/presscenter/press/novye_sudy_i_protsessualnaya_revolyutsiya_kak_proshla_sudebnaya_reforma

[195] См., напр.: Председатель Совета судей рассказал о трех стадиях судебной реформы // https://alrf.ru/news/predsedatel-soveta-sudey-rasskazal-o-trekh-stadiyakh-sudebnoy-reformy/?ysclid=lou7titw3323427718 https://pravo.ru/story/217169/?desc_news_34=&ysclid=lou7i4gqow641505871 (дата обращения: 9.01.2025).

[196] Паращук К.В. Судебная реформа в России: результаты и перспективы // Теология. Философия. Право, 2021. № 2 (16). С. 55.

областного уровня выполняли функции нескольких судебных инстанций в рамках одних и тех же дел, что создавало путаницу и дублирование полномочий. Теперь основное внимание уделяется разделению этих стадий, что позволит улучшить процесс рассмотрения дел и повысить качество судебных решений. Каждая стадия призвана иметь свои четкие функции и полномочия, что должно снизить риск ошибок и обеспечить более тщательную и объективную оценку дела на каждом этапе. Данное преобразование способствует лучшему функционированию судебной системы и повышению ее эффективности.

в) реформа процессуального законодательства в 2019-2020 гг., затронувшая все основные кодексы: Арбитражный процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Кодекс административного судопроизводства.

Преобразования дали свои результаты. Так, в последнем из докладов Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы, в котором оценивалась судебная система России (доклад 2020 г.), российская судебная система была признана наиболее технологически развитой и менее финансово затратной в сравнении с судами 47 западных государств. Также в докладе 2020 г. были впервые представлены оценки эффективности использования в ходе судебной деятельности современных технологий. По всем показателям Россия получила высокие оценки[197].

[197] В докладе приводится ряд интересных статистических показателей, в частности: Средний срок рассмотрения гражданских дел и экономических споров в России составляет 50 дней. Между тем в Европе на подобное разбирательство в среднем уходит 233 дня. Для справки: в Германии этот срок составляет 220 дней, во Франции – 420 дней, в Италии – 527 дней. Эксперты подчеркивают: названные страны, включая Россию, являются представителями одной правовой модели – романо-германской семьи. То есть различие в сроках судопроизводства нельзя списать на какие-то особенности местных правил. Россия заняла первое место в Совете Европы по интенсивности поступления в суды административных дел: на 100 человек населения в Российской Федерации приходятся 5,3 административных дела. В то же время среднеевропейский показатель составляет всего 0,5 административных дел на одного человека. В ФРГ этот показатель составляет 0,9 дела, во Франции – 0,3 дела. Кроме того, Российская Федерация занимает шестое место в Совете Европы по интенсивности поступления в суды гражданских дел и экономических споров: на 100 человек в России приходятся 4,1 дела этой категории, при этом среднеевропейский показатель составляет 2,4 дела. В ФРГ на 100 человек населения приходятся 1,5 гражданских и коммерческих дела. European Judicial Systems: CEPEJ Evaluation Report https://rm.coe.int/rapport-evaluation-partie-1-francais/16809fc058 (дата обращения: 9.01.2025).

Независимость суда и доверие – основа привлекательности национальной юрисдикции. По сути, можно говорить о реформе правоприменения в гражданском судопроизводстве России. Но правоприменение – это не только деятельность судебных и правоохранительных органов, не только вынесенные судебные решения, но система взаимоотношений между судебной и иными ветвями власти, прежде всего исполнительной. Это степень независимости судебной власти от административных структур и от иных органов системы правоохраны и безопасности. Правоприменительная практика характеризует состояние системы правоохраны в стране, ее эффективность и определяет доверие (или недоверие) граждан к своей национальной юрисдикции.

Общим для всех исследователей российской судебной системы выступает убеждение, что повышение доверия к судебной система, авторитета суда как института возможно благодаря обеспечению его независимости, выведению его из сферы правоохраны и коммуникаций с ведущими элементами правоохранительной системы и органами исполнительной власти. Надежды на осуществление правосудия как независимой функции также связываются экспертами с повышением авторитета судейского сообщества, что может быть обеспечено совершенствованием процедур и механизмов назначения судей.

Например, весьма позитивным для повышения качества российской юрисдикции, независимости, эффективности, справедливости функционирования судебной системы страны был бы факт только лишь обсуждения предложений о введении в качестве необходимых квалификационных требований для занятия должности судьи наличия у кандидата опыта научно-преподавательской или правозащитной деятельности. Например, в настоящее время менее 5 % судей имеют опыт адвокатской работы[198].

[198] https://www.interfax.ru/russia/688883

3.2. Особенности взаимодействия российских судов и иностранных судов по рассмотрению гражданских споров в условиях санкций

Нельзя не признать влияние политических вопросов на принятие судебных решений по гражданским и коммерческим спорам в условиях осложнения геополитической обстановки и взаимоотношений России и стран Европейского Союза. Причем опасность принятия судебных решений по гражданско-правовым делам на основе политических взглядов, а не норм и принципов права присутствует на обеих сторонах: и в России, и в Европе. С европейской стороны достаточно привести в пример меры по замораживанию финансовых активов, принадлежащих России как государству, так и российским коммерческим компаниям[199].

Р. Зайцев, партнер Dentons, отмечает, что «в условиях текущих отношений между Россией и Западом процесс ратификации Конвенции 2019 г. может занять длительное время. В ряде стран возможны сложности с признанием решений российских судов, связанные и с отсутствием полного доверия к российской судебной системе. Скажем, из обсуждений с немецкими юристами сложилось впечатление, что Германия вряд ли захочет принимать на себя обязательство исполнять российские решения. В восприятии немецких коллег не может быть исключена гипотетическая угроза, что какой-нибудь российский региональный суд взыщет, например, с Siemens миллиард евро без достаточных к тому оснований»[200].

Но и это не является непреодолимым препятствием на пути ратификации и исполнения Конвенции 2019 г. Таким выступают опасения, что в отсутствии доверия между правовыми системами государств возрастает опасность принятия судебных решений, в основе которых лежат политические интересы и позиции.

---

199 Вопросы взаимодействия взаимодействия российских судов и иностранных судов по рассмотрению гражданских споров в условиях санкций рассмотрены в статье автора диссертации Барциц В.И. «Фактор доверия» как основное препятствие признания и исполнения иностранных судебных решений // Юрист. 2023. № 4. С. 47–53.

200 Подр. см.: Виды на Гаагу: поможет ли российскому бизнесу конвенция о признании решений иностранных судов Forbes& 2019-31 b.kz https://www.forbes.ru/obshchestvo/380521-vidy-na-gaagu-pomozhet-li-rossiyskomu-biznesu-konvenciya-o-priznanii-resheniy

Сколько бы ни произносились заверения об отсутствии политических аспектов при принятии судебных (арбитражных) решений по гражданско-правовым и экономическим спорам, опасность принятия политически обусловленных решений по ним более чем нельзя исключать.

Опасениям немецких коллег можно противопоставить факт: если «миллиард евро с Siemens» – пока еще гипотетическая угроза, то 55 миллиардов в решении Апелляционного суда Гааги (февраль 2020 г.) по делу «ЮКОС против России», подтвердившем решение Международного арбитражного трибунала (июль 2014 г.), – реальный факт.

Справедливости ради следует признать, что дело ЮКОСа не подпадало бы под действие Конвенции 2019 г. как минимум по двум причинам: а) решения по ЮКОСу принимались международными арбитражами, а сфера действия Конвенции 2019 г. ограничена решениями судов общей юрисдикции или государственных судов; б) Конвенция не распространяется на иски против государств, равно как и не распространяется на судебные решения по ряду важнейших вопросов, среди которых судебные решения по интеллектуальной собственности, авторскому праву, делам о банкротстве, семейных спорах, ряд других. Эксперты говорят о введении Конвенцией «юрисдикционного фильтра», так как признание и исполнение иностранных судебных решений возможно только в том случае, если эти решение вынесены в соответствии с закрепленными Конвенцией критериями юрисдикции. Раскрываются эти фильтры в ст. 5, 6, в которых содержатся основания и исключительные основания для признания и исполнения иностранных судебных решений[201].

Можно привести и примеры политически ангажированных решений с российской стороны. Для контраста с миллиардами приведем дело на 40 тысяч рублей. В России большое внимание экспертов привлекло дело «Свинки Пеппы».

---

[201] Подр. см.: Борисов В.Н. Гаагская конвенция о судебных решениях 2019 г.: глобальное признание и исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам (обзор Международной конференции, состоявшейся в Гонконге 9 сентября 2019 г.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. №3. С. 166–172.

Хотя речь идет об иске к индивидуальному предпринимателю Кожевникову Ивану Владимировичу на весьма скромную сумму в 40 000 руб. (менее 600 евро) за использование образов свинки Пеппы и папы Свина на наборе игрушек. В начале марта 2022 г. Арбитражный суд Кировской области отказал британской компании «Энтертеймент Уан ЮКей Лимитед» (Entertainment One UK Limited) в защите на основе того, что компания подала иск «во вредительских целях». Суд расценил действия истца как злоупотребление гражданскими правами, сославшись на наложение Великобританией санкций на Россию[202].

Вышестоящий Арбитражный суд отменил это резонансное решение на основании того, что согласно Конституции гражданам и организациям равным образом гарантируется защита всех форм собственности, в том числе интеллектуальной. Россия входит в число стран – участниц Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, Всемирной конвенции об авторском праве, Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков. Великобритания, где зарегистрирован истец, – также участница обозначенных международных соглашений, указала апелляционная инстанция. «Таким образом, на территории Российской Федерации гарантирована равная охрана интеллектуальной собственности иностранных организаций, в том числе зарегистрированных на территории Великобритании»[203], – отмечается в постановлении Второго арбитражного апелляционного суда Кировской области.

Для постепенного уменьшения соблазна российских компаний разрешать свои споры в английских судах (в конкурентную борьбу за эти споры, вернее за финансовые возможности, которые сопровождают их разрешение, готовы включиться судебные институции других европейских государств) надлежит принять ряд мер как побудительного, так и ограничительного (запретительного) свойства.

---

[202] https://www.forbes.ru/biznes/458865-rossijskij-sud-otkazal-v-zasite-prav-na-geroev-svinki-peppa-iz-za-sankcij-britanii

[203] https://sudact.ru/arbitral/doc/XKueqyeCNJr1/

К ограничительным (запретительным) мерам можно отнести, например: закрепление исключительной компетенции российских судебных (арбитражных) органов при рассмотрении некоторых видов экономических споров, а также споров с участием российских государственных компаний или компаний с государственным участием. На первом этапе ввести запреты на рассмотрение споров в иностранных юрисдикциях возможно для предприятий и компаний, имеющих стратегическое значение.

Дискуссии на эту тему длятся уже не первое десятилетие. Изначально они не были связаны с санкционным давлением и принятием контрсанкционного законодательства в России. Так. А.Н. Жильцов и Б.Р. Карабельников еще в 2009 г. предлагали закрепить за российскими судами право признать ничтожными сделки в отношении иностранных инвестиций, которые были заключены без предварительного согласования с Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации[204].

Конечно, применение ограничительных мер является не оптимальной мерой правового регулирования. Также очевидно, что ограничительными (запретительными) мерами трудно добиться истинной привлекательности национальной юрисдикции, но жесткость современной конкуренции юрисдикций не исключает возможности обращения и к подобным инструментам.

Из новаций, направленных на расширение возможностей рассмотрения споров в российской юрисдикции, следует отметить решение Верховного Суда РФ о возможности рассмотрения спора в российском суде в случае отсутствия соглашения между сторонами о выборе суда, если наличествует «тесная связь с Российской Федерацией»[205]. Этот подход о «тесной связи с Российской Федерацией» нашел отражение при рассмотрении дела «Трансформер Групп»

---

[204] Жильцов, А. Н., Карабельников, Б. Р. Режим «стратегических инвестиций»: новеллы или коллизии? / /Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 141–162.

[205] Решение Верховного Суда Российской Федерации № 308-ЭС23-10334 от 4 октября 2023 г. // https://sudact.ru/vsrf/doc/N1ppez4QQe1m/?ysclid=lnuoy7x6md436741153 (дата обращения: 9.01.2025).

против «EUROGAL Surveys Ltd» и «Sunshine Property and Casualty Insurance». Арбитражный суд Краснодарского края отказался принять иск к своему рассмотрению, признав спор находящимся вне его компетенции. Арбитражный суд Краснодарского края, последовавшее рассмотрение в апелляции и кассации не нашли связь иска с Россией «тесной»: в контрактах не нашла закрепления подсудность спора; ответчик не имеет собственности на территории России, не ведет в России свою деятельности; в страховом полисе не указано место исполнения договора.

Но какая «теснота связи с Российской Федерацией» может быть признана достаточной для принятия спора к рассмотрению? В конкретном случае с китайской компаний «теснота» связи с Россией выразилась в следующих обстоятельствах: место исполнения обязательства – российский порт Новороссийск, в котором и были зафиксированы повреждения груза, бенефициар контракта – российская компания, у страховщика есть представительство в России (пусть незарегистрированное официально). Это и счел достаточным Верховный Суд РФ, вернув дело на рассмотрение в Арбитражный суд Краснодарского края.

Другой возможностью для применения фактора «тесной связи с Россией» выступают дела о возможности банкротства иностранных компаний в России. Отечественная правоприменительная практика до 2024 г. исходила из положений Федерального закона от 26.10.2022 № 127-ФЗ «От несостоятельности (банкротстве)», согласно которым положения закона распространялись в соответствии с Гражданским кодексом РФ на юридические лица, зарегистрированные в России (внесенные в перечень ЕГРЮЛ), имеющие в стране имущество и контрагентов. Трансграничное банкротство представляет собой исключение из обозначенного нормативного регулирования. Это исключение предусмотрено п.6 ст. 1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» на основе международного договора РФ, а при его отсутствии на основе принципа взаимности.

Дела о банкротстве рассматриваются арбитражными судами в соответствии с требованиями Арбитражного процессуального кодекса РФ. АПК предусматривает возможность рассмотрения арбитражными судами России дел о банкротстве с участием иностранных или международных организаций, если иное не предусмотрено международным договором РФ (ст. 253 АПК РФ). Для анализа рассматриваемого контрсанкционной меры следует привести некоторые примеры ее применения.

Пример № 1. Первым делом о банкротстве иностранной компании в России стало решение Арбитражного суда Челябинской области по делу № А76-31539/2021 о признании банкротом и начале процедуры продажи активов зарегистрированной в Федерации Сент-Китс и Невис коллекторской компании Pandora consulting LC. Единственным бенефициаром компании являлся гражданин РФ, компания имела счет в российском банке и российский ИНН.

Пример № 2. Дело № А40-112325/2023 по заявлению ряда компаний, среди которых ПАО «Сбербанк России», ПАО «Мобильные телесистемы», «ПАО «Национальный банк «Траст» и ряд других, о банкротстве компании Retail Chain Properties Ltd. Несмотря на отказ Арбитражного суда города Москвы рассмотреть дело в апелляционной инстанции, 9-й Арбитражный апелляционный суд на основании следующего перечня обстоятельств:

а) основную деятельность, связанную с арендой и управлением недвижимостью, компания ведет в России;

б) бенефициар и руководитель компании – граждане Российской Федерации;

в) компания имеет банковские счета и участвует в судебных процессах в России,

пришел к выводу о возможности рассмотрения вопроса о банкротстве иностранной компании в России. Более того, было принято во внимание обстоятельство нахождения заявителя под санкциями Европейского союза, которые препятствуют инициированию судебного производства на Кипре. На

основе совокупности отмеченных факторов 9-й ААС вернул рассмотрение дела в первую инстанцию.

Пример № 3. Дело № 40-5658/2023 по заявлению ПАО Национальный банк «ТРАСТ» о банкротстве компании Delvenisto Investments Ltd (Кипр), ликвидированной ранее (август 2023 г.) в стране регистрации. Ответчик, по сути, был российской компанией: вел бизнес в России, получал доходы в России, являлся участником судебных процессов в России.

Пример № 4. Дело № А40-248405/2022 по заявлению компании «ЭйЭмЭн Коммершиал Проперти Эдвайзер ЛТД» (Кипр) в Арбитражный суд г. Москвы о несостоятельности компании «Вествок Проджектс ЛТД» (Кипр). Несмотря на то, что при его рассмотрении три первых инстанции приходили к выводу о прекращении производства по делу, Верховный Суд РФ в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 8 февраля 2024 г. отменил предшествующие судебные решения и признал компетенцию российского суда на основании тесной связи должника с Россией. Верховный Суд РФ указал, что суды России, проверяя обоснованность заявления о признании несостоятельным (банкротом) иностранного лица, должны в целях определения своей компетенции согласно норме ст. 247 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации проверить наличие признаков тесной связи должника с территорией Российской Федерации[206]. Подтверждением такой тесной связи являются нижеперечисленные обстоятельства:

– организация ведет не носящую временного характера экономическую деятельность на территории Российской Федерации;

– коммерческая деятельность ориентирована на лиц, находящихся в юрисдикции Российской Федерации;

– центр основных интересов контролирующих лиц находится на территории Российской Федерации;

---

[206] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2024 г. № 305-ЭС23-15177 по делу № А40-248405/2022 // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408428971/ (дата обращения: 9.01.2025).

– орган управления, филиал или представительство иностранного лица находится на территории Российской Федерации;

– контролирующие организацию лица имеют российское гражданство, разрешение на временное проживание или вид на жительство в Российской Федерации либо связаны корпоративными правоотношениями с российскими юридическими лицами;

– контролирующие лица привлечены к субсидиарной ответственности российским судом;

– на территории Российской Федерации находятся имущественные активы организации, в том числе недвижимое имущество, права аренды на земельные участки;

– значительную часть кредиторов составляют российские юридические лица, граждане Российской Федерации или лица, чья деятельность тесно связана с территорией Российской Федерации;

– организацией совершалось значительное количество сделок с местом исполнения на территории Российской Федерации;

– основные доказательства по делу находятся на территории Российской Федерации, а также иные обстоятельства[207].

Ряд юристов выступает против самой возможности признания банкротом иностранного лица либо считает подобное решение исключительной мерой. Например, Адвокат MGP Lawyers Д. Быканов приводит следующие доводы: «Мало того, что Россия не восприняла ни один из модельных законов ЮНСИТРАЛ (юридический орган ООН в области права международной торговли) о трансграничном банкротстве, о признании иностранных банкротств, даже применение общего принципа COMI (банкротство по месту нахождения основных интересов компании) незнакомо российскому законодателю»[208]. Однако в вышеуказанных случаях фактор «тесной связи» более чем очевиден. На что следует

[207] Там же.
[208] https://pravo.ru/story/247541/?ysclid=m5lhp8gqgs163751185 (дата обращения: 9.01.2025).

обратить внимание в ходе представления выводов на основе анализа приведенных дел, это то обстоятельство, что практически все компании является «иностранными» лишь с точки зрения их регистрации, а по сути представляют собой офшоры российских компаний, преимущественно на Кипре. Поэтому компании, стремящиеся избежать признания их банкротами в российском арбитраже, призваны обосновать, что значительная часть имущества находится на территории иностранных государств, что у компании есть активная деятельность за рубежом, предоставить заключенные контракты, то есть доказать не только свою иностранную регистрацию, но и иностранное содержание деятельности.

Проведенный анализ ни в коей мере не отрицает понимания, что появившаяся и развивающаяся практика банкротства иностранных компаний выступает одной из протекционистских мер по защите российского бизнеса. Это, однако, не снимает фундаментального вопроса: допустимо ли в принципе рассматривать подобные решения российских судебных органов в поддержку российского бизнеса в качестве мер протекционизма? И способствуют ли подобные протекционистские меры повышению привлекательности национальной юрисдикции?

Эксперты расходятся в оценках привлекательности российской юрисдикции: одни, в том числе и бывший Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, настаивают, что неуклонно соблюдаются принципы равенства и свободного доступа к правосудию, а также говорят о поддержке иностранных компаний в спорах с российскими юрисдикционными инстанциями. В поддержку этой позиции приводятся статистические данные. Так, в первом полугодии 2023 г. иностранные контрагенты выиграли 93 % споров, а в 2022 г. иностранные компании выиграли 97 % споров (правда, есть определенная доля лукавства, когда за выигрыш признается частичное удовлетворение иска). Особое внимание обращают на себя цифры, что в этот же период (первое полугодие 2023 г.) государственные суды РФ удовлетворили 68 % обращений о признании и исполнении решений иностранных судов и арбитражных органов, 74 % обращений за исполнительными листами на

принудительное исполнение решений третейских судов[209]. Похожая статистика – 75% удовлетворения – предоставляется по спорам иностранных субъектов с российской таможенной службой о возмещении ущерба.

Другие, напротив, рассуждают о росте протекционизма, обосновывают возрастание сложностей для иностранных компаний по рассмотрению споров. Более того, они обвиняют судебные и арбитражные органы России в двойных стандартах при рассмотрении исков иностранных компаний из «дружественных» и «недружественных» стран.

В целом, в условиях санкционного давления и осложнения геополитической обстановки происходит увеличение количества споров с участием иностранных компаний. По данным Верховного Суда РФ за первое полугодие 2023 г., количество исков в арбитражных судах с участием иностранных компаний выросло на 60 %[210].

Эксперты расценивают ряд протекционистских мер российского законодательства и правоприменительной практики в качестве «процессуального оружия». Однако следует видеть, что, во-первых, подобное «процессуальное оружие» является обоюдоострым; и, во-вторых, необходимо детальное нормативное закрепление условий и правил его применения. Статьей «Живая и мертвая вода российской юрисдикции. О применении ст. 248.1 АПК РФ»[211] М.Л. Гальперин отвечает на вопрос, поставленный им же в написанной двумя годами ранее статье «Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ

[209] Прошу всех судиться? // Коммерсантъ. 2023. 6 октября; См. также: комментарий М. Кузьмина // Там же.

[210] Из выступления председателя Верховного Суда Российской Федерации В.С. Лебедева на 12-м Международном юридическом форуме стран Азиатско-Тихоокеанского региона (5 октября 2023 г.) https://www.vsrf.ru/files/33003/?ysclid=m4ytkhu0u8505484174 (дата обращения: 9.01.2025).

[211] Гальперин М.Л. Живая и мертвая вода российской юрисдикции. О применении ст. 248.1 АПК РФ // Вестник экономического правосудия РФ. 2023. № 11. С. 198–206.

Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ»[212]: Да, есть такое «процессуальное оружие»! Это ст. 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ, поставленные на «вооружение» российской юрисдикции 19 июня 2020 г.

Федеральный закон от 08.06.2020 г. № 171-ФЗ с длинным названием «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» предусмотрел:

– отнесение к исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации споров с участием «лиц, в отношении которых применяются меры ограничительного характера» (ст. 248.1). Таким лицам АПК предоставил право обратиться с иском в арбитражный суд по месту своего нахождения даже в том случае, если арбитражной оговоркой при заключении договора предусматривалась передача спора на рассмотрение суда или международного арбитража в государстве, применяющим против России санкции (при принятии закона еще не было термина «недружественные страны» и официального перечня таковых стран);

– возможность судебного запрета продолжения судебного разбирательства в иностранном суде или арбитраже и, как следствие, перенести рассмотрение спора по существу в российскую юрисдикцию (ст. 248.2).

Впервые в российском праве отечественные суды получили право выносить «*anti-suit injunctions*» – запрет на предъявление иска в отношении процессов, которые могут происходить в иностранных судах (арбитражах). Подобные инструменты, применяемые в странах общего права (Великобритания, США, Австралия), а также в ряде стран европейской континентальной правовой семьи

[212] Гальперин М.Л. Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 1. С. 72–81.

(Германия, Франция), с июля 2020 г. получили свою «прописку» в российском праве.

В исключительно короткой (8 абзацев, 1,5 страницы текста) пояснительной записке к законопроекту его первоначальные инициаторы (депутаты Государственной Думы РФ А.К. Луговой, В.В. Пинский, М.В. Емельянов, Д.Ф. Вяткин) обосновали потребность в законе целями «установления гарантий обеспечения прав и законных интересов отдельных категорий граждан Российской Федерации и российских юридических лиц, в отношении которых недружественными иностранными государствами были введены меры ограничительного характера»[213]. Однако, судя по тексту принятого закона и по имеющейся практике реализации, предусмотренными поправками к АПК РФ правовыми инструментами имеют право воспользоваться не только лица и компании, в отношении которых применены санкции, но и любые иные граждане и юридические лица, которым предъявлены требования в суде иностранного государства, международной организации или третейском суде, находящихся за пределами территории Российской Федерации.

Как и в случае с обычными вооружениями, применение «процессуального оружия» нуждается в четкой регламентации и опытных испытаниях для понимания степени эффективности. При принятии 171-ФЗ ряд представителей юридической общественности признали: «Юридическая техника Закона представляет собой фантастическую даже для новейшей России комбинацию откровенного брака и внутренних противоречий, умноженную на элементарно пропущенные авторами Закона последствия его применения»[214], предпочли увидеть в нем отражение

---

[213] https://sozd.duma.gov.ru/bill/754380-7?ysclid=m55e5xbu7z937111036 (дата обращения: 9.01.2025).

[214] Карабельников Б.Р. Российское правосудие защитит обиженных россиян // Закон. 2020. № 7. С. 114.

личных мотивов одного из авторов (А.К. Лугового) и прийти к выводу об его практической мало применимости[215].

В чем ошиблись. Изначальные недостатки закона, одним из которых наиболее часто называлась юридическая неопределенность, какие именно страны относить к категории применяющих ограничительные меры в отношении российских лиц, постепенно исправлялись. В частности, появился список «недружественных стран», который, вероятно, и составляет искомый перечень[216] (по состоянию на 1 января 2025 г. в него входят 49 государств), споры с компаниями которых российские компании вправе переносить в российскую юрисдикцию. В условиях осложнившейся геополитической ситуации ст. 248.1 и 248.2 АПК из элемента парламентского психологического воздействия превратились в реальный правовой инструментарий. Очевидно, что необходимо внимательно отслеживать практику их применения[217] на предмет анализа эффективности и правовых последствий, среди которых влияние на достижение задач повышения привлекательности российской юрисдикции.

Прецедентным для переносов споров в российскую юрисдикцию стало Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2021 № 309-ЭС 21-6955 (1-3) по делу № А60-36897/2020, которым по заявлению АО «Уралтрансмаш» был наложен запрет на продолжение арбитражного рассмотрения иска в Арбитражном институте Торговой палаты Стокгольма (SCC) с польским АО «Pojazdy Szynowe PESA

---

[215] Подр. см.: Барциц В.И. Категория меры и опасности для привлекательности российской юрисдикции при применении антисанкционного законодательства / В.И. Барциц // Современное право. 2024. № 3. С.112–118.

[216] Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 г. № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

[217] Как перенести международный спор в Россию? Обзор практики за 2022 г. - первое полугодие 2023 года. Юридическая фирма VEGAS LEX https://www.vegaslex.ru/upload/medialibrary/d72/ygio95q2zx10t7tt8xenqsw4zlr1a394/VL_Report_kak_perenesti_megdunarodny_spor_v_RF.pdf Дата доступа: 12 декабря 2024).

Bydgoszcz Spółka Akcyjna». Верховный суд выразил сомнения в беспристрастности SCC в связи с его нахождением на территории государства, применившим ограничительные меры, а также сформулировал базовое положение, что одного только факта введения санкций в отношении российского лица достаточно для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию за рубежом.

После пересмотра дела в Определении Арбитражного суда Свердловской области от 16 августа 2024 г., дело № А60-24839/2024, по итогам рассмотрения заявления АО «Рельсовые транспортные средства ПЕСА Быдгощ» о признании и приведении в исполнение решения Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма от 12.05.2021 № V2018/114 (с учетом постановления от 08.06.2021) о взыскании задолженности по заявлению акционерного общества «Рельсовые транспортные средства ПЕСА Быдгощ» к акционерному обществу «Уральский завод транспортного машиностроения» принял решение: «... признание и приведение в исполнение указанного выше решения на территории российского государства в условиях юридической агрессии со стороны ряда недружественных стран может привести к причинению ущерба крупному предприятию российской промышленности, что недопустимо и не соответствует интересам российской стороны, как с точки зрения частного, так и публичного интереса»[218].

Другим важным аспектом темы является анализ возможностей обращения в иные, кроме российских, арбитражные суды для российских компаний, находящихся под санкциями, и их иностранных партнеров. В условиях санкций в

[218] https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8b6f3f24-6628-4817-aeeb-f15f91eb3108/9f46abd5-adeb-4582-836d-632c0f46b3fe/A60-24839-2024_20240816_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 9.01.2025).

качестве альтернативы рассмотрению споров в Лондоне, Стокгольме[219] или в российской юрисдикции выступают арбитражные институты стран, не вводивших санкции против России: Турции (Стамбульский арбитражный центр ISTAC), Объединенных Арабских Эмиратов (DIAC в Дубае), Гонконга (Международный арбитражный центр Гонконга (HKIAC), созданный в 1985 г.), некоторых других стран, в том числе стран СНГ. К плюсам Гонконгского HKIAC эксперты относят наличие статуса постоянно действующего арбитражного учреждения в России и следование нормам английского права. Турецкий ISTAC функционирует на правилах и нормах, близких к швейцарскому Закону о международном частном праве, а регламент суда основан на Типовом законе UNCITRAL и Регламенте Международной торговой палаты.

«Гонконгский международный арбитражный центр» стал первым международным арбитражем (негосударственным судом), которому Министерство юстиции РФ распоряжением от 25 апреля 2019 г. предоставило право осуществлять деятельность на территории России. Гонконгский арбитраж воспользовался возможностью не создавать отдельное подразделение в России (это потребовалось бы в случае, если бы он собирался рассматривать споры между российскими компаниями), но предоставление ему права постоянно действующего арбитража в РФ позволяет при рассмотрении споров между российской и иностранной компаниями приводить решения по ним в исполнение на территории России в том числе через службу приставов. Кроме того, включение в перечень Министерства

[219] Следует привести в качестве примечания странное заявление Арбитражного института торговой палаты Стокгольма: «Например, Арбитражный институт торговой палаты Стокгольма, который значительную часть дел черпал из нашей юрисдикции и, собственно, сделал себе на этом имя, заявил, что мы для него не являемся приоритетом и ценным потребителем его услуг. Такое положение дел само по себе подталкивало к созданию альтернативы. Рассматривать споры в Стокгольме или Лондоне для юристов интересно, для внешних консультантов прибыльно и престижно, но это точно экономически необоснованно для самих коммерческих сторон спора. Это такое «юридическое рабство». См., напр.: А.Гребельский: «Арбитраж БРИКС – достойный ответ на любые попытки санкционного влияния» // https://www.gudok.ru/bulletin/?ID=1678333&archive= (дата обращения: 9.01.2025).

юстиции РФ дает право рассматривать: а) международные споры с местом арбитража в России; б) внутренние споры между компаниями, расположенными в специальных административных районах (в Приморском крае и Калининградской области), а также в) некоторые виды корпоративных споров в отношении российских юридических лиц[220].

Затем Перечень иностранных арбитражных учреждений, признаваемых постоянно действующими арбитражными учреждениями в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», был дополнен Венским международным арбитражным центром (Vienna International Arbitral Centre, VIAC (распоряжение Министерства юстиции РФ от 18 июня 2019), Сингапурским международным арбитражным центром (Singapore International Arbitration Centre, SIAC) (распоряжение Министерства юстиции РФ от 30 апреля 2021 г.) и Международным арбитражным судом при Международной торговой палате (Суд ICC, ICC International Court of Arbitration) (также распоряжение Министерства юстиции РФ от 30 апреля 2021 г.). Все четыре приведенных арбитража входят во включающий всего шесть арбитражей «White List» рейтинга Global Arbitration Review в разделе «Восточная Европа». Причем Гонконгский и Сингапурский арбитражи оказались в этом перечне благодаря включению в обозначенный перечень Министерства юстиции России. Однако лишь HKIAC представляет (пусть и с определенными оговорками) юрисдикцию страны, не участвующую в санкциях против России.

Другими возможными вариантами рассмотрения споров в условно дружественных юрисдикциях можно считать реализуемую в Казахстане модель «Суда Международного финансового центра «Астана», Ташкентский международный арбитражный центр (TIAC) в Узбекистане.

---

[220] Минюст предоставил право работы в РФ гонконгскому и спортивному арбитражам https://minjust.gov.ru/ru/events/47439/ (дата обращения: 9.01.2025).

При всей неоднозначности для России реализуемой в Казахстане модели функционирования «Суда Международного финансового центра «Астана» следует рассмотреть использование этого суда или иных работающих на похожих принципах судебных и квазисудебных органов для повышения привлекательности юрисдикции ЕАЭС и российской юрисдикции.

Однако судебная и арбитражная системы России не выработали пока своего однозначного отношения к исполнению на территории России решений МФЦА-Астана. Проследить позицию российского судебной системы предстоит на основе анализа рассмотрения обращения АО «Фридом Финанс» о взыскании с гражданина Романюка Е.Д. неустойки за нарушение соглашения об увольнении и освобождении от претензий в размере 100 000 долларов США. 22 ноября 2023 г. Суд МФЦ – Астана удовлетворил иск АО «Фридом Финанс»[221], которое обратилось в Алтайский краевой суд о принудительном исполнении на территории России решения иностранного суда.

Истец полагал, что в его пользу для признания и исполнения решения выступало наличие между Российской Федерацией и Республикой Казахстан международного договора об исполнении и признании судебных решений – Кишиневская конвенция 2002 г. Однако Алтайский краевой суд в Определении от 1 ноября 2024 г. № 13-266/2024 расценил иначе: суд отказался признавать решения МФЦ-Астана решением иностранного суда по гражданскому делу по смыслу положений ст. 54 Кишиневской концепции и ст. 409 ГПК РФ, сославшись при этом на положения ч. 2 ст. 13 Конституционного законом Республики Казахстан от 7 декабря 2015 г. № 438-V ЗРК «О Международном финансовом центре – Астана», что он не является частью судебной системы Казахстана, и отказался принять ходатайство истца об исполнении на территории России. Более того, определил, что «отказ в принятии ходатайства препятствует повторному обращению заявителя с аналогичными требованиями».

---

[221]https://court.aifc.kz/uploads/AIFC%20Court%20and%20IAC/AIFC%20Court%20Case%20No.20%20of%202022%20-%20Judgment%20dated%201%20February%202023_RU..pdf (дата обращения: 9.01.2025).

По мнению автора исследования, подобное толкование является неправомерным, так как по смыслу и логике казахстанского законодательства, Суд МФЦ–Астана является судебным институтом, пусть и не входящим в судебную систему Республики Казахстан, а его решения исполняются на территории Казахстана тех же условиях и в том же порядке, что и решения судебных органов Республики Казахстан. Более того, Кишиневская конвенция предусматривает исполнение решений не только судов, прокуратуры, органов внутренних дел и органов безопасности, но и «иных учреждений других Договаривающихся Сторон, к компетенции которых относятся гражданские, семейные и уголовные дела». (ст. 1).

Предстоит отслеживать дальнейшее рассмотрение дела в апелляционной инстанции.

Среди арбитражных центров, функционирующих на территории стран СНГ, можно отметить Ташкентский международный арбитражный центр (TIAC) в Узбекистане. В ходе состоявшейся 10 – 15 сентября 2023 г. Узбекской арбитражной недели (Uzbek Arbitration Week) было объявлено о начале действия Межинституциональных правил арбитража (Cross-Institutional Rules of Arbitration) Ташкентского международного арбитражного центра (TIAC) при Торгово-промышленной палате Республики Узбекистан и Гонконгского международного арбитражного центра (HKIAC)[222].

Решение направлено на привлечение споров в TIAC с использованием бренда HKIAC, его опыта, репутации и процессуальных технологий. Местом арбитража правилами определяется Гонконг (если не будет иного решения сторон или третейского суда). При этом Секретариат TIAC будет выступать в качестве администрирующего органа по делам, рассматриваемым в соответствии с этими правилами, и оказывать HKIAC помощь в принятии соответствующих процессуальных решений, он уполномочен назначать арбитров и чрезвычайных

[222]https://static1.squarespace.com/static/5c02f6d29772ae05d0a897a8/t/64fee1dd47417b22d6d202ff/1694425568100/2023+TIAC-HKIAC+-+Cross-Institutional+Rules+of+Arbitration.pdf (дата обращения: 9.01.2025).

арбитров, принимать решения об отводах и проверять проекты арбитражных решений, принимать решения по ходатайствам об объединении разбирательств и об участии дополнительной стороны до формирования третейского суда.

К услугам HKIAC стали обращаться западные компании, которые приняли решение покинуть российский рынок. Интерес к Гонконгскому арбитражу со стороны российских компаний также может подогреваться облегченными условиями приведения в исполнение его решений на территории Китая. В этом контексте именно на HKIAC возлагаются определенные надежды как компромиссной площадки для рассмотрения споров между находящимися под санкциями российскими компаниями и их иностранными контрагентами. В 2023 г. Россия по количеству споров заняла 7-е место среди юрисдикций, обращавшихся в HKIAC[223].

Однако беспристрастность и HKIAC была поставлена под сомнение**.** Так, в 2023 г. Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области в своих решениях от 08.06.2023 (Определение по делу № А565-129797/2022 РусХимальянс (50 % РусХимальянса принадлежат «Газпрому») против немецкой Linde GmbH и от 2.11.2023 г. (по иску Банка ВТБ к VTB Bank (Europe) SE) пришел к выводу, что HKIAC не является местом для справедливого и беспристрастного разрешения споров.

Сомнения в беспристрастности Гонконгского суда объясняются Арбитражным судом г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области в определении от 7 июня 2023 г. целым перечнем обстоятельств, среди которых следующие: то факт, что Гонконг на протяжении более 150 лет был британской колонией, чем обусловлено существенное влияние на него недружественной России юрисдикции – Великобритании; вхождение в состав суда британских и европейских судей, которые в силу их гражданства обязаны соблюдать введенные Соединенным

[223] См.: Статистика арбитражных центров. 2023 https://t.me/RAA25official

Королевством и Европейским Союзом санкции; английский язык как один из официальных языков Гонконга[224].

Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области приходит к выводу, что в ходе разрешения спора HKIAC будет связан санкционным регулированием ЕС; HKIAC в силу политико-правовых особенностей Гонконга испытывает существенное влияние недружественных стран; Linde GmbH будет поставлен в преимущественное репутационное положение по сравнению с РусХимАльянсом; РусХимАльянс не сможет привлечь на свою сторону надлежащих представителей из-за репутационных и финансовых причин. Закономерен и вывод о компетенции Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области на рассмотрение иска и принятие его к рассмотрению.

Г. Александров, анализируя сложившуюся ситуацию, приходит к выводу: «позиция Суда создает риски «переноса» в российские суды (как по существу, так и получения антиисковых запретов от российских судов) споров не только из ГМАЦ, но и других арбитражных учреждений в дружественных странах. Суд руководствовался не формальным перечнем недружественных государств и территорий, а фактическими обстоятельствами. В связи с этим нельзя исключать подобные аргументы в отношении форумов в других дружественных странах, в первую очередь, странах с повышенным санкционным комплаенсом (например, Казахстане или ОАЭ)»[225].

Приведенный пример иллюстрирует общую тенденцию обращений российских компаний в российские суды в обход арбитражных соглашений, опасаясь санкционного давления и влияния общей геополитической обстановки на беспристрастность судей в иностранных арбитражах. В подобных случаях может быть задействована (и в действительности уже используется) включенная

[224] https://kad.arbitr.ru/Card/6047cdd9-1247-4d04-b76b-bb6f14579d6a (дата обращения: 9.01.2025).
[225] Александров Г. Выбор места разрешения спора: риски арбитражных оговорок на ГМАЦ с учетом дела ООО «Русхимальянс» и Linde GmbH. https://denuo.legal/ru/insights/news/230723/ (дата обращения: 14 октября 2024 г.)

Федеральным законом от 08.06.2020 г. в Арбитражный процессуальный кодекс РФ ст. 248.1, относящая к исключительной компетенции арбитражных судов Российской Федерации дела:

1) по спорам с участием лиц, в отношении которых применяются меры ограничительного характера иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза;

2) по спорам одного российского или иностранного лица с другим российским или иностранным лицом, если основанием для таких споров являются ограничительные меры, введенные иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц.

Именно санкционным режимом объяснила компания Linde GmbH сворачивание работ по строительству комплекса по переработке и сжижению газа в Усть-Луге в Ленинградской области в мае 2022 г., а немецкие Deutsche Bank, Commerzbank и итальянский банк Unicredit отказ выполнить требования по банковским гарантиям (банки выступали поручителями по контракту на строительство, заключенному в 2021 г.). Применительно к спору РусХимальянса и Linde GmbH также следует отметить удовлетворение Апелляционным судом Англии и Уэльса в октябре 2023 г. жалобы Deutsche Bank, Commerzbank и Unicredit на действия РусХимальянса, который инициировал рассмотрение спора в Арбитражном суде г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области в обход арбитражной оговорки, и решение остановить производство по иску в России[226].

[226] Банковская группа «Unicredit» под угрозой штрафа в размере 250 млн евро была вынуждена обратиться в Апелляционный суд Лондона с просьбой отменить полученный ею ранее судебный запрет на продолжение разбирательства «Русхимальянса» против Unicredit в России и добилась снятия запрета в феврале 2015 г.

Несложно предугадать, что Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области проигнорировал решение Апелляционного суда Англии и Уэльса, как ранее проигнорировал аналогичное решение Высокого суда Гонконга, установившего временный запрет на рассмотрение в России спора между Linde GmbH и Русхимальянсом. Также несложно предугадать, что решения российского суда невозможно будет привести в исполнение за рубежом. Конкуренция юрисдикций в гражданском судопроизводстве в условиях санкционного режима приобретает не самые лучшие черты юрисдикции в уголовном судопроизводстве: каждая из юрисдикций и находящиеся в них компании получат то, до чего смогут «дотянуться».

О.С. Черниченко охарактеризовала такую ситуацию как «фактический приоритет своей юрисдикции над конкурирующими юрисдикциями других государств»[227]. При этом справедливо отмечалось, что в таких случаях нельзя говорить о «юридическом превосходстве»[228], это лишь фактическое преимущество, которое может скорее отложить проблему конкуренции юрисдикций, нежели ее полностью разрешить. Этот тезис особенно убедителен для вопросов конкуренции юрисдикций в сфере гражданского судопроизводства. Поэтому государства прибегают к договорному инструменту распределений юрисдикций, снижения их конкуренции посредством коллизионных норм.

С точки зрения правовой теории из-за решений Высокого суда Гонконга и Апелляционного суда Англии и Уэльса на основе принципа «*lis alibi pendens*» Русхимальянс ограничен в возможности продолжать рассмотрение спора в российском суде. Невыполнение запретов чревато негативными последствиями вплоть до привлечения к уголовной ответственности в Англии непосредственных представителей в процессе в России, что приведет к увеличению гонораров

---

[227] Подр. см.: Черниченко О.С. Устранение конкуренции юрисдикций государств: внутригосударственные и международно-правовые подходы // Московский журнал международного права. 2002. № 4. С. 224.

[228] Там же.

участвующих в рассмотрении иска в Санкт-Петербурге адвокатов с последующим возможным расширением списка лиц, находящихся под санкциями.

Угрозой с российской стороны прежним партнерам по бизнесу является то, что в случае положительного для РусХимАльянса решения российского арбитражного суда активы вышепоименованных иностранных банков в России могут быть конфискованы (как в декабре 2022 г. были арестованы активы компании Linde GmbH), а принцип взаимности при признании решений иностранных судов можно будет в определенной исторической перспективе именовать «принципом взаимности при непризнании иностранных судебных решений».

Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 26 июля 2024 при рассмотрении дела № А45-19015/2023 между АО «Новосибирскхлебпродукт» и «С.Тувиссен ГмбХ» C. Thywissen GmbH[229] пришел к выводу, что у российской компании имелись препятствия в доступе к правосудию, так как арбитраж находился за рубежом, а арбитры представляли «недружественные страны», и в решении утвердил презумпцию отсутствия беспристрастности и объективности при рассмотрении дела, если «в состав арбитража входят граждане «недружественных государств, пока не доказано иное»: «Отсутствие беспристрастности и объективности при рассмотрении настоящего дела в

229 Рассматривавший иск «С.Тувиссен ГмбХ» к АО «Новосибирскхлебпродукт» в соответствии с арбитражным регламентом FOSFA (Федерация ассоциаций торговли масличными культурами, семенами и жирами) арбитраж принял решение в пользу истца и присудил российской компании 600 000 долларов США в качестве возмещения убытков. В состав арбитража входили представители Великобритании, Дании и Украины. Арбитражный суд Новосибирской области и Арбитражный суд Западно-Сибирского округа оставили решение в силе. Однако решение было отменено Верховным Судом РФ. Подр. см.: Russian Supreme Court overturns order enforcing foreign arbitration award, declaring presumption that arbitrators from «unfriendly» states lack impartiality and objectivity
https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/Browse/Home/About/OurteamArbitration?comp=pluk&transitionType=Default&contextData=%28sc.Default%29 (дата обращения: 9.01.2025).

Арбитраже FOSFA таким составом судей презюмируется, пока нет данных, указывающих обратное»[230].

При этом Верховный Суд признал, что сам факт выплаты «убытков, представляющие собой разницу между ценой договора и рыночной ценой на момент неисполнения обязательства, являются правомерными и напрямую установленными к возмещению как применимым к договору английским правом, так и положениями ст. 15 и 393.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в связи с чем их взыскание само по себе не может противоречить нормам российского права и (или) являться нарушением публичного порядка Российской Федерации».

Позиция, что решения международного арбитражного суда должны соответствовать критериям публичного порядка РФ, было отражена в Определении Верховного суда РФ № 306-ЭС22-6854 по делу № А72-14198/2021 от 21 сентября 2021 г., в котором при рассмотрении вопроса о приведении в исполнение на территории РФ решений международного арбитражного суда выявил нарушение принципов соразмерности взыскания и справедливого судебного разбирательства как элементов публичного порядка РФ. Решение международного арбитражного суда при Международной торговой палате в пользу японской компании Koito Manufacturing против российской компании ООО «Автосвет» о выплате 187,8 млн иен (а также арбитражных расходов и иных издержек) было подтверждено Арбитражным судом Ульяновской области и поддержано судом кассационной инстанции в России. Однако Верховный Суд РФ посчитал, что решение международного арбитража противоречит публичному порядку Российской Федерации.

---

[230] https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/90f33ca8-00fd-4247-a3ad-833287c15b3f/84c6ab49-1c15-4f25-b695-d22481f5f856/A45-19015-2023_20240726_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 9.01.2025).

Экономическая коллегия Верховного суда, ссылаясь на п. 51 Постановления Пленума ВС РФ от 10 декабря 2019 г. № 53[231], отметила, что сторона, заявляющая о противоречии признания и приведения в исполнение иностранного судебного или арбитражного решения публичному порядку РФ, должна обосновать наличие такого противоречия. Суд также отметил, что одним из элементов публичного порядка РФ является принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности, предполагающий восстановление нарушенного права, но не обогащение в результате защиты нарушенного (оспоренного) права (п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 10 ГК РФ).

Отметив, что нижестоящие суды не проанализировали указанные выше доводы общества о наличии нарушений исполнением арбитражного решения таких принципов публичного порядка РФ, как принцип законности и принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности, Верховный Суд отменил судебные акты по делу, направив его на новое рассмотрение в суд первой инстанции. ВС подчеркнул, что при новом рассмотрении дела судам следует проанализировать арбитражное решение и последствия его исполнения на соответствие критериям публичного порядка РФ[232].

Юристы проигравшей стороны в деле, в котором суд ссылается на публичный порядок, зачастую сетуют, что «ссылка на противоречие публичному порядку РФ – классический способ добиться отказа в исполнении решения иностранного суда или международного коммерческого арбитража, если проигравшая сторона не согласна с решением по существу и формальные основания для отказа в исполнении решения отсутствуют: «Публичный порядок – категория очень широкая и неопределенная. При желании любое нарушение норм

---

[231] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 13.

[232] Там же.

материального права можно свести к нарушению основополагающих принципов права (законности, соразмерности и т.п.) и отказать в исполнении решения»[233].

Не вдаваясь в рассмотрение приведенного спора по существу, следует признать, что рассматриваемое и ряд предшествующих определений Верховного Суда РФ создают ситуацию, при которой будет осложнено исполнение многих, если не большинства, решений иностранных судов (арбитражей) в России на том основании, что в составе судебных составов участвовали граждане недружественных государств. Особую сложность ситуации придает отсутствие понимания, какие именно обстоятельства могут свидетельствовать в пользу беспристрастности судей (арбитров).

Для рассмотрения механизмов противостояния юрисдикций и обоснованного противостояния санкционной политике приведем следующие примеры банковских споров:

Пример 1. Спор «ВТБ – JPMorgan Chase & Co. (США)»[234].

16 октября 2024 г. Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области удовлетворил иск ВТБ к структурам американского JPMorgan Chase & Co.[235] Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области принял обеспечительные меры по иску ВТБ к структурам американского банка JPMorgan на $439,5 млн. Первый заместитель ВТБ Д. Пьянов объяснял суть иска так: «В самые первые дни, когда банк ВТБ подпал под санкции, JPMorgan в Нью-Йорке заблокировал $440 млн на нашем корреспондентском счете. Российская Федерация, как государственную позицию, признает эти санкции незаконными. Мы также считаем их незаконными и необоснованными. Поэтому логично оспаривание этой блокировки с нашей стороны доступным юридическим способом»[236]. В жалобе, поданной в федеральный суд Манхэттена, на которую

---

[233] https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-napomnil-chto-resheniya-mezhdunarodnogo-arbitrazhnogo-suda-dolzhny-sootvetstvovat-kriteriyam-publichnogo-poryadka-rf/ (дата обращения: 9.01.2025).
[234] https://kad.arbitr.ru/Card/29083a64-77f1-45e2-b719-40a19313e83f (дата обращения: 9.01.2025).
[235] https://kad.arbitr.ru/Card/29083a64-77f1-45e2-b719-40a19313e83f (дата обращения: 9.01.2025).
[236] https://www.interfax.ru/russia/987039 (дата обращения: 9.01.2025).

ссылалось агентство Reuters, JP Morgan заявил, что иск ВТБ является «вопиющим нарушением» его соглашения о рассмотрении споров в Нью-Йорке. Крупнейший банк США заявил, что американское законодательство запрещает ему выплачивать $439,5 млн, и ВТБ в случае положительного решения российского суда попытается наложить арест на его активы за рубежом. ВТБ и JPMorgan Chase обменялись исками[237]. Российский банк через петербургский суд требует вернуть заблокированные активы, американский банк напоминает, что более 15 лет назад они договорились решать все споры в суде Нью-Йорка.

JPMorgan Chase напомнил, что ВТБ открыл корреспондентский счет в 2008 г. в долларах для обработки транзакций через финансовую систему США. Тем самым он согласился с условиями ведения счетов в этом банке: например, с тем, что корреспондентский счет будет регулироваться законами США и любой счет может быть заморожен, если это потребуется из-за санкций, а любая спорная ситуация будет рассматриваться только в суде Нью-Йорка. После введения американских санкций против ВТБ два года назад JPMorgan Chase перевел $439,46 млн на специальный внутренний заблокированный счет. Банк указал, что действия ВТБ стали «вопиющим нарушением» соглашения о рассмотрении споров только в Нью-Йорке. В иске указывается, что ВТБ обратился в этом году с требованием вернуть деньги, но законодательство США запрещает выплачивать $439,46 млн. JPMorgan Chase подозревает, что ВТБ в случае положительного решения российского суда постарается добиться ареста его активов.

В октябре 2024 г. ВТБ подал еще два иска к структурам JPMorgan о взыскании убытков на общую сумму $155,8 млн (дела № А56-99242/2024 и № А56-99251/2024). По обоим из них суд наложил арест на все российские счета американского банка.

Пример № 2. «ВЭБ.РФ – Barcklays Bank».

[237]https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.nysd.619752/gov.uscourts.nysd.619752.1.0_1.pdf (дата обращения: 9.01.2025).

Согласно соглашению о свопах (обмен валютами с обязательством обратного обмена в будущем) между российской государственной корпорацией развития ВЭБ и британский банком Barcklays Bank на 2023-2025 гг. приходились периоды завершения свопов. Однако, ссылаясь на введение в отношения ВЭБа санкций западными странами, Barcklays Bank досрочно в феврале 2022 г. прекратил сделки. С весны 2023 г. рассматриваются споры двух структур в российской и британской юрисдикциях. Причем Barcklays Bank не отрицает своей обязанности выплатить сумму, и стороны даже согласовали с ее на уровне 147,8 млн долларов США плюс 6,9 млн долларов США процентов, но утверждает невозможность выплат в условиях санкций.

ВЭБ.РФ в мае 2023 г. обратился в Арбитражный суд города Москвы и просил ускорить рассмотрение, в котором было отказано на основании необходимости уведомления иностранного юридического лица, что потребует некоторого времени.

Barcklays Bank обратился в Высокий суд Англии и Уэльса за решением запретить ВЭБ.РФ продолжать рассмотрение спора где бы то ни было, кроме Лондонского международного арбитражного суда (LCIA) на том основании, что расценил подачу ВЭБ.РФ иска в Арбитражный суд города Москвы нарушением арбитражной оговорки, зафиксированной в соглашении о свопах, которая предусматривала рассмотрение спора в LCIA. В сентябре 2024 г. арбитр LCIA принял постановление, что решение о выборе юрисдикции должен вынести Высокий суд Англии и Уэльса[238].

По мнению партнера адвокатского бюро Nordic Star А. Заброцкой, «шансы ВЭБ на взыскание долга с Barclays зависят от выбора форума для разрешения спора. В LCIA вероятность успеха у корпорации была бы выше, поскольку трибуналы ориентированы на применение норм международного права и минимизацию влияния национального законодательства. В государственном

[238]https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWHC/Comm/2024/3088.html&query=(barclays) (дата обращения: 9.01.2025).

суде, если ВЭБ туда обратится, шансы будут ниже из-за более строгого применения санкционного законодательства Великобритании»[239].

Приведенные примеры свидетельствуют о следующей двоякой тенденции:

– в споре с западными коммерческими структурами российские корпорации предпочитают уйти от правил арбитражной оговорки и получить положительное для себя рассмотрение в российских судах (арбитражах). При этом необъективность, предвзятость в споре российских и западных компаний западных судебных инстанций предполагается;

– в то же время споры между собой российские предприниматели продолжают рассматривать в судебных и арбитражных инстанциях, в том числе и в «недружественных», считая их более объективными и независимыми от различных форм воздействия оппонентов.

Несмотря на геополитические противоречия и принятие более 40 000 санкций органами Европейского Союза против России, до декабря 2024 г. отмеченные ограничения непосредственно не затрагивали вопросы исполнения судебных и арбитражных решений. Своеобразный «мораторий» был прерван 16 декабря 2024 г. принятием изменений в решение Совета Европейского Союза от 31 июля 2014 г.[240] «относительно ограничительных мер в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию в Украине» (Решение № 2024/3187[241]). Совет Европейского Союза объясняет принятие санкционного решения тем, что на основе статьи 248 АПК РФ российскими судами стали приниматься решения, запрещающие компаниями из стран Европейского союза возбуждать и вести судебные разбирательства против российских компаний в иностранных судах *(«anti-suit injunctions»)* и что по итогам разбирательств российские суды

---

239 https://www.forbes.ru/finansy/526532-vysokij-sud-anglii-zapretil-vebu-sudit-sa-s-barclays-v-lcia-po-sporu-na-160-mln (дата обращения: 9.01.2025).

240 Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine OJEU L 229/13. (дата обращения: 9.01.2025).

241 Council Decision 2024/3187/CFSP https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202403187 (дата обращения: 9.01.2025).

накладывают «непропорционально высокие финансовые штрафы в случае несоблюдения этого требования».

Европейский союз считает, что порядок, в соответствии с которым российские суды выносят подобные судебные запреты и штрафы, является явным нарушением установленных международных норм, принципов и многолетней практики разрешения международных деловых споров. Чтобы предотвратить попытки истцов привести в исполнение такие судебные запреты, штрафы или любое другое судебное решение, основанное на ст.248 или аналогичном российском законодательстве, Европейский союз вводит запрет на признание или приведение в исполнение в Евросоюзе судебных запретов, распоряжений, судебных решений или иных судебных решений, принятых в соответствии со ст. 248 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации или иным аналогичным российским законодательством.

Решение от 16 декабря 2024 г. предусматривает дополнение решения от 2014 г. статьей 7а следующего содержания (*перевод автора*):

«1. Никакие судебные запреты, распоряжения, меры судебной защиты, судебные постановления или иные решения суда, вытекающие из статьи 248 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации или аналогичного российского законодательства, не должны признаваться, вводиться в действие или приводиться в исполнение в государстве-члене.

2. Запросы о содействии в ходе уголовного расследования или иного уголовного разбирательства, а также наказания и приговоры в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, основанные на предполагаемом нарушении судебного запрета, распоряжения, судебной защиты, судебного решения, или иное судебное решение, принятое в соответствии со ст. 248 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации или вытекающее из ее положений или аналогичный нормы российского законодательства, не признаются, не вступают в силу и не исполняется на территории государства-члена».

Прежде всего следует отметить определенную юридическую небрежность, допущенную при принятии рассматриваемого решения Совета Европейского Союза: ссылка на ст. 248 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации является (по меньшей мере) неточной, так как по смыслу решения Совета ЕС речь идет о ст. 248.1 и 248.2. АПК РФ. Собственно ст. 248 АПК РФ не содержит каких-либо норм или принципов, которые могли бы вызвать недовольство: статья закрепляет стандартное для коллизионного права положение об отнесении к исключительной компетенции арбитражных судов России споров по поводу находящейся на территории России недвижимости и в связи с записями в национальные реестры.

Помимо очевидной вышеотмеченной юридической небрежности на интересный аспект проблемы обращает внимание Д.В. Литвинский. Так как вопросы экзекватуры относятся к компетенции национальных судов стран-участниц ЕС, а не судов или административных органов Европейского Союза, то анализируемое решение Совета Европейского Союза ставит суды стран-участниц ЕС в «некомфортное положение»: «С одной стороны, ему предлагается оценить, исходя из правил незнакомого ему российского процессуального права, вынес ли российский арбитражный суд свое решение на основании ст. 248 АПК РФ или какой-то иной нормы, «вытекающей из ее положений, или же на основании аналогичной нормы российского законодательства». Задача не самая очевидная, особенно, если по той или иной причине, соответствующая статья просто не будет упомянута в решении. К тому же нумерация есть нумерация, и лицу, возражающему против экзекватуры российского решения, еще предстоит аргументированного убедить судью в том, что ст. 248.1 или ст. 248.2 иностранного закона приняты в расширение или основаны на ст.248»[242].

[242] Литвинский Д.В. Европейские санкции. Цель не ясна, механизмы запутанны. Можно ли уже сейчас говорить о фактическом запрете в Европе экзекватуры решений российских арбитражных судов? https://zakon.ru/blog/2024/12/17/evropejskie_sankcii_cel_ne_yasna_mehanizmy_zaputanny_mozhno_li_uzhe_sejchas_govorit_o_faktycheskom_z (дата обращения: 9.01.2025).

Учитывая правовую небрежность и потенциальную размытость в толковании решения Совета ЕС, следует ожидать неоднородного и волюнтаристского подхода при реализации рассматриваемого решения в национальных судах стран ЕС при рассмотрении вопроса, действительно ли российский арбитраж воспользовался ст. 248.1 АПК и/или аналогичного российского законодательства и рассмотрел вопрос в рамках своей компетенции.

Безусловно, следует ожидать практики реализации рассматриваемого решения, чтобы получить ответ на этот и многие другие вопросы, связанные с принятием подобной нормы. Однако принятие решения сокращает число российских оптимистов в отношении иностранных арбитражей. Таковые высказывают мнение: «Преувеличением будет считать полностью невозможной защиту интересов в иностранных судах и арбитражах российскими компаниями, даже подсанкционными, хотя это требует все больших усилий и изобретательности. Во многих западных государствах суды демонстрируют показательную независимость от политических властей, готовы руководствоваться только правом при разрешении дел. То же касается и международных коммерческих арбитражей»[243].

Однако основной вопрос все же заключается не в беспристрастности или ангажированности иностранных судов, не в интересах конкретных российских компаний, оказавшихся под санкционным давлением, а в перспективе развития самой российской юрисдикции. Санкционные ограничения, вероятно, надолго, но задачи создания привлекательных условий для бизнеса российских компаний, их поддержки в продвижении на международные рынки предполагают формирование даже в сложнейших геополитических условиях той или иной степени доверия к российской юрисдикции. Это возможно только при понятности и предсказуемости условий ведения бизнеса. Применительно к рассматриваемым ситуациям: если российская компания согласилась при подписании договора на тот или иной

[243] Гальперин М.Л. Живая и мертвая вода российской юрисдикции. О применении ст. 248.1 АПК РФ // Вестник экономического правосудия РФ. 2023. № 11. С. 205.

вариант разрешения споров, то отход от подписанного соглашения должен быть обоснован, а представленные обоснования объективно подтверждены[244].

Обращение российских компаний к возможностям ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ при опоре только лишь на факт введения санкций, если при этом не учитываются фактические обстоятельства спора, чреват негативными последствиями для самих этих компаний. Иные потенциальные контрагенты, в том числе и из «дружественных» стран могут в дальнейшем опасаться иметь с ними деловые отношения, полагая, что эти компании в случае противоречий прибегнут к уже отработанному способу ухода от достигнутых договоренностей. Конкретная компания при применении этого оружия российской юрисдикцией может получить вполне ощутимый материальный результат (профит, прибыль). Возможно, у конкретной компании в дальнейшем нет перспектив и желания иметь международные контракты и репутационный ущерб волнует ее меньше последствий поддержки со стороны национальной юрисдикции. Но на общегосударственном уровне важно продумывать последствия для авторитета национальной юрисдикции, доверия к ней со стороны иностранных компаний.

Интересы обеспечения привлекательности российской национальной юрисдикции предполагают независимость и непредвзятость судов и арбитражей при рассмотрении споров между российскими и иностранными компаниями. Подобная непредвзятость должна исходить в том числе и из осознания экономического и политического значения независимости судебных (арбитражных) учреждений для развития страны. Иными словами, протекционизм в отношении национальных компаний при рассмотрении конкретного экономического спора может дать определенный экономический эффект конкретной компании или даже государству, но, если этот протекционизм приводит к принятию необоснованных несправедливых решений, имиджевые

[244] Детально этот аспект представлен в статье автора диссертации: Барциц В.И. Категория меры и опасности для привлекательности российской юрисдикции при применении антисанкционного законодательства // Современное право. 2024. № 3. С.112–118.

издержки, урон восприятию и доверию к национальной юрисдикции многократно превзойдет профит конкретной коммерческой компании. Желание облегчить российским компаниям возможности по игнорированию контрактных договоренностей о месте разрешения спора может иметь обратный эффект. Если российская юрисдикция хочет быть привлекательной для рассмотрения споров, постепенно должна формироваться атмосфера доверия к ней со стороны иностранных компаний, что российские суды не считают местных истцов предпочтительными и не подчиняются внешним воздействиям.

В современных условиях санкционного давления и геополитической нестабильности существенно изменяются ранее установленные судебные и арбитражные критерии, касающиеся сопоставимости иностранных судебных решений с российским национальным публичным порядком. По сути, речь идет о новом концепте и новом содержании оговорки о соответствии иностранного судебного (арбитражного) решения российскому публичному порядку.

Рассмотрение интерпретации положения о публичном порядке в контексте решений российских судов и арбитражных органов в условиях санкционного давления позволяет выделить и представить дополнительный уровень оговорки о соответствии национальному публичному порядку. Это своеобразная оговорка второго уровня, вызванная потребностью противодействия антисанкционному давлению. Этот термин добавляет к традиционному пониманию «национального публичного порядка» совокупность мер по противодействию санкциям.

Рассматриваемый в диссертации расширительный подход к трактовке «национального публичного порядка» в современных российских судебных и арбитражных решениях имеет свои обоснования. Тем не менее, важно четко сформулировать, какие новые нормативные акты и правовые позиции, принятые в период с 2022 по 2024 гг., способствуют созданию нового видения публичного порядка. К таким актам относятся изменения в Арбитражный процессуальный кодекс РФ, а также ряд указов и постановлений Правительства РФ.

Предлагается рассмотреть теоретическую выверенность и практическую полезность разработки антисанкционной оговорки.

Антисанкционная оговорка представляет собой элемент дополнения традиционной оговорки о соответствии решения иностранного судебного или арбитражного органа национальному публичному порядку комплексом характеристик, свойственных современному этапу. Речь идет о принятии в отношении Российской Федерации, российских компаний и российских граждан различного вида санкций, препятствующих экономическому обороту, защите прав и законных интересов российских компаний и граждан в иностранных судебных и арбитражных учреждениях. Антисанкционная оговорка означает, что подлежащее признанию и исполнению на территории Российской Федерации решение иностранного судебного или арбитражного органа не должно быть обусловлено применением в отношении Российской Федерации, российских компаний или граждан санкций (экономических, финансовых, политических, правовых и иных ограничений).

Применительно к конкретным соглашениям российских и иностранных компаний предлагается дополнить их антисанкционной оговоркой как элементом гражданско-правового договора: Стороны согласны, что любые обязательства, возникающие из настоящего договора, не могут быть исполнены в условиях, ограниченных санкциями или мерами, направленными против одной из сторон, или в условиях, которые могут привести к нарушению норм и стандартов международного права. Каждая из сторон имеет право на приостановление или отказ от исполнения обязательств, если такое исполнение станет невозможным или незаконным в результате применения санкций.

Антисанкционная оговорка как элемент гражданско-правового договора – это правовая конструкция, включаемая в договоры для защиты сторон от неблагоприятных последствий, вызванных введением экономических санкций или иных ограничительных мер. Основной целью такой оговорки является обеспечение возможности сторон избежать ответственности за неисполнение или

ненадлежащее исполнение своих обязательств в случае, если такие действия становятся невозможными или незаконными вследствие санкционного давления.

Ключевыми характеристиками антисанкционной оговорки предстают: а) поддержание правового статуса: оговорка позволяет сохранить легитимность выполнения договора, обращая внимание на нормы и правила, нарушенные в результате внешних влияний; б) оговорка выступает средством минимизации рисков, связанных с изменением политической или экономической ситуации, особенно в условиях нестабильности; в) антисанкционная оговорка может быть адаптирована под различные сценарии, связанные с введением новых санкций; г) она обеспечивает защиту сторон от возможных убытков и юридических последствий, связанных с исполнением обязательств в условиях санкций. Такие характеристики являются актуальными в условиях глобальной экономики, где страны и компании часто сталкиваются с санкциями, и позволяют создавать более безопасные и устойчивые бизнес-отношения. Данная формулировка позволяет учесть специфические риски, возникающие в контексте международных санкций, обеспечивая защиту сторон от неблагоприятных правовых последствий.

Комплекс нормативных правовых актов антисанкционного[245] (в ряде публикаций встречается понятие «контрсанкционное»[246]) правового регулирования формируют прежде всего поправки в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (ст. 248.1 и 248.2), Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»[247] и ряд указов

---

[245] См. Напр. Лаутс Е.Б. Антисанкционное регулирование рынка банковских услуг и антикризисный правовой режим банковской деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 1. С. 70-79; Шпиндлер А.А. Антисанкционное правовое регулирование в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 5А. С. 65–76; Старженецкий В.В., Бутырина В.А., Курицына К.С. Российское антисанкционное регулирование: современное состояние и пути совершенствования // Закон. 2021. № 3. С. 1190142.

[246] См. напр.: Бутакова А.Я. Контрсанкционное регулирование: сравнительно-правовой анализ (Россия и Китай) // Право и политика. 2024. № 10. С. 59–71.

[247] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 24. Ст. 3394.

Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации:

– Указ Президента РФ от 23.04.2021 г. № 243 «О применении мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств»[248];

– Указ Президента РФ от 28.02.2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций»[249];

– Указ Президента РФ от 01.03.2022 г. № 81 (с изм. от 20.05.2024 г.) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации»[250];

– Указ Президента РФ от 05.03.2022 г. № 95 (ред. от 09.09.2024 г.) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами»[251];

– Указ Президента РФ от 18.03.2022 г. № 126 (ред. от 14.11.2024 г.) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования»[252];

– Указ Президента РФ от 03.05.2022 г. № 252 (ред. от 22.12.2022 г.) «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций»[253];

---

[248] Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 17. Ст. 2949.
[249] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1465.
[250] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1466.
[251] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1472.
[252] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 12. Ст. 1808.
[253] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 19. Ст. 3188.

– Указ Президента РФ от 04.05.2022 г. № 254 (ред. от 09.09.2024 г.) «О временном порядке исполнения финансовых обязательств в сфере корпоративных отношений перед некоторыми иностранными кредиторами»[254];

– Постановление Правительства РФ от 06.03.2021 г. № 299 «О внесении изменения в пункт 2 методики определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без его согласия, и порядка ее выплаты»[255];

– Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 г. № 506 (ред. от 28.06.2023 г.) «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы»[256];

– Распоряжение Правительства РФ от 05.3.2022 г. № 430-р. (в ред.29.10.2022 г. № 3216-р), которым был утвержден Перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия[257].

В целом, под констрсанкционным регулированием понимается комплекс мер, которые были разработаны и введены в действие органами государственной власти России и иными учреждениями (здесь особо следует выделить роль Центрального Банка РФ, Правительственной комиссии) по минимизации негативных последствий введения рядом стран, которые были определены как «недружественные», против России санкций и различных мер ограничительного

[254] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 19. Ст. 3189.
[255] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1693.
[256] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 14. Ст. 2286.
[257] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1748.

характера. В качестве ведущих направлений контрсанкционного правового регулирования следует выделить:

– специальное регулирование сделок с акциями и долями участия. В частности, для стабилизации ситуации при выводе иностранных капиталов из России был введен механизм получения специального разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в России. Прежде всего под регулирование были отнесены сделки по продаже акций и долей участий в стратегическим компаниях, энергетическом и банковском секторах;

– усложнение регулирования сделок и определенных операций, связанных с кредитами и займами, зачислением дивидендов или прибыли на счета в иностранных банках, сделки с «недружественными» лицами, влекущие возникновение права собственности на ценные бумаги и объекты недвижимости;

– введение ограничений оборота капитала, в частности, прекращение торговли депозитарными расписками на иностранных фондовых биржах без согласования с Правительственной комиссией, замораживание активов лиц, в отношении которых действуют санкции и блокирование финансовых операций в интересах этих лиц.

3.3. Механизмы правового регулирования исполнения решений по гражданским делам российских судов за рубежом и иностранных судов в Российской Федерации

Стремление продвинуть национальную юрисдикцию за пределы государственных границ нельзя автоматически отнести к критикуемым в современном мире феноменам «империализма», «колониализма», «игнорирования суверенитета» и т.п. Вопрос в ином: посредством каких инструментов и какими средствами государства продвигают свою юрисдикцию. Участие в международном экономическом сотрудничестве, интернационализация всех сфер общественной

жизни, формирование межгосударственных интеграционных объединений приводят к безальтернативности реформирования правовых подходов всех участвующих в обозначенных процессах государств. Внутри государств также происходит переформатирование механизмов взаимодействия государственных органов, бизнес-корпораций и других экономических субъектов, граждан и лиц иных правовых статусов. Эти процессы осуществляются в условиях технологических изменений и цифровизации, которые воздействуют на все стороны общественной жизни, в том числе на судебные процедуры и иные элементы юрисдикции.

В конкуренцию с национальными юрисдикциями все активнее включаются международные суды, суды интеграционных объединений, создаваемые в разных странах арбитражные центры по разрешению гражданско-правовых споров.

В конкуренцию юрисдикций (за привлечение финансовых средств, оплату судебных издержек, загруженность юридических компаний и адвокатских бюро и иные потенциальные доходы от правового бизнеса) включились и новые участники, сформировавшие арбитражные центры рассмотрения споров. Хотя следует признать, что по объему стоимости и количеству рассматриваемых споров ведущие «старые» арбитражные центры (Стокгольмский арбитраж (SCC), Лондонский международный Третейский Суд (LCIA), Арбитражный суд Международной Торговой палаты (ICC, Париж)) сохраняют существенный отрыв от «молодых» преследователей, среди которых выделяются Сингапурский международный арбитражный центр (Singapore International Arbitration Centre, SIAC), Гонконгский Международный арбитражный центр (Honk Kong International Arbitration Centre, HKIAC), Дубайский международный арбитражный центр (Dubai International Arbitration Centre, DIAC).

Действительно, по данным 2023 г., общая стоимость новых споров в LCIA составила 53 млрд долларов США, в HKIAC – 12,5 млрд,), SIAC – 11,9 млрд, DIAC – 1,5 млрд. Но по количеству рассмотренных споров «новые» арбитражные центры постепенно сокращают разрыв: если в ICC в спорах участвовали компании из 141

юрисдикции (890 споров), а в LCIA – из 91 юрисдикции (377 спора), то в DIAC обратились компании 49 юрисдикций (355 спора), в SIAC – 66 юрисдикций (663 спора), а в HKIAC – 45 юрисдикций (281 спор)[258].

Следует различать признание и исполнение решений иностранных судов от признания исполнения решений международных (наднациональных) судов, являющимися судебными органами интеграционных объединений. Это различие обусловлено тем, что, входя в интеграционное объединение, формируя уставные документы судебных учреждений таких интеграционных объединений, страны-участницы определяют пределы полномочий этих судов и принципы применения их решения в национальной правовой системе.

В рамках политики усиления и продвижения своей национальной юрисдикции России надлежит внимательно анализировать процессы конкуренции и взаимодействия судебных институтов государств Европы между собой, с общеевропейскими судебными органами, скрупулезно изучать методы «диалога судей», при этом видеть и анализировать методы и последствия конкуренции юрисдикций, например, между французской и британской в условиях Brexit. В то же время России следует всемерно поддерживать усиление влияния и авторитета суда Евразийского экономического союза, налаживать механизмы сотрудничества при решении споров в области гражданского оборота, поддержки экономического сотрудничества стран ЕАЭС.

Очевидно, что в условиях политически обусловленных санкций отсутствие ратификации и исполнения Конвенции 2019 г. может в некоторой степени компенсироваться признанием и исполнением иностранных судебных решений на основе:

а) принципа взаимности. Принцип взаимности должен найти свое закрепление в Гражданском процессуальном и Арбитражном процессуальном кодексах Российской Федерации;

---

[258] См.: Статистика арбитражных центров. 2023 https://t.me/RAA25official

б) двусторонних договоров. Одним из шагов в направлении реализации положений конвенции может стать восстановление по мере стабилизации геополитической ситуации и элементов доверия, расширение перечня стран, с которыми у России действуют подобного рода соглашения.

Учитывая историческую традицию заключения договоров о признании и исполнении судебных решений стран, близких друг другу как географически, так и с точки зрения истории правовых систем, можно предложить расширение практики исполнения решений судов стран ЕАЭС, других государств постсоветского пространства.

Применительно к этапу, который неизбежно наступит после преодоления геополитического кризиса между Россией и Европой, необходимо уже сейчас прорабатывать инструменты восстановления экономического сотрудничества. Среди таких инструментов и механизмы урегулирования вопросов сочетаемости судебных решений судов России и иностранных государств, особенно при рассмотрении споров между экономическими субъектами. На современном этапе предстоит наладить взаимодействие с юрисдикциями дружественных и нейтральных государств.

Но, конечно же, основными направлениями обеспечения привлекательности российской национальной юрисдикции видятся следующие:

а) независимость и непредвзятость судов и арбитражей при рассмотрении споров между российскими и иностранными компаниями. Подобная непредвзятость должна исходить в том числе и из осознания экономического и политического значения независимости судебных (арбитражных) учреждений для развития страны. Иными словами, протекционизм в отношении национальных компаний при рассмотрении конкретного экономического спора может дать определенный экономический эффект конкретной компании или даже государству, но, если этот протекционизм приводит к принятию необоснованных несправедливых решений, имиджевые издержки, урон восприятию и доверию к национальной юрисдикции многократно превзойдут профит конкретной

коммерческой компании. Если российская юрисдикция хочет быть привлекательной для рассмотрения споров, постепенно должна формироваться атмосфера доверия к ней со стороны иностранных компаний, базирующегося на том, что российские суды не считают местных истцов предпочтительными и не подчиняются внешним воздействиям;

б) адаптация к новым форматам судебных и арбитражных разбирательств с использованием новых институтов и технологий, к новым объектам (предметам) споров. Среди таких объектов: криптоактивы, цифровые валюты, смарт-активы, смарт-контракты и т.п. Особую сложность представляет вопрос о допустимости использования инструментов, предлагаемых системами искусственного интеллекта;

в) присоединение к уже существующим и формирование новых механизмов признания решений иностранных судов в России и российских судов в зарубежных государствах.

Преодолению опасности закрытости способствует утверждение в российской правовой системе и судопроизводстве ряда принципиальных тезисов, прошедших апробацию в мировой практике и имеющих уже определенную традицию в России.

Среди них:

1. Механизмы эстоппеля. Эстоппель – многогранное и применимое в различных ситуациях понятие, по своей сути представляет потерю стороной права на возражение, если эта сторона допускает противоречащие друг другу позиции или подходы. Подобные противоречивость и недобросовестность могут проявляться на любой из стадий действия заключенного сторонами соглашения и по любому из аспектов соглашения. Например, при проведении расчетов, предоставлении доказательств в судебном процессе, которые опровергают ранее сделанные утверждения и т.п. В логике настоящего исследования принцип эстоппеля важен в контексте выбора сторонами той или иной юрисдикции при заключении соглашения. Отказ от нашедшей в договоре позиции по выбору суда и

юрисдикции разрешения споров является нарушением принципа добросовестности (*bona fides*).

Судья Российской Федерации в Суде ЕАЭС Т.Н. Нешатаева обоснованно видит в эстоппеле реализацию принципа добросовестности. В частности, эта позиции раскрывается Т.Н. Нешатаевой в Особом мнении по делу № СЕ-1-2/3-16-КС[259]. Судья пришла к жесткому выводу, что «прекращение производства по делу ничего не истолковало и свидетельствует лишь о нежелании Суда осуществлять свои функции». Столь жесткий вывод судья сделала по итогам анализа решения Суда ЕАЭС прекратить производство по делу по заявлению ООО «Ремдизель» (РФ) о признании дополнительного примечания к ряду позиций Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС противоречащим статье 5 Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. Удовлетворение ходатайства Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) о прекращении производства судья Т.Н. Нешатаева сочла неправомерным на том основании, что оно «невозможно согласно принципу *estoppel* (в его процессуальной части), который подлежит применению исходя из подпункта 1 пункта 50 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), поскольку является общепризнанным принципом и 4 нормой международного права и проистекает из принципа *bona fides* (добросовестности)».

Иными словами, если стороны достигли ранее договоренности о разрешении спора в той или иной юрисдикции, суды должны исходить из их предыдущего соглашения, даже если впоследствии одна из сторон отказывается от следования соглашению. По мнению Шаповаловой О.А.: «Эстоппель нормативно закрепляется в международных договорах и национальном законодательстве различных государств как инструмент регулирования косвенной судебной юрисдикции,

[259]https://courteurasian.org/upload/iblock/8be/3.%20Ремдизель%20-%20ОМ%20Нешатаевой%20Т.Н.%20на%20постановление%20КС%20о%20прекращении.pdf (дата обращения: 9.01.2025).

препятствуя оспариванию юрисдикции иностранного суда в случаях ранее выраженного согласия с ней»[260].

Одним из первых примеров применения в практике высших судебных инстанций России стала прямая ссылка на принцип эстоппеля в решении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2012 г. № 1649/13 по заявлению ЗАО «Акционерный коммерческий банк “ТРАНСКАПИТАЛБАНК”» к ООО «ТРИО»: «Указанные действия ответчика свидетельствуют о признании им компетенции Арбитражного суда Рязанской области посредством конклюдентных действий, что соответствует понятию компетентного суда в международно-правовом и национально-правовом понимании, а также влекут за собой потерю права на возражение (эстоппель) в отношении подсудности спора. Получив возможность пользоваться процессуальными правами, ответчик принял на себя и процессуальные обязанности»[261]. Высший Арбитражный Суд придал принципу эстоппеля характер обычной нормы права и расценил этот подход как противодействие процессуальной недобросовестности сторон.

2. Сдержанное применение инструмента отказа от выдачи экзекватуры. Четкое раскрытие оснований отнесения того или иного арбитражного центра или судебного института к «недружественной» юрисдикции дано в разъяснениях Верховного Суда. В качестве характерной черты для отказа в признании и исполнении на территории Российской Федерации решений иностранных судов (арбитражей) согласно целого ряда определений Верховного Суда РФ становится принцип отказа от выдачи экзекватуры на исполнение решения иностранного суда не только по причине противоречия материальному российскому праву, но и при сомнениях в беспристрастности иностранных судей (арбитров). Однако следует признать, что рассматриваемое и ряд предшествующих определений Верховного Суда РФ создают ситуацию, при которой будет осложнено исполнение многих,

[260] Подробнее см.: Шеповалова О.А. Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам: Дис. … канд. юрид. наук. СПб: 2024. С. 121.
[261] https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70327706/

если не большинства, решений иностранных судов в России на том основании, что в судебных составах участвовали граждане недружественных государств. Особую сложность ситуации придает отсутствие понимания, какие именно обстоятельства могут свидетельствовать в пользу беспристрастности судей (арбитров).

Национальный суд и национальные административные инстанции, даже не признавая этого решения и не стремясь его исполнить, не могут полностью игнорировать сам факт его принятия и последствия этого решения в иных юрисдикциях. Это обоюдоострое правило. Российские суды, игнорируя решения иностранных судов при рассмотрении гражданско-правовых споров, в то же время не могут не иметь в виду то, как уже их решения будут признаваться (не признаваться) или исполняться (не исполняться) в зарубежных юрисдикциях. Равно так и иностранные суды, не признавая решения российских судов, обязаны понимать их реакцию на решения, направленные против российских компаний. Можно утверждать, что как российские, так и иностранные суды мало зависят от подобного противостояния. Но очевидны негативные последствия для участников гражданского оборота, которые прибегают к рассмотрению своих споров. Противостояние юрисдикций приводит к следующим последствиям:

1) нестабильность гражданского оборота и неуверенность в правосудном разрешении споров;

2) непредсказуемость (или негативная предсказуемость) принимаемых судебных и арбитражных решений;

3) как следствие, сокращение внешнеторговых связей, гражданско-правового оборота, экономический ущерб.

То есть при разрешении гражданско-правовых споров утверждается подход, свойственный преимущественно деликтной ответственности: судебные решения исполняются в той мере, в какой у правоохранительной системы есть возможность физически получить контроль над объектами и ресурсами.

Объяснение стремления российских компаний перенести рассмотрение споров в российскую юрисдикцию сопряжено с рядом других процессуальных трудностей, среди которых:

– демонстративный отказ иностранных компаний участвовать в рассмотрении спора на территории России. В случае отсутствия у такой компании адекватного сумме спора имущества или иных интересов на территории Российской Федерации легко предположить, что иностранная компания откажется от участия в рассмотрении спора в России и будет в случае принятия негативного для себя решения игнорировать решения российских судебных и арбитражных органов.

Однако у российских компаний появляется дополнительный рычаг давления на своих контрагентов в подобных случаях, если удастся использовать механизмы заключенных Российской Федерацией с рядом иностранных государств (а среди них не только страны СНГ, но и Китая, Индия, Турция, Египет) о взаимном признании и исполнении решений государственных судов и при определенных условиях арбитражных и третейских судов. В таком случае российская компания может рассчитывать на преследования имущества иностранных компаний на территории подобных государств.

– осложнение процедуры извещения иностранной компании о начале судебного разбирательства в России.

Выводы к Главе 3.

1. Введение ограничительных (санкционных) мер в отношении российских компаний обусловило применение возможностей передачи споров этих компаний с иностранными контрагентами в российские суды вопреки установленным контрактами арбитражным оговоркам. Предусмотренные поправками, внесенными в июле 2020 года в Арбитражный процессуальный кодекс РФ, механизмы получили свою практическую апробацию в 2022-2024 гг. Анализ

практики их применения предопределил актуальность официальных разъяснений Верховного Суда РФ в отношении правил передачи споров с участием подсанкционных компаний в исключительную компетенцию арбитражных судов России и анализа последствий запрета на предъявление исков в иностранных судах. Также нуждается в определенности позиция в отношении международных арбитражей, расположенных на территориях стран, не вводивших санкции в отношении России.

2. Можно констатировать, что в сложившейся сложной геополитической ситуации складываются две различные модели поведения российской юрисдикции: а) для «дружественных стран»; б) для «недружественных стран» (согласно перечню МИД). Причем очевидно, что при подобном разделении применяемые при разрешении споров правовые инструменты в отношении компаний будут определяться не объективными факторами, а национальной принадлежностью компании-контрагента. Подобный дуализм чреват негативными последствиями в том числе и для компаний, не подвергшихся ограничениям.

3. Безусловно, санкционные меры в отношении России и российских компаний – объективная реальность, которая должна найти свое отражение в российском законодательстве и правоприменительной практике. Особые надежды возлагаются на Верховный Суд Российской Федерации, призванный в своих разъяснениях и обзорах судебной практики дать необходимые рекомендации и ориентиры для судебной системы страны по применению антисанкционных мер. Например, целесообразно установление в качестве обязательного (квалифицирующего) требования для задействования механизмов ст. 148.1 и 148.2 АПК РФ предоставление в российский суд доказательств применения в отношении истца ограничительных мер. Само по себе дискреционное желание лица, находящегося под ограничительными мерами (санкциями), перенести рассмотрение спора исключительно в российскую юрисдикцию не может быть достаточным основанием для удовлетворения этого желания. Квалифицирующими

признаками для подобного переноса должны выступать иные обстоятельства, свидетельствующие об ограничениях доступа к правосудию.

Также следует посредством разъяснений Верховного суда утвердить понимание, что применение подобных инструментов к компаниям, не включенным Правительством РФ в официальный список недружественных стран, недопустимо. Аналогичное изъятие следует сделать для международных арбитражей, расположенных в странах, не вводивших ограничительные меры в отношении России. Среди них арбитражи, функционирующие на территориях Китая, Турции, ОАЭ, Казахстана, Узбекистана. Очевидна потребность четкой артикуляции позиции в отношении арбитражных органов таких стран. Дабы не возникало противоречивой ситуации, когда Министерством юстиции РФ тот же Гонконгский международный арбитражный центр наделяется правом работать на территории России, а конкретный арбитражный суд отказывается признать его полномочия как «места для справедливого и беспристрастного разрешения споров». Если подобная оценка справедлива, очевидно, что Министерством юстиции РФ такой суд должен быть исключен из соответствующего перечня.

4. Таким образом, при применении защитных мер, предоставляемых антисанкционным законодательством, исключительно важно следовать требованиям категории меры, которую призван определить Верховный Суд Российской Федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важнейший приоритет в подготовке практикующего юриста – умение разбираться в нормах и правилах, регулирующих юрисдикцию судов. В отличие от теоретиков права практикующие юристы единодушны в стремлении к ясности юрисдикции – той ясности, которую не в состоянии предоставить теория права. Из-за особого характера юрисдикции потребность в ясности в юрисдикционных нормах отличается от потребности в ясности в субстантивном или даже процессуальном праве.

Правила определения и осуществления юрисдикции разграничивают компетенцию между государствами и, таким образом, служат основными «правилами дорожного движения» при разрешении гражданско-правовых споров с иностранным элементом. Рассмотрение споров может происходить в судах различных государств, а также в международных судах. При разрешении таких споров используются правовые инструменты как национального, так и международного частного права. Однако обращение в суд в соответствии с требованиями международного частного права превращается, по мнению французской исследовательницы М.-С. Лассер, в непростую «географическую загадку» («*un casse-tête géographique*»)[262].

Проблемы, возникающие при признании и исполнении решений по трансграничным спорам, вызваны различными причинами. Это и фундаментальные различия правовых систем, отсутствие универсальных механизмов, сложности с получением доказательств и экзекватуры документов.

[262] Лассер М.-С. «Введение к судебному разбирательству о разводе» / Л.Антонини-Кочин, М.-С. Лассер (ред.) «Развод в XXI веке» // Revue Lexsociété, 2022 С.16. (Lasserre, M.-C. «L'introduction de l'instance en divorce», in L. Antonini-Cochin et M.-C. Lasserre (dir.), Le divorce du xxie siècle, Revue. Lexsociété 2022, Univ. Côte d'Azur. P.16) // https://hal.science/hal-03518386

Однако главный вопрос современного развития международного частного права применительно к достижению согласованного правового регулирования и решения возникающих между компаниями и гражданами споров состоит в дилемме: унификация правовых норм или признание иностранных решений.

Можно утверждать, что современные исследования в области юрисдикции или о юрисдикции находятся не в поиске методов (методы правовых исследований выработаны), а в поисках будущей идентичности этих методов в современных политических условиях. Разновекторные, неоднозначные, преподносящие все новые и новые вызовы геополитические условия меняют не методы исследования юрисдикции, а их наполнение, расстановку приоритетов и видение будущего. Действительно, методы исследования юрисдикции в отраслях национального права, международном публичном, международном частном праве в условиях 1990-х – начала 2000-х с неподвергающейся сомнениям концепцией глобализации имеют совершенно иное наполнение в исследованиях 20-х годов XXI в. Причем, не в наименованиях методов или их перечне, а в расстановке приоритетов, ценностном наполнении.

Преследуя цели повышения качества деятельности судебных систем, формирования привлекательной и конкурентоспособной юрисдикции, страны также озабочены сохранением своей правовой идентичности, тех ценностей и принципов, которые они считают фундаментальными для своих обществ.

Достижение этих целей возможно лишь при сопротивлении судебной системы двум сильным тенденциям современного общества. Один из таких факторов – внутренний – недопустимо рассмотрение судов вне зависимости от сферы их деятельности (гражданско-правовой, уголовной, административной) в качестве элемента правоохранительной системы. Суд не осуществляет функции правоохраны. Фактическое отнесение судов к правоохранительной системе чревато самыми негативными последствиями для качества и привлекательности национальной юрисдикции, сравнимыми только лишь с зависимостью судебных (арбитражных) учреждения от административной власти.

Другой – внешний – потребность сохранения правовой идентичности при развитии правовых систем в условиях глобализации и обострения конфликтов. Россия давно возражает против подхода «порядок, основанный на правилах», критически рассматривает принцип экстерриториальности решений судов, к которому прибегают США.

С начала XX в. с принятием первых международных конвенций юристы в сфере международного частного права отдавали приоритет унификации правового регулирования, создания международных конвенций. Тем самым юристы признавали сложность унификации материального права различных государств, видя решение проблем – в создании коллизионных норм. Само международное частное право понималось как коллизионное право. В развитии коллизионных норм виделась перспектива разрешения многих проблем гражданского-правовых и торговых договоров, разрешения семейных споров и вопросов наследования, иных вопросов гражданско-правового характера. Подобные надежды сохранялись на протяжении всего XX века. В конце прошлого века пришло понимание, что процессы унификации и гармонизации через разработку коллизионных норм и внедрение их в кодексы о международном частном праве как национальных законов имеют явные пределы своей эффективности.

Это понимание было наиболее четко представлено профессорами М. Леманном (M. Lehmann)[263] и П. Лагардом (P. Lagarde)[264]. M. Lehmann с высокой степенью вынужденности отметил: «Было бы нереалистично ожидать, что государства унифицируют свои коллизионные правила в ближайшем будущем. Более того, гармонизация международного частного права не гарантирует...

[263] Леманн М. От конфликта права к глобальному правосудию (диссертация) // Lehmann M. From conflict of laws to global justice. New York: Columbia University. 2011. https://core.ac.uk/download/pdf/161437523.pdf. (дата обращения 12 декабря 2024 г.).

[264] Лагард П. признание ситуаций в международном частном праве (ред.). Париж, Педоне, 2013. (Lagarde P. La reconnaissance des situations en droit international privé (dir.), Paris, Pedone, 2013); Он же: «Является ли метод признания будущим международного частного права?» / В сборнике курсов Академии международного права. 2015. Т. 371.С. 9–42. (« La méthode de la reconnaissance est-elle l’avenir du droit international privé?» // in Recueil des cours de l’Académie de Droit international, tome 371, 2015. P. 9–42).

корректного применения иностранного права. Нет уверенности, что правоприменители вообще будут его применять, поскольку зачастую они ему не следуют. Единственным обнадеживающим способом решения проблемы «хромающих» отношений является признание» (имеется в виду признание решений иностранных судов)[265]. Феномен признания, как подчеркивается в исследовании, основывается на недопустимости пересмотра дела по существу (*révision au fond*): «Иностранное решение ни при каких обстоятельствах не может быть пересмотрено по существу дела» («La décision étrangère ne peut en aucun cas faire l'objet d'une *révision au fond»)*[266]. В случае признания отпадает потребность в использовании коллизионных норм.

М. Леманн[267] и П. Лагард практически одинаково оценивают перспективы соотношения метода коллизионных привязок и инструментов признания иностранных судебных решений. По их мнению, инструменты коллизионных привязок сохраняют значительное будущее в глобальном контексте[268]. Вероятнее всего, признание решений иностранных судов станет доминирующим механизмом в рамках Европейского Союза, но за его пределами перспективе коллизионных привязок пока еще трудно что-либо противопоставить. В пользу обозначенного варианта свидетельствует судьба имеющей фундаментальное значение для распространения института признания и исполнения иностранных судебных решений Конвенции 2019 г.

Эксперты говорят о введении Конвенцией «юрисдикционного фильтра», так как признание и исполнение иностранных судебных решений возможно только в

---

[265] Леманн М. Что в имени? Grunkin-Paul и после // Ежегодник международного частного права. 2008. № 10. С. 158. (Lehmann, M. What's in a name? Grunkin-Paul and beyond // Yearbook of Private International Law. 2008. № 10. P. 158).

[266] Принцип *révision au fond* изложен в ст. 29 и 34 (3) Брюссельской конвенции от 27 сентября 1968 г. «О судебной юрисдикции и приведении в исполнение решений по гражданским и коммерческим делам» // Journal Officiel de l'Union européenne n° L 299 от 31.12.1972. С. 0032 - 0042.

[267] Леманн М. От конфликта права к глобальному правосудию (диссертация) (Lehmann M. From conflict of laws to global justice. New York: Columbia University). https://core.ac.uk/download/pdf/161437523.pdf. (Дата обращения 12 декабря 2024 г.).

[268] Леманн М. Что в имени? Grunkin-Paul и после. С.159.

том случае, если эти решения вынесены в соответствии с закрепленными Конвенцией критериями юрисдикции. Раскрываются эти фильтры в ст. 5, 6, в которых содержатся основания и исключительные основания для признания и исполнения иностранных судебных решений. Ратифицированная всеми странами Европейского Союза Конвенция 2019 г. и вступившая в силу 1 сентября 2023 г., Конвенция в случае своего распространения на решения по семейным вопросам могла бы значительно облегчить ситуацию в случае, когда одной из сторон спора является иностранный гражданин или иностранная компания.

Особую актуальность эти мысли приобретают для юристов-практиков в условиях резкого кризиса всей системы международно-правовых отношений, это привело и к значительным последствиям для международного частного права, разрешения гражданско-правовых споров компаний из разных стран. Сам факт введения санкционного режима в отношении России и ее компаний привел в качестве ответной реакции российских судебных институтов к изменениям в законодательство на предмет отхода от принципа добросовестности при выполнении арбитражных оговорок.

Контрсанкционное правовое регулирование и предлагаемый в настоящем исследовании механизм антисанкционной оговорки как оговорке второго уровня к традиционной оговорке о публичном порядке представляют собой защитные механизмы для российской правовой системы, направленные на обеспечение интересов российских компаний и граждан в ходе международных судебных разбирательств. Подобная практика является чрезвычайной правовой мерой. И, как свойственно любой чрезвычайной правовой мере, несет в себе не только защитные механизмы, но и правовые риски. Главным из которых является угроза стабильности и предсказуемости гражданского оборота и разрешения возникающих в ходе него споров.

Отмеченная в исследовании востребованность в современных санкционных условиях инструментов защиты юрисдикции, свойственных деликтной (уголовно-правовой) ответственности и уголовно-правовому судопроизводству, несет

опасность для гражданского судопроизводства. Изначально следует признать, что учитывая разнообразие форм и сложность осуществления гражданской юрисдикции, единственно приемлемым вариантом является следование концепции договорного (многостороннего либо двустороннего) разрешения вопросов о конкуренции юрисдикции по различным категориям дел, а также разработанным коллизионным привязкам. Постепенное возвращение к приоритету договорного определения будет означать возвращение к нормальности и снижению доли чрезвычайности в правовом регулировании. Свою роль в этом процессе может сыграть взаимодействие с арбитражными и третейскими институтами разрешения споров из дружественных государств.

Практическая перспектива настоящего исследования также состоит в том, что актуальные политические процессы, рост политического и экономического влияния развивающихся государств, выразившееся, в частности, в усилении и расширении БРИКС, ряд экономических тенденций (переход в торговле на национальные валюты, перспективы юаня как резервной валюты) предоставляют новые возможности для соответствующего усиления юрисдикций этих стран. С большой долей очевидности следует предположить как объективный рост популярности рассмотрения споров между этими странами в национальных юрисдикциях, так и политические импульсы, ограничивающие возможности вынесения споров за пределы этих юрисдикций.

Какие уроки из конкуренции юрисдикций для себя может извлечь Россия? На постсоветском пространстве постепенно формируется новая система разрешения коммерческих споров между компаниями из стран Содружества Независимых Государств и формирующихся интеграционных объединений. Основным среди таких интеграционных объединений выступает Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который входят 5 стран (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия). Хотя в компетенцию Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией помимо той, которая прямо предусмотрена Договором о ЕАЭС и (или) международными

договорами в рамках ЕАЭС, в перспективе по мере и в случае действительного развития интеграционных процессов в рамках этого межгосударственного объединения надлежит кардинально пересмотреть роль судебных институтов ЕАЭС. Усиление влияния Суда ЕАЭС, формирование системы разрешения споров между компаниями входящих в это интеграционное объединение стран в перспективе может стать значимым факторов развития экономического сотрудничества.

В становлении системы взаимодействия российской юрисдикции и юрисдикции судов ЕАЭС, иных потенциальных интеграционных перспективно использование механизмов «диалога судей». Подлинной движущей силой диалога является конкуренция между юрисдикциями, борьба за влияние в правовом пространстве, продвижение своих моделей разрешения споров, основанных на национальном опыте и правовых традициях. Суду ЕАЭС следует воспринять ту настойчивость, с каким Суду Европейского Союза удалось утвердить феномен «права Европейского Союза» как самостоятельной правовой системы, существующей сверх и наряду с национальным правом стран Европейского союза параллельно и вместе с международным правом. При своем развитии суды интеграционных объединений должны опираться на поддержку высших судов стран-участниц. Повышению привлекательности российской юрисдикции и юрисдикции интеграционного объединения ЕАЭС может способствовать формирование системы специальных третейских судов, инвестиционных арбитражей. Одним из вариантов постепенного уменьшения количества дел с российским участием в судах Великобритании и стран ЕС может стать сотрудничество с судебными системами стран ЕАЭС.

Хотя не следует исключать и конкуренцию юрисдикций среди стран ЕАЭС, прежде всего следует отметить активную политику Казахстана как по развитию своей судебной системы, так и по формированию независимых от судебной системы страны учреждений по разрешению экономических споров. Не следует также исключать перспективу формирования в России квазисудебных органов,

различных институтов судов ad hoc, использующих в том числе международные практики урегулирования экономических споров.

Анализ практики их применения предопределил актуальность официальных разъяснений Верховного Суда РФ в отношении правил передачи споров с участием подсанкционных компаний в исключительную компетенцию арбитражных судов России и анализа последствий запрета на предъявление исков в иностранных судах. Также нуждается в определенности позиция в отношении международных арбитражей, расположенных на территориях стран, не вводивших санкции в отношении России.

В настоящем диссертационном исследовании изучен ряд актуальных вопросов современного состояния российской юрисдикции, проанализированы ведущие тенденции и показаны направления ее совершенствования. Безусловно, перспективы формирования в России современной и привлекательной для российского и иностранного бизнеса, российских и иностранных граждан юрисдикции зависят от чрезвычайно сложной совокупности политических и геополитических факторов, экономической политики, социальной психологии и международных отношений. Существенная роль в этом процессе принадлежит качеству правовой доктрины в целом, уровню развития гражданско-правового регулирования, в частности. При этом, также безусловно, что ключевая роль в достижении привлекательности и конкурентоспособности российской национальной юрисдикции принадлежит правоприменительной практике, вырабатываемой в ходе деятельности судебных и арбитражных органов. Можно утверждать, что современная российская правовая система характеризуется достаточно высоким уровнем правовой урегулированности и качеством законодательства. Поэтому именно от эффективно функционирующей и независимой судебной (арбитражной) системы зависит будущее российской национальной юрисдикции.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААС – Арбитражный апелляционный суд
АО – Акционерное общество
АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации
АСГМ – Арбитражный суд города Москвы
БВС РФ – Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации
БРИКС+ – межгосударственное объединение 10 крупных развивающихся стран (Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР, Египта, Эфиопии, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ).
ВАС РФ – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации
ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации
г. – год
гг. – годы
ГК РФ -Гражданский кодекс Российской Федерации
ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации
ЕАЭС – Евразийский экономический союз
ЕКПЧ – Конвенция о защите прав человека и основных свобод
ЕС – Европейский Союз
ЕСПЧ – Европейский суд по правам человека
ЕЭК – Евразийская экономическая комиссия
КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации
МФЦ–Астана – Международный финансовый центр –«Астана»
НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации
ООН – Организация Объединенных Наций
ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития
РГ – Российская газета
РФ – Российская Федерация
СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации
СНГ – Содружество Независимых Государств
СПС – Справочно-правовая система
СРО – саморегулируемая организация
Ст. – статья (-и)
ШОС – Шанхайская организация сотрудничества
С. – страница

AIAC – Азиатский международный арбитражный центр (г. Куала-Лумпур, Малайзия)
Bull. civ. – Bulletin des arrêts civils de la Cour de cassation (франц.)
C. Cass. – Cour de cassation (франц.)
Cass. Civ. I – Cour de cassation Chambre civile, première Chambre (франц.)
CPC – Code de Procédure Civile, Гражданский процессуальный кодекс Франции (франц.)
CPCE – Code des procédures civiles d'exécution (франц.), Кодекс гражданского исполнительного производства Франции
DIAC – Международный арбитражный центр Дубая (ОАЭ) (Dubai International Arbitration Centre)
HCCH – Гаагская конференция по международному частному праву (Hague Conference on Private International Law)
HKIAC – HongKong International Arbitration Centre (Международный арбитражный центр Гонконга)
ICC – Международный арбитражный суд при Международной торговой палате
ICC –Арбитражный суд Международной торговой палаты (Le Cour international d'arbitrage de la Chambre de commerce international) (франц.)
JOUE / OJ – Официальный журнал Европейского Союза (Journal Officiel de l'Union européenne) (франц.)
LCIA – Лондонский международный третейский Суд
P. – page (страница)
Rev. Arb – Revue De L'arbitrage (франц.)
SCC – Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма
SIAC – Сингапурский международный арбитражный центр (Singapore International Arbitration Centre
UNIDROIT – Международный институт унификации частного права (International Institute for the Unification of Private Law).
UNSITRAL – Комиссия ООН по международной торговле (United Nations Commission On International Trade Law - United Nations Commission On International Trade Law)
Vol. – volume (выпуск)

Список использованных нормативных правовых актов и научной литературы

1. Нормативные правовые акты

1.1. Конституция Российской Федерации

1.1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. [Электронный ресурс] // http://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 30.12.2024).

1.2. Международные договоры, акты и официальные документы международных организаций и конференций

1.2.1. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йоркская конвенция 1958 г.) // https://base.garant.ru/10164637/?ysclid=m2dsdamd1f249785032 (дата обращения: 30.12.2024).

1.2.2. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 г. (Вашингтонская конвенция) // https://base.garant.ru/2540235/?ysclid=m2dsdvgmxt394509938 (дата обращения: 30.12.2024).

1.2.3. Конвенция о признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам от 2 июля 2019 г. // https://minjust.gov.ru/ru/documents/7603/ (дата обращения: 30.12.2024).

1.2.4. Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам от 18 марта 1970 г. https://base.garant.ru/2541626/?ysclid=m2dscrbrbh270689626 (дата обращения: 30.12.2024).

1.2.5. Конвенция Гаагской конференции по международному частному праву (HCCH) о соглашениях о выборе суда от 30 июня 2005 г. (Hague Convention on Choice of Court Agreements 2005) Regulations 2018 (SI 2018/1124) // https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=98 (дата обращения: 30.12.2024).

1.2.6. Конвенция Содружества Независимых Государств о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, принятая

(Минск, 22 января 1993) // https://base.garant.ru/10119702/?ysclid=m2dsldvv4b3235391426 (частично утратила силу) (дата обращения: 30.12.2024).

1.2.7. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7 октября 2002 г.) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406603/?ysclid=m5kal3n0gt1248 5785 (дата обращения: 30.12.2024).

1.2.8. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 1992) // https://base.garant.ru/10104447/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/?ysclid=m2dsfj 6rue163776419 (дата обращения: 30.12.2024).

1.2.9. Соглашение о порядке взаимного исполнения решения арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях государств-участников Содружества (Москва, 06 марта 1998) // https://base.garant.ru/1154624/?ysclid=m2dsgnckd4272584824 (дата обращения: 30.12.2024).

1.2.10. Статут Суда Евразийского экономического союза. Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/59c6c990db8e37a1c23e0 1df97ee446e834cf60b/?ysclid=m69vnsd5ww355066504

1.2.11. Draft Hague Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil and Commercial Matters (2001) http://www.hcch.net/index_en.php?act=publications.details&pid=3499&dtid=35)

1.2.12. Решение Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 5 июля 2010 г. № 502 (с изм. От 10 октября 2011 г.) «О новой редакции Статута Суда Евразийского экономического сообщества, утвержденного Решением Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 27 апреля 2003 года № 122, и проекте Протокола о внесении изменений в Соглашение между Содружеством Независимых Государств и Евразийским экономическим сообществом о выполнении Экономическим Судом Содружества Независимых Государств функций Суда Евразийского экономического сообщества от 3 марта 2004 года» // URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103670/ (дата обращения: 30.12.2024).

1.2.13. Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, торговым и уголовным делам от 15 декабря 1997 г. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_ contract/47321 (дата обращения: 30.12.2024).

1.3. Нормативные правовые акты Российской Федерации

1.3.1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002.– № 30. – Ст. 3012.

1.3.2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от. 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

1.3.3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федер. закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

1.3.4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: федер. закон от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

1.3.5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18.12.2006 г. Раздел VI «Международное частное право (ст. 1186-1224)» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 549.

1.3.6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

1.3.7. О международных договорах Российской Федерации: федер. закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.

1.3.8. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

1.3.9. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: федер. закон от 28.02.2023 г. № 43-ФЗ // Рос. газета. – 2023.– 2 марта.

1.3.10. О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации (в ред. от 30.12.2021): федер. закон от 03.11.2015 № 297-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 45. – Ст. 6198.

1.3.11. О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств: федер. закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 24.– Ст. 3394.

1.3.12. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: указ Президента РФ от 20.05.2011 г. № 657 (ред. от 19.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 21.– Ст. 2930.

1.3.13. О применении мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств: указ Президента Российской Федерации от 23.04.2021 г. № 243 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 17. – Ст. 2949.

1.3.14. О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций: Указ Президента

Российской Федерации от 28.02.2022 г. № 79 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 10. – Ст. 1465.

1.3.15. О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации: указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 10. – Ст. 1466.

1.3.16. О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами: указ Президента РФ от 05.03.2022 г. № 95 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 10. – Ст. 1472.

1.3.17. О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций: Указ Президента Российской Федерации от 03.05.2022 г. № 252 (ред. от 22.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 19. – Ст. 3188.

1.3.18. О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования // Указ Президента Российской Федерации от 18.03.2022 г. № 126 (ред. от 14.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 12. – Ст. 1808.

1.3.19. О временном порядке исполнения финансовых обязательств в сфере корпоративных отношений перед некоторыми иностранными кредиторами: указ Президента РФ от 04.05.2022 № 254 (ред. от 09.09.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 19. – Ст. 3189.

1.3.20. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19.08.2011 г. № 694 (ред. от 02.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 35.– Ст. 5081.

1.3.21. О внесении изменения в пункт 2 методики определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без его согласия, и порядка ее выплаты: постановление Правительства РФ от 06.03.2021 г. № 299 // Собрание законодательства РФ. – 2022. –№ 11.– Ст. 1693.

1.3.22. О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы: постановление Правительства РФ от 29.03.2022 г. № 506 (ред. от 28.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 14. –Ст. 2286.

1.3.23. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 г. № 430-р (ред. от 29.10.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2022.– № 11. – Ст. 1748.

1.4. Нормативные правовые акты и иные официальные документы иностранных государств

1.4.1. Гражданский кодекс Франции (*Code civi*l) // https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (дата обращения: 30.12.2024).

1.4.2. Гражданский процессуальный кодекс Франции (*Code de procédure civile*) // https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070716 (дата обращения: 30.12.2024).

1.4.3. Кодекс судебной организации (*Code de l'organisation judiciaire*) // https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071164/ (дата обращения: 30.12.2024).

1.4.4. Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 № 438-V ЗРК «О Международном финансовом центре «Астана» https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39635390&pos=3;-106#pos=3;-106

1.4.5. Закон Великобритании об имплементации Гаагских конвенций 1996, 2005 и 2007 гг. и о применении других международных соглашений в сере международного частного права (Закон о международном частном праве (имплементации соглашений) 2020 г.) */ An Act to implement the Hague Conventions of 1996, 2005 and 2007 and to provide for the implementation of other international agreements on private international law. Private International Law (Implementation of Agreements) Act 2020. https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/24/section/1/enacted (дата обращения: 30.12.2024).*

1.4.6. Закон США о международных отношениях (*Restatement (Third) of U.S. Foreign Relations Law)*//

https://iow.eui.eu/wp-content/uploads/sites/28/2016/04/EU-15-Scott-Third-Restatement.pdf (дата обращения: 30.12.2024).

2. Материалы судебной практики

2.1. Материалы судебной практики Российской Федерации, Евразийского экономического союза, Содружества независимых государств

2.1.1. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление

Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 № 21-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 30. – Ст. 4658.

2.1.2. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 5. – Ст. 866.

2.1.3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы автономной некоммерческой организации «Центр арбитражного разбирательства» на нарушение ее конституционных прав частями 4 и 6, пунктом 4 части 8, частями 9 и 10 статьи 44 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 № 2362-О //https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30112021-n-2362-o/?ysclid=m2drjca6wr771130216

2.1.4. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12.

2.1.5. О судебном решении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 2.

2.1.6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.

2.1.7. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 8 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/

2.1.8. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // Рос. газета. – 2013. – 5 июля.

2.1.9. О применении норм международного частного судами Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 10.

2.1.10. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 1.

2.1.11. О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража: постановление Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 13.

2.1.11. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 12.

2.1.12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2024 г. № 305-ЭС23-15177 по делу № А40-248405/2022 // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408428971/

2.1.13. О действиях международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 8 //Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. –1999. – № 8.

2.1.14. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2006 г. № 4485/06 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2006. –№ 11.

2.1.15. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2006 г. № 4486/06 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 11.

2.1.16. Обзор практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 февраля 1996 г. № 10
// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18075/

2.1.17. Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами делам с участием иностранных лиц: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 158 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 9.

2.1.18. Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие: Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.1999 № С1-7/СМП-1341 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2000. – № 2.

2.1.19. О практике рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное решение третейских судов: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 декабря 2005 г. № 96 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 3.

2.1.20. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от

26.02.2013 г. № 156 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 5.

2.1.21. Решение Верховного Суда Российской Федерации № 308-ЭС23-10334 от 4 октября 2023 г. // https://sudact.ru/vsrf/doc/N1ppez4QQe1m/?ysclid=lnuoy7x6md436741153

2.1.22. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2002 г. № 34-Г02-2.

2.1.23. Определение Верховного Суда РФ № 304-ЭС24-2799 от 26.07.2024 при рассмотрении дела № А45-19015/2023 по кассационной жалобе АО «Новосибирскхлебопродукт» на определение Арбитражного суда Новосибирской области от 30.08.2023 по делу № А45-19015/2023

2.1.24. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № 575/08 по делу № А06-6957-2/2006.

2.1.25. Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28 мая 2008 г., № А56-22667/2007.

2.1.26. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 19 апреля 2012 г. по делу № А40-119397/11-63-950.

2.1.27. Постановление Федерального Арбитражного суда Московского округа от 22 февраля 2006 г. № КГ-А40/698-06-П.

2.1.28. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14 февраля 2006 г. № КГ-А40/247-06.

2.1.29. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 сентября 2009 г. по делу № А21-802/2009 // СПС КонсультантПлюс.

2.1.30. Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28 мая 2008 г. № А56-22667/2007.

2.1.31. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 19 апреля 2012 г. по делу № А40-119397/11-63-950:

2.1.32. Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 3 марта 2016 года по делу индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича (Республика Казахстан) к Евразийской экономической комиссии. https://base.garant.ru/71360772/?ysclid=m2droheo45685476353 (дата обращения 19.01.2025).

2.1.33. Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 4 апреля 2017 г. от 4 апреля 2017 г. № СЕ-2-1/1-17-БК по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь «О разъяснении положений статей 74,75,76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года». https://rulaws.ru/acts/Konsultativnoe-zaklyuchenie-Suda-Evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-ot-04.04.2017-N-SE-2-1_1-17-BK/?ysclid=m653awqizz944670051 (дата обращения 19.01.2025).

2.1.34. Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 08 апреля 2016 по делу № СЕ-1-2/3-16-КС [Электронный ресурс] // Постановление Суда ЕАЭС от 08.04.2016 по делу № СЕ-1-2/3-16-КС «О прекращении производства по делу по заявлению ООО «Производственное предприятие «Ремдизель» (РФ) о признании дополнительного примечания к позициям 8408 10 110 0 – 8408 10 990 0 ТН ВЭД ЕАЭС, содержащегося в таблице Пояснений к единой ТН ВЭД ЕАЭС (том 6,

разделы I–XXI, группы 1–97), являющихся приложением к Рекомендации Коллегии ЕЭК от 12.03.2013 № 4, противоречащим статье 5 Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года, а также Решению Совета ЕЭК от 16.07.2012 № 54» // Суд Евразийского экономического союза: сайт. http://courteurasian.org/ (дата обращения 19.01.2025).

2.1.35. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2014 г. № 18 «О применении судами законодательства о признании и исполнении решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений»» с изм. и доп, Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2017 г. № 11 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 05.10.2017, 6/1616 <S21700011>

2.2. Материалы судебной практики судов Совета Европы, Европейского Союза и государств-участников Европейского Союза

2.2.1. Регламент ЕС (ЕС) № 1215/2012 Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2012 года о юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам (в новой редакции) https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:351:0001:0032:en:PDF (дата обращения 19.01.2025).

2.2.2. Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I») https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32008R0593&qid=1703536133960 (дата обращения 19.01.2025).

2.2.3. Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32007R0864&qid=1703536074071 (дата обращения 19.01.2025).

2.2.4. Регламент (ЕС) № 2019/1111 от 25 июня 2019 года о юрисдикции, признании и приведении в исполнение решений по брачно- семейным делам и по вопросам родительской ответственности, а также о международной похищении детей https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019R1111&qid=1703534966513 (дата обращения 19.01.2025).

2.2.5. Регламент (ЕС) № 4/2009 от 18 декабря 2008 г. о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений и сотрудничества в вопросах, касающихся алиментных обязательств («Брюссель III») https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32009R0004&qid=1703535378476 (дата обращения 19.01.2025).

2.2.6. Регламент (ЕС) № 2020/1783 Европейского парламента и Совета от 25 ноября 2020 г. о сотрудничестве между судами государств-членов при сборе доказательств по гражданским или коммерческим делам (сбор доказательств) https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32020R1783 (дата обращения 19.01.2025).

2.2.7. Регламент (ЕС) № 2020/1784 Европейского парламента и Совета ЕС от 25 ноября 2020 года о вручении в государствах-членах ЕС судебных и внесудебных документов по гражданским и коммерческим делам https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32020R1784 (дата обращения 19.01.2025).

2.2.8. Проект Регламента (ЕС) о цифровизации судебного сотрудничества и доступе к правосудию по трансграничным гражданским, коммерческим и уголовным делам, а также о внесении изменений в некоторые законы в области судебного сотрудничества № COM/2021/759 final от 01 декабря 2021 года https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52021PC0759&qid=1703587587108 (дата обращения 19.01.2025).

2.2.9. Commission of European Communities ‘Green Paper on the Approximation, Mutual Recognition and Enforcement of Criminal Sanctions in the European Union’ COM(2004) 334 final (30 April 2008). (дата обращения 19.01.2025).

2.2.10. Protocol Concerning the Interpretation by the Court of Justice of the Convention of 27 September 1968 on Jurisdiction and the Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters, June 3, 1971 [1975] OJ L 204/28 - Протокол о толковании Судом Конвенции от 27 сентября 1968 года о юрисдикции и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам, 3 июня 1971) [1975] https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:41990A0728(01) (дата обращения 19.01.2025).

2.2.11. The Treaty for Conciliation. Judicial Settlement and Arbitration (with annexes) of 7 July 1965 between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and Switzerland, 605 UNTS - Соглашение о примирении сторон. Соглашение о судебном урегулировании и арбитраже (с приложениями) от 7 июля 1965 г. между Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии и Швейцарией, 605 UNTS. https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028012929a (дата обращения 19.01.2025).

2.2.12. Regulation (EC) 805/2004 of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 Creating a European Enforcement Order for Uncontested Claims (2004) OJ L 143/15. - Постановление (ЕС) 805/2004 Европейского парламента и Совета от 21 апреля 2004 г., устанавливающее европейский порядок принудительного исполнения неоспоримых требований (2004) OJ L143/15 // https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2004/805/oj/eng (дата обращения 19.01.2025).

2.2.13. Council Regulation (EC) 44/2001 of 22 December 2000 on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters (2001) OJ L 12/1 (Brussels I). - Постановление Совета (ЕС) 44/2001 от 22 декабря 2000 г. о

юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам (2001) OJ L12/1 (Брюссель I) // https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2001/44/oj/eng (дата обращения 19.01.2025).

2.2.14. Council Regulation (EC) 2201/2003 of 27 November 2003 concerning Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Matrimonial Matters and the Matters of Parental Responsibility, Repealing Regulation (EC) No 1347/2000 (2003) OJ L338/1 (Brussels IIa). - Постановление Совета (ЕС) 2201/2003 от 27 ноября 2003 г., касающееся юрисдикции, признания и приведения в исполнение судебных решений по семейным делам и вопросам родительской ответственности, отменяющее Постановление (ЕС) № 1347/2000 (2003) OJ L338/1 (Брюссельское соглашение о защите детей) // https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2003/2201/oj/eng (дата обращения 19.01.2025).

2.2.15. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21.10.2010 по делу «Петр Королев против Российской Федерации (жалоба № 38112/04). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/ doc/70073380/ (дата обращения: 22.02.2022).

2.2.16. ЮНСИТРАЛ, НССН и УНИДРУА. Правовое руководство по единообразным документам в области международных коммерческих договоров с уделением особого внимания купле-продаже, г. Вена, 2021 г. // https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/20-04609_ebook-russian.pdf (дата обращения 19.01.2025).

2.2.17. Решение Высшего земельного суда Гамбурга от 13 июля 2016 г., № 6 U 152/11

https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=OLG%20Hamburg&Datum=13.07.2016&Aktenzeichen=6%20U%20152/11 (дата обращения 19.01.2025).

2.2.18. M André X v société Avianca Inc et autres Cour de cassation [Court of Cassation] (Paris 20 February 2007) <http:// www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/premiere_chambre_civile_568/arrets_569/br_arret_9829.html> ((дата обращения 19.01.2025).

2.2.19. Judgment of the Court of 15 July 1964. Flaminio Costa v E.N.E.L. Case 6–64. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:61964CJ0006 (дата обращения 19.01.2025).

3. Монографическая и учебная литература

3.1. Авдеенко, Н.И. Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданского процессуального права / Н.И. Авдеенко. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. – 73 с.

3.2. Аргунов, В.Н. Размышления о гражданском процессе / В.Н. Аргунов. – М.: Юрайт, 2023. – 416 с.

3.3. Аристотель. Политика. Собрание соч. в 4 т. (Философское наследие) - М. Мысль, 1983. – 4 т. – 644 с.

3.4. Бартен, Э.-А. Основы международного частного права согласно французскому законодательству и судебной практике в 3-х т. / пер. с. франц. Д.В. Тариканова. – М.: Статут, 2019. - Т. I – 559 с.; Т.II. – 494 с.; Т. III – 400 с.

3.5. Барышников, П.С., Ворожевич, А.С., Загорулько, Л.П., Захарова, М.В., Кашанин, А.В., Козырева, А.Б., Красноженов, Г.Г., Малов, Д.В., Морев, Д.В., Посулихина, Н.С., Третьяков, С.В., Чураков, В.Д. После ВАС: российское экономическое правосудие сегодня и завтра. – М., 2015. – 720 с.

3.6. Беннет, А. и Граната, С. Когда международное частное право пересекается с правом интеллектуальной собственности – Руководство для судей. Гаага: Гаагская конференция по международному частному праву / А. Беннет, С. Граната. – Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 2019. – 114 с.

3.7. Брановицкий, К.Л. Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского Союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект) / К.Л. Брановицкий. М.: Статут, 2018. – 399 с.

3.8. Валеев, Р.М., Курдюков, Г.И. Международное право. Особенная часть / Р.М.Валеев, Г.И.Курдюков. - М.: Статут, 2010. – 623 с.

3.9. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского процесса. - М., 1917. (Классика российского права, проект «Консультант Плюс» http://civil.consultant.ru/elib/books/24/page_22.html)

3.10. Гарсиа Гарридо, М. Х. Римское частное право: казусы, иски, институты / Пер. с исп.; отв. ред. Л. Л. Кофанов / М.Х. Гарсиа Гарридо. – М. Статут, 2005. – 810 с.

3.11. Гетьман-Павлова, И.В., Касаткина, А.С., Филатова, М.А. Международный гражданский процесс / И.В. Гетьман-Павлова, М.А. Филатова. – М.: Юрайт, 2024. – 342 с.

3.12. Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози // М.: Международные отношения, 2009. – 453 с.

3.13. Дворкин, Р. Империя права / Р. Дворкин // М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 670 с.

3.14. Жилин, Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы / Г.А. Жилин // М.: Проспект, 2010. – 573 с.

3.15. Зайцев, Р.В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов / Р.В. Зайцев; науч. ред. В.В. Ярков. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 208 с.

3.16. Исполинов А.С. Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС) / А.С. Исполинов // М.: Юстицинформ, 2018. – 313 с.

3.17. Канашевский, В.А. Международное частное право: учебник / А.В.Канашевский // Международные отношения, 2019. – 1064 с.

3.18. Кашкин, С.Ю. Интеграционное правосудие: сущность и перспективы / С.Ю. Кашкин // М.: «Инфра-М», 2014. – 112 с.

3.19. Конев, Д.В. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных актов по гражданским и торговым делам в Германии и России: сравнительно-правовой анализ / Д. В. Конев; науч. ред. В. В. Ярков. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 256 с.

3.20. Литвинский, Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам: сравнительно-правовой анализ французского законодательства, судебной практики и юридической доктрины / Д.В. Литвинский // СПб.: Изд. Дом СПбГУ, 2005. – 950 с.

3.21. Лунц Л.А. Курс международного частного права. В 3-х т. (репринт по 2-му изд.: Т.1. – М.: Юридическая литература, 1973; Т.2. – М.: Юридическая литература, 1975; Т.3. – М.: Юридическая литература, 1976 (в соавторстве с Н.И. Марышевой) / Л.А. Лунц // М.: Спарк, 2002. – 1007 с.

3.22. Малешин, Д.Я. Гражданская процессуальная система России /Д.Я.Малешин // М.: Статут. 2011. – 494 с.

3.23. Мамаев А.А. Международная судебная юрисдикция по трансграничным гражданским делам /А.А. Мамаев // М., 2008. – 176 с.

3.24. Мамаев, А.А. Определение компетентного суда по гражданским делам с участием иностранных лиц: нормы иностранного права: учеб. пособие / А.А. Мамаев // Хабаровск: ХГАЭП, 2003. – 52 с.

3.25. Мандельштам, А.А. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т.1: Кодификация международного частного права / А.А. Мандельштам // СПб.: Типография А. Бенке, 1900. – 275 с.

3.26. Мартенс, В.В. Современное международное право цивилизованных народов / В.В. Мартенс // СПб.: Типография А. Бенке, 1904–1905.

3.27. Марышева, Н.И. Рассмотрение судами гражданских дел с участием иностранцев / Н.И. Марышева // М.: Юрид. лит., 1970. – 120 с.

3.28. Марышева, Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России: 2-е изд. / Н.И. Марышева // М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской

3.29. Международное инвестиционное право. Астана: 2024. – 554 с.

3.30. Морщакова, Т.Г. Судебное правоприменение в России: о должном и реальном / Т.Г. Морщакова // М., 2010. – 309 с.

3.31. Муранов, А.И. Исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: компетенция российских судов / А.И. Муранов // М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2002. – 168 с.

3.32. Муранов, А.И. Международный договор и взаимность как основания приведения и исполнения в России иностранных судебных решений / А.И. Муранов // М.: Статут, 2003. – 192 с.

3.33. Национальная юрисдикция: курс на конкурентоспособность правовой системы России: доклад / И. Барциц, О. Бинда, Е. Даниленко и др.; под общ. ред И.Н. Барцица и А.С. Еременко. - М.: Дело, 2019. – 222 с.

3.34. Нешатаева, Т.Н. Евразийская интеграция: роль суда. М.: Статут, 2015. – 301 с.

3.35. Никульшина, О.Г. Международная правовая помощь по гражданским и семейным делам: вопросы теории, международные соглашения, российское законодательства / О.Г. Никульшина // М.: Изд-во Института проблем риска, 2006. – 242 с.

3.36. О некоторых пунктах национального маршрута российского правосудия / В кн.: Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике / вступ. статья В. Д. Зорькина; вступ. слово С. С. Алексеева // М., 2010. – 432 с.

3.37. Осавелюк, Е.А. Международный гражданский процесс в системе российского права /Е.А. Осавелюк // СПб.: Изд-во «Лань», 2024. – 176 с.

3.38. Познер, Р.А. Экономический анализ права: в 2 т. Т. 2. / Р.А. Познер // СПб.: Экономическая школа, 2004. – 974 с.

3.39. Портер, М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран / пер. с англ./ М. Портер // М.: Альпина, 2018. – 895 с.

3.40. Решетникова, И.В., Ярков, В.В. гражданское право и гражданский процесс в современной России / И.В. Решетникова, В.В. Ярков; Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации, Уральский институт права. – Екатеринбург, Москва: Норма, 1999. – 302 с. – (Гражданский кодекс в действии: комментарии, практика и проблема). – Приложение: с. 281–302.

3.41. Рожкова, М.А., Елисеев, Н.Г., Скворцов, О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировой соглашение / под. общ ред. М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2008. – 528 с.

3.42. Саенко, Л.В., Щербакова, Л.Г. Актуальные проблемы гражданского права и процесса. М.: Юрайт, 2024. – 287 с.

3.44. Светланов, А.Г. Международный гражданский процесс: современные тенденции / А.Г. Светланов // М.: ТОН-Остожье, 2002. – 181 с.

3.45. Совесть Европы: 50 лет Европейскому Суду по правам человека. Российское издание. Kranj. Slovenia. 2012.

3.46. Стандарты справедливого правосудия. Международные и национальные практики / под. ред. Т.Г. Морщаковой // М., Мысль, 2012. – 584 с.

3.47. Тариканов Д.В. Конфликты квалификаций в международном частном праве / Д.В. Тариканов // М: Статут, 2024. – 486 с.

3.48. Харрис, О'Бойл и Уорбрик. Право Европейской Конвенции по правам человека [пер. с англ. Власихин В.А. и др.]. Научн. изд., 2-е издание, дополн. М.: Развитие правовых систем, 2019. – 1432 с.

3.49. Харт, Г. Л. А. Понятие права: пер. с англ. / под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 302 с.

3.50. Щукин, А.И. Унификация правил международной подсудности в многосторонних договорах универсального характера А.И. Щукин https://znanium.ru/catalog/document?id=279748

3.51. Щукин, А.И. Вопросы подсудности в международных договорах с участием России /А.И. Щукин // М.: Проспект, 2021. – 184 с.

3.52. Щукин, А.И. Международная унификация норм о признании и исполнении иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам / Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. Н.Г. Доронина // М.: Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительства Российской Федерации. - ИД «Юриспруденция», 2023.

3.55. Энгельман, И.Е. Об исполнении иностранных судебных решений в России / И.Е. Энгельман // СПб: Типография Правительствующего Сената, 1884. – 49 с.

3.54. Энтин, Л.М., Энтин, М.Л. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза / Л.М. Энтин, М.Л. Энтин. – М.: Норма, 2023. – 528 с.

3.55. Энтин М.Л. Международные судебные учреждения: роль международных арбитражных и судебных органов в разрешении межгосударственных споров / М.Л. Энтин // М.: Международные отношения, 1984. – 174 с.

3.56. Юрова, Н.М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации / Н.М. Юрова // М.: Волтерс Клувер, 2008. – 330 с.

3.57. Явич, Л.С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений / Л.С. Явич. – М., 1985. – 207 с.

4. Диссертационные исследования

4.1. Борисова, А.Н. Доктрина обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства (renvoi): дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Борисова Алина Николаевна. – М., 2008. – 200 с.

4.2. Гайдеров, А.А. Традиционные и религиозные факторы в формировании правовой системы России: дис. ... канд юрид наук [Текст] / Гайдеров Александр Анатольевич. – М., 2002. – 190 с.

4.3. Гафаров, С.Э. Основные модели международной подсудности гражданских дел в национальном праве: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Гафаров Сергей Эдуардович. – Воронеж, 2013. – 230 с.

4.4. Гулягин, А.Ю. Основы правоохранительной деятельности органов административной юрисдикции: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Гулягин Александр Юрьевич. – М.: РГБ, 2014 – 450 с.

4.5. Гурбанов, Р.А. Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики: дис. … д-ра. юрид. наук [Текст] / Гурбанов Рамин Афад оглы. – М., 2016. – 387 с.

4.6. Загайнова, К.С. Судебные акты в гражданском арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Загайнова Светлана Константиновна. – Екатеринбург, 2008. – 485 с.

4.7. Зайцев, О.В. Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Зайцев Олег Владимирович. – М., 2017. – 447 с.

4.8. Зайцев Р. С. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Зайцев Роман Васильевич. - Екатеринбург, 2005. – 216 с.

4.9. Замышляев, Д.М. Виды судебных юрисдикций: сравнительно-правовой и исторический подход: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Замышляев Дмитрий Михайлович – М., 2017. – 244 с.

4.10. Исполинов А.С. Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС): дисс. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Исполинов Алексей Станиславович. – М., 2018. – 346 с.

4.11. Каюмова, А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве (вопросы теории и практики): автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Каюмова Альфия Револевна. – Казань, 2016. – 39 с.

4.12. Кольцов, Б. И. Критика буржуазных теорий по вопросам действия коллизионной нормы в международном частном праве: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Кольцов Борис Иванович. – М., 1973. – 180 с.

4.13. Костин, А.А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Костин Александр Алексеевич. – М., 2018. – 266 с.

4.14. Литвинский, Д.В. Вопросы признания и исполнения решений судов иностранных государств: на основе анализа права Франции и России: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Литвинский Дмитрий Вячеславович. – СПб, 2003. – 243 с.

4.15. Лиц, М.О. Признание и исполнение решений иностранных судов и арбитражей в Российской Федерации: соотношение международно-правовой и внутригосударственной регламентации: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Лиц Марина Олеговна, – Казань, 2002. – 191 с.

4.16. Малышкин, А.В. Интегрированная юрисдикция (доктрина, практика, техника): автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Малышкин Александр Викторович. – Нижний Новгород, 2021. – 437 с.

4.17. Мамаев, А.А. Международная судебная юрисдикция по гражданским делам с участием иностранных лиц: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / мамаев Андрей Андреевич. – Хабаровск, 2001. – 232 с.

4.18. Марусин, И.С. Международные судебные учреждения, стороной разбирательства в которых вправе выступать физические лица: новые тенденции развития и совершенствования их деятельности: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Марусин Игорь Станиславович. – СПб, 2008. – 383 с.

4.19. Осавелюк, Е.А. Определение места международного гражданского процесса в системе российского права): дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Осавелюк Елена Алексеевна. – М., 2004. – 234 с.

4.20. Плигин, В.Н. Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений в ЕС и ЕАСТ: дис. … канд. жрил. Наук [Текст] / Плигин Владимир Николаевич. – М., 1994. – 171 с.

4.21. Тариканов, Д.В. Конфликты квалификаций в международном частном праве: дис. … д-ра. юрид. наук [Текст] / Тариканов Дмитрий Викторович. – М., 2024. – 550 с.

4.22. Терентьева, Л.В. Судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам в киберпространства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Терентьева Людмила Вячеславовна. – М., 2021. – 61 с.

4.23. Трубачева, А.В. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам в ЕАЭС и ЕС: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Трубачева Анастасия Васильевна. – М., 2019. – 263 с.

4.24. Чайка, К.Л. Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Чайка Константин Леонтьевич. – М., 2022. – 420 с.

4.25. Шевченко, И.М. Проблемы рассмотрения дел с участием иностранных лиц в российском арбитражном процессе: международная подсудность, судебные извещения, средства доказывания: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Шевченко Илья Михалович – СПб., 2012. – 277 с.

4.26. Шеповалова, О.А. Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Шеповалова Олеся Александровна. – СПб., 2024. – 217 с.

4.27.Litvinsky D. La reconnaissance des décisions de justice étrangères: une étude comparative du droit russe par l'entremise du droit français», thèse soutenue en 2007 à Paris 2.

4.28. Kouteeva-Vathelot T. L’évolution du régime de la compétence internationale en droit international privé russe», thèse soutenue en 2010 à Paris 2.

5. Научные статьи

5.1. Аверин, Д.Д. Исполнение советскими судами поручений иностранных судов и обращение судов СССР с поручениями в иностранные суды // Д.Д. Аверин // Правоведение. – 1985. – № 1. – С. 89–96.

5.2. Агаларова, М.А. Кижаева, А.А. Признание и исполнение иностранных судебных решений в России / М.А. Агаларова, А.А. Кижаева // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 1. – С. 84–92.

5.3. Ансель, Ж.-П., Аббаси М. Исполнение иностранных судебных решений / Ж.-П. Ансель, М. Аббаси // Журнал российского права. – 2006. – № 8. – С. 23–46.

5.4. Антироссийские санкции и запрет ведения разбирательства за рубежом. Обзор судебной практик. Подготовлен Адвокатским бюро КИАП KIAPalerts https://www.kiaplaw.ru/upload/medialibrary/777/hp33vjd1x5frfg0jb7zh064ar9s1pkeh/KIAP_antisuit_2022.pdf (дата обращения: 12 декабря 2023).

5.5. Бабкин, А.И. О некоторых проблемах защиты прав российских предпринимателей в связи с решениями иностранных судов и иностранными арбитражными решениями (по материалам судебных дел) / А.И. Бабкин // Российский судья. – 2015. – № 5. – С. 3–7.

5.6. Бабкин С.А. Юрисдикция в частном праве: Гражданское право: акутальные проблемы теории и практики / под. Общ. Ред. В.А. Белова / - М.: Юрайт, 2009. – С. 957–993.

5.7. Барциц, И.Н. Конкуренция и сотрудничество национальных юрисдикций: следует ли юрисдикция за флагом: – В книге «Национальные юрисдикции в системе международного сотрудничества (российско-французское исследование) / И.Н. Барциц // М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. – 2021. – С.34–57.

5.8. Батлер, У.Э. Еще раз о термине международное частное право в русском языке/ У.Э. Батлер // Российский ежегодник международного права-2023. СПб., ООО контраст, 2024. – С. 239–241.

5.9. Батлер, У.Э. Место российского права в мировом юридическом пространстве / У.Э. Батлер // Журнал российского права. – 2011. – № 4. – М. 96–104.

5.10. Батлер, У.Э., Ерпылева Н.Ю. Производство по делам с участием иностранных лиц в международном процессуальном праве России и Белоруссии / У.Э. Батлер, Н.Ю. Ерпылева // Цивилист. – 2013. – № 2. – С.87–96.

5.11. Белоусова, О.В. Источники правового регулирования в рамках Европейского Союза: унификация международного частного права / О.В. Белоусова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2011. – № 6. – С.140–145.

5.12. Бойко К.С. Признание и исполнение иностранных судебных решений во Франции: особенности при наличии и в отсутствие международного договора с государством вынесения судебного решения / К.С.Бойко // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – № 1.– С.144–148.

5.13. Борисов, В.Н. Гаагская конвенция о судебных решениях 2019 г.: глобальное признание и исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам (обзор Международной конференции, состоявшейся в Гонконге 9 сентября 2019 г.) / В.Н. Борисов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2011. – № 6. – С.140-145.

5.15. Брановицкий, К.Л. Актуальное правовое регулирование вопросов международной компетенции в правопорядках государств-членов ЕАЭС. Влияние отдельных правовых реформ Республики Казахстан на действующее международное регулирование в сфере гражданского процесса / К.Л. Брановицкий // Российский юридический журнал. – 2018. – № 6. – С. 139–14.

5.16. Бутакова, А.Я. Конрсанкционное регулирование: сравнительно-правовой анализ (Россия и Китай) / А.Я. Бутакова // Право и политика. – 2024. – № 10. – С. 59–71.

5.17. Бычихин, М., Александров, Г. Выбор места разрешения спора: риски арбитражных оговорок на ГМАЦ с учетом дела ООО «Русхимальянс» и Linde GmbH / М. Бычихин, Г. Александров // https://denuo.legal/ru/insights/news/230723/ (дата обращения: 12 декабря 2024).

5.18. Варьей-Соммьер, П., Гетьман-Павлова, И.В. Международный и внутренний публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений (правоприменительный опыт Франции и России) /

П. Варьей-Соммер, И.В. Гетьман-Павлова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 1. – С. 140–168.

5.19. Варьей-Соммьер, П., Гетьман-Павлова, И.В. Нарушение «сверхимперативных норм» как основание отказа в признании и использовании иностранных арбитражных решений (судебная практика Франции и России)/ П. Варьей-Соммер, И.В. Гетьман-Павлова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 22–42.

5.20. Васильева, Е.А. Россия и Германия: долгий путь к взаимному признанию иностранных судебных решений / Е.А. Васильева // Океанский менеджмент. – 2018. – № 2 (3). – С. 47–50.

5.21. Васильчикова, Н.А. Международный гражданский процесс как составная часть внутригосударственного гражданского процессуального права / Н.А. Васильчикова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2003. – № 3. – С.37–41.

5.22. Величковский, А. Проблемные аспекты понятия «юрисдикция Международного суда ООН» / А. Величковский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 4. https://evolutio.info/ru/journal-menu/2000-4/2000-4-velichkovski (дата обращения: 12 декабря 2024).

5.23. Войтович, Е.П. Признание и исполнение иностранных решений по семейным делам в Российской Федерации / Е.П. Войтович // Российский юридический журнал. – 2021. – № 6. – С. 91–102.

5.24. Волгина, Н.А. Россия в мировых потоках иностранных инвестиций / Н.А. Волгина // Вестник РУДН, серия Экономика. – 2014. – № 4. – С.47–61.

5.26. Володарский Д.Б. К вопросу о рецепции доктрины эстоппель: процессуальный аспект (часть 1) / Д.Б. Володарский, И.Н. Кашкарова // Закон. – 2021. – № 7. – С.106–116.

5.26. Воронцова, И.В. Нормативное регулирование направления и исполнения судебных поручений российскими и иностранными судами/ И.В. Воронцова // Журнал российского права. – 2007. – № 6. – С. 47–55.

5.27. Вунукайнен, В.С. Исключительная компетенция российских судов по санкционным спорам: падающего толкни? / В.С. Вунукайнен // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 7: Сборник статей / отв. ред. Ю.Н. Муллина. – М.: Российский институт современного арбитража, 2022. – С. 77–115.

5.28. Габов, А.В., Антисанкционные меры в российском праве / А.В. Габов // Труды Института государства и права РАН. – 2023. –Том 18. – № 3.–С. 96-141.

5.29. Габов, А.В., Ганичева, В.С., Глазкова, М.Е., Жуйков, В.М., Ковтков, Д.И., Лесницкая, Л.Ф., Марышева, Н.И., Шелютто, М.Л. Конвенция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительства Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – С.5–25.

5.29. Гаджиев, Х. И.Ф. Роль диалога судей в утверждении верховенства права / Х.И.Ф. Гаджиев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 1. – С. 33–35.

5.30. Гальперин, М.Л. Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ / М.Л. Гальперин // Вестник экономического правосудия РФ. – 2021. – № 1. – С. 72–81.

5.31. Гальперин, М.Л. Живая и мертвая вода российской юрисдикции / М.Л. Гальперин // Вестник экономического правосудия РФ. – 2023. – № 11. – С. 198 – 206.

5.32. Гетьман-Павлова, И.В. Процессуальные коллизионные нормы в международном частном праве и международном гражданском процессе / И.В.Гетьман-Павлова // Журнал российского права. – 2018. – № 3. – С.84 – 96.

5.33. Гололобов, Дм. Свои правила: как Верховный суд Британии поможет Конституционному суду России «одолеть» ЕСПЧ // https://pravo.ru/review/face/view/126068/

5.34. Дедов, Д.И. Право на справедливый суд: новые вызовы и возможности в условиях технологизации судопроизводства / Д.И.Дедов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19. – № 1. – С. 38–45.

5.35. Дораев, М.Г. Санкционные споры в российских судах (комментарий к новеллам АПК РФ – статьям 248.1 и 248.2) / М.Г.Дораев // Оборонно-промышленный комплекс. – 2020. – № 4.

5.36. Дъяченко, Е.Б. Per aspera ad astra: применение права Евразийского экономического союза судами Российской Федерации/ Е.Б. Дъяченко // Труды института государства и права РАН. – 2022. – Т. 17. – № 6. – С. 121–139.

5.37. Дъяченко, Е.Б., Энтин К.В. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС / Е.Б.Дъяченко, К.В. Энтин// Энтин, К.В. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС / Е.Б. Дъяченко, К.В. Энтин // Журнал российского права. – 2018. - № 10 (262). – С.123–133.

5.38. Ерёменко, А.С. Изъятие имущества российских лиц в зеркале международно-правовой политики санкций / А. С. Ерёменко // Российская юстиция. – 2022. – № 9. – С. 76–80.

5.39. Ерёменко, А.С. К вопросу о судебной эргономике, или как повысить качество правоприменительного процесса? / А.С. Еременко // Российская юстиция. – 2020. – № 1. – С. 5-11.

5.40. Ерпылева, Н.Ю., Клевченкова М.Н. Унификация норм о международной судебной юрисдикции в международном процессуальном праве / Н.Ю. Ерпылева, М.Н. Клевченкова // Международное право и международные организации. – 2013. – № 3. – С. 343–378.

5.41. Ерпылева, Н.Ю., Максимов Д.М. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений: национальное и региональное измерение // Н.Ю. Ерпылева, Д.М. Максимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 200–222.

5.42. Ерш, А.В. «Исполнить нельзя отказать»: еще раз к вопросу о возможности приведения в исполнение решений иностранных судов на территории

Российской Федерации в отсутствие международного договора (начало) / А.В. Ерш // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 5. – С. 149–160.

5.43. Жильцов, А.Н., Карабельников Б.Р. Режим «стратегических инвестиций: новеллы или коллизии? / А.Н. Жильцов, Б.Р. Карабельников // Вестник гражданского права. – 2009. – № 4. – С. 141–162.

5.44. Жоффруа, К. Новый регламент ЕС о подсудности, признании и исполнении иностранных судебных решений по гражданским и коммерческим делам – шаг к окончательной отмене экзекватуры в Европе / К.Жоффруа // Закон. – 2013. – № 11. – С. 130–134.

5.45. Зайцев, В.В. О мировоззренческом аспекте методологии гражданского права / В.В. Зайцев, В.А. Рыбаков // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сб. научных статей. Ежегодник / отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. Вып. 2. М. – Статут, 2017. – С.22–32.

5.46. Зайцев, О.В. Привлекательная юрисдикция – развитие бизнеса, развитие страны // Государственная служба. – 2019. – № 1. – С.86–88.

5.47. Зимненко, Б.Л. К вопросу об исполнении и признании иностранных судебных и арбитражных решений при условии взаимности // Журнал российского права. – 2006. – № 8. – С. 58–64.

5.48. Иванов, Е.И. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных, арбитражных решений, нотариальных актов и медиативных соглашений с иностранным элементом: нужны ли международный договор и взаимность? / Е.И.Иванов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. - № 10. – С. 49–53.

5.49. Изгагина, Т.Ю. Значение решений Суда ЕАЭС в становлении наднационального законодательства // Современная наука. – 2021. – № 6. – С. 22–26.

5.5. Исполинов, А.С. Договор о Евразийском Союзе как инструмент поражения в правах Суда ЕАЭС https://zakon.ru/blog/2014/6/11/dogovor_o_evrazijskom_soyuze_kak_instrument_porazheniya_v_pravax_suda_evrazes_chast_1?ysclid=lnvx4b2cdl245049665

5.51. Исполинов, А.С. Ускользающая красота национальной конституционной идентичности: судебная практика Европейского Союза. https://zakon.ru/blog/2017/5/17/uskolzayuschaya_krasota_nacionalnoj_konstitucionnoj_identichnosti_sudebnaya_praktika_evropejskogo_so

5.52. Исполинов, А.С. Диалектика взаимодействия конституционного и международного правосудия на примере Европейского Суда по правам человека. Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека = Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights. Роль прецедента в толковании Европейской конвенции по правам человека. Т.4. Развитие правовых систем / А.С. Исполинов // М., 2018. – С. 315–330.

5.53. Исполинов, А.С. Договор о Евразийском Союзе как инструмент поражения в правах Суда ЕАЭС https://zakon.ru/blog/2014/6/11/dogovor_o_evrazijskom_soyuze_kak_instrument_poraz

heniya_v_pravax_suda_evrazes_chast_1?ysclid=lnvx4b2cdl245049665 (дата обращения: 12 декабря 2024).

5.54. Исполинов, А.С. Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие» / А.С. Исполинов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С.105–120.

5.55. Исполинов, А.С., Кадышева, О.В. «Старые» и новые проблемы в деятельности и в практике Суда ЕАЭС на примере решения Суда Евразийского экономического союза по делу ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг»/ А.С. Исполинов, О.В. Кадышева // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 7 (158). – С. 21–27.

5.56. Кайсин Д.В., Безрученков М.В. Исполнение российских судебных решений за рубежом: современные тенденции/ Д.В. Кайсин, М.В. Безрученков // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2016. – № 2. – С. 161-168

5.57. Как перенести международный спор в Россию? Обзор практики за 2022 год - первое полугодие 2023 года. Юридическая фирма VEGAS LEX https://www.vegaslex.ru/upload/medialibrary/d72/ygio95q2zx10t7tt8xenqsw4zlr1a394/VL_Report_kak_perenesti_megdunarodny_spor_v_RF.pdf (дата обращения: 12 декабря 2024).

5.58. Калиниченко, П.А. Эволюция норм и стандартов ЕС в сфере признания и исполнения решений по гражданским делам / П.А. Калиниченко, С.А. Михайлова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 1 (38). – С. 125–136.

5.59. Каменков, В.С. Опыт хозяйственных судов Республики Беларусь по признанию и приведению в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений / В.С. Каменков // Арбитражный и гражданский процесс. – М.: Юрист, 2007. – № 2. – С. 43–48.

5.60. Канашевский, В.А. Проблема квалификации в международном частном праве / В.А. Канашевский // Журнал российского права. – 2021. – № 9. – С. 33–46.

5.61. Карабельников, Б.Р. Российское правосудие защитит обиженных россиян / Б.Р. Карабельников // Закон. – 2020. – № 7. – С. 109–121.

5.62. Каюмова, А.Р. Суверенитет и юрисдикция государства: проблемы соотношения/ А.Р. Каюмова // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 9. – С.12–15.

5.63. Клишас А.А. Политико-правовой анализ ограничительных мер, введенных в отношении Российской Федерации, ее граждан и юридических лиц некоторыми интеграционными объединениями и зарубежными государствами // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 1. – С. 41–64.

5.64. Козлихин, И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву / И.Ю. Козлихин // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 31–40.

5.65. Корецкий, В.М. Территориальные пределы исполнительной силы судебных решений по гражданским делам (по поводу циркуляра Верхсуда РСФСР от 8.12. 1923 г. за № 72 // Корецкий В.М. Избранные труды: В 2 кн /АН УССР. Институт государства и права. – Киев: Наук. Думка, 1989, Т.1. – С. 66–70.

5.66. Куделич, Е.А. Трансграничное исполнение судебных решений в России: в плену устоявшихся стереотипов или поступательное движение вперед? / Е.А. Куделич // Закон. – 2015. – № 5. – С. 143–157.

5.67. Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных решений и право на судебную защиту: вопросы соотношения / Е.Н. Кузнецов // Юридические исследование. – 2018. – № 10. – С. 10–20.

5.68. Латур, Кс. Независимость – элемент легитимности французского административного судьи: – В книге «Национальные юрисдикции в системе международного сотрудничества (российско-французское исследование). М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – С.15–33.

5.69. Лаутс, Е.Б. Антисанкционное регулирование рынка банковских услуг и антикризисный правовой режим банковской деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2023. – № 1. – С.70–79.

5.70. Лисицын-Светланов, А.Г. К вопросу о выборе права и выборе юрисдикции во внешнеэкономических контрактах // Комаров А.С. (ред.) Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: Сборник статей. М., 2007. – С.275–285.

5.71. Литвинский, Д.В. «Исполнить нельзя отказать»: еще раз к вопросу о возможности приведения в исполнение решений иностранных судов на территории Российской Федерации в отсутствие международного договора / Д.В. Литвинский // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской. Федерации. – 2006. – № 4 (С. 149). – № 5 (С.140).

5.72. Литвинский, Д.В. Газпромбанк во Франции: все в полном экзекватуре / Д.В.Литвинский //
http://zakon.ru/Blogs/gazprombank_vo_francii_vse_v_fulnom_ekzekvature/5674 (дата обращения: 12 декабря 2024).

5.73. Литвинский, Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам: сравнительно-правовой анализ французского законодательства, судебной практики и юридической доктрины / Д.В. Литвинский // СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2005. – С. 109–127.

5.74. Литвинский, Д.В. Европейские санкции. Цель не ясна, механизмы запутанны. Можно ли уже сейчас говорить о фактическом запрете в Европе экзекватуры решений российских арбитражных судов? / Д.В.Литвинский // https://zakon.ru/blog/2024/12/17/evropejskie_sankcii_cel_ne_yasna_mehanizmy_zaputanny_mozhno_li_uzhe_sejchas_govorit_o_fakticheskom_z (дата обращения: 12 декабря 2024).

5.75. Литвинский, Д.В. Оговорка о публичном порядке и признание иностранных судебных решений во французском праве / Д.В.Литвинский // Закон. – 2013. – № 2. – С.78–86.

5.76. Мамаев, А.А. Одновременное рассмотрение гражданского дела судами разных государств *(lis alibis pendens)* // А.А.Мамаев // Внешнеторговой право. – 2006. – № 2. – С.2–4.

5.77. Марков, П.А. О приведении в исполнение решений судебных мест иностранных государств / П.А. Марков // Журнал министерства юстиции. 1864. Год шестой. Т. XXII. С. 25–46 (октябрь); С. 211–-244 (ноябрь).

5. 78. Марышева Н.И. Вопросы признания и исполнения в России решений иностранных судов / Н.И. Марышева // Журнал российского права. – 2006. – № 8. – С. 9-22.

5.79. Махонин, Ю., Петерс, О. Признание и исполнение иностранных арбитражных решений и решений иностранных судов по экономическим спорам на территории РФ. Часть I / Ю. Махонин, О. Петерс // Корпоративный юрист. – 2008. – № 8. – С.59–61.

5.80. Мельник, Н.Н. Вопросы исключительной юрисдикции российских судов по делам юридических лиц, являющихся субъектами секторальных санкций США и Евросоюза / Н.Н. Мельник // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 1. – С. 33-42.

5.81. Мельник, Н.Н. Новые ограничения на коммерческий экспорт и реэкспорт в Россию оборонных изделий и услуг введены Министерством торговли США / Н.Н. Мельник // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. – 2020. – № 4.

5.82. Мельник, Н.Н. Секторальные санкции США: анализ, процедура расследования, комплаенс / Н.Н. Мельник // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. – 2020b. – № 2. – С. 91–95.

5.83. Минюст предоставил право работы в РФ гонконгскому и спортивному арбитражам https://minjust.gov.ru/ru/events/47439/ Дата доступа: 12 декабря 2023 г.

5.84. Моисеенко К. Комментарий к закону о переносе в Россию споров с участием лиц, попавших под санкции // https://zakon.ru/blog/2020/06/26/kommentarij_k_zakonu_o_perenose_v_rossiyu_sporov_s_uchastiem_lic_popavshih_pod_sankcii

5.85. Мордовцев, А.Ю. Национальная правовая система: от философско-правового дискурса к этноантропологическому измерению / А.Ю. Мордовцев // Философия права. – 2014. – № 1 (62). – С. 96–101.

5.86. Муранов А.И. Компетенция судов общей юрисдикции рассматривать предпринимательские споры с участием иностранных лиц в свете нового АПК РЫ / А.И. Муранов // Московский журнал международного права. 2002. – № 3. – С. 127–150.

5.87. Мусин, В.А. Об исполнении иностранных судебных решений в Российской Федерации / В.А. Мусин // Арбитражные споры. – СПб. – 2013. – № 1. (61). – С.75–81.

5.88. Нешатаева Т.Н. «Право на суд» в решениях Европейского суда по правам человека и арбитражных судов Российской Федерации / Т.Н. Нешатаева // Вестник Высшего Арбитражного Суда. – 2006. – № 2. – С. 122–132.

5.89. Нешатаева Т.Н. Международный судья: ничего личного / Т.Н. Нешатаева // Международное правосудие. – 2019. – № 1 (29). – С. 23–42.

5.90. Нешатаева Т.Н. Судебное толкование / Т.Н. Нешатаева //Пермский юридический альманах. – 2023. – № 6. – С. 121–144.

5.91. Олифер, Ю.В. Признание и исполнение иностранных арбитражных решений / Ю.В. Олифер // Материалы научной сессии. Волгоград, 20–27 апреля 2003 г., Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. Вып. 1. – С. 62–63.

5.92. Очередько, В.П. Развитие судебных органов интеграционных объединений на постсоветском пространстве/ В.П.Очередько // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – 2021. – № 5 (81). – С. 179–187.

5.93. Папкова, О.А. Международная специальная юрисдикция (альтернативная подсудность) в гражданском процессе государств - участников Европейского Союза / О.А. Папкова // Вестник Московского университета / Серия «Право». – 2001. – № 2. – С. 56-68.

5.94. Паращук, К.В. Судебная реформа в России: результаты и перспективы / К.В. Таращук // Теология. Философия. Право. – 2021. – № 2 (16). – С. 51–60.

5.95. Патенкова, Ю.А. «Процессуальная революция» в суде кассационной инстанции: проблемы и перспективы / Ю.А. Патенкова // Вопросы российской юстиции. – 2020. – Вып. 7. – С. 470–474.

5.96. Рыжков, К.Б. Инкорпорация международных актов в российское законодательство и конкуренция юрисдикций / К.Б.Рыжков // Мониторинг правоприменения. – 2012. – № 4. – С. 41–47.

5.97. Светланов, А.Г. Проблемы взаимосвязи судопроизводства в международном гражданском процессе / А.Г. Светланов // Государство и право. – 2002. – № 1. – С. 41–47.

5.98. Старженецкий В.В., Бутырина В.А., Курицына К.С. Российское антисанкционное регулирование: современное состояние и пути совершенствования / В.В. Старженецкий, В.А. Бутырина, К.С. Курицына // Закон. –2021. –№ 3. –С. 119–142.

5.99. Судебная практика по гражданским и экономическим делам о признании и исполнении решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений (по материалам обзора) // Судов Весник. Афіцыйнае выданне Вярхоунаго Суда Рэспублікі Беларусь. – № 1. – 2015. – С.23–33.

5.100. Сянмань, Ш., Иностранные арбитражные решения в Китае: признание и приведение в исполнение / Ш. Сянмань // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2005. – № 3 (7). – С.61–65.

5.101. Тариканов, Д.В. Иностранные судебные решение о личном статусе во французском правопорядке / Д.В. Тариканов // Закон. – 2022. – № 11. – С. 188–197.

5.102. Тариканов, Д.В. Взаимосвязь квалификации и публичного порядка в международном частном праве/ Д.В. Тариканов // Журнал российского права. – 2024. – № 3. – С. 80–92.

5.103. Терентьева, Л.В. Общеправовая презумпция jura novit curia и отраслевая презумпция jura aliena novit curia международного гражданского процесса / Л.В. Терентьева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 3. – С. 195–213.

5.104. Терентьева, Л.В. Соотношение понятий «Юрисдикция» «Суверенитет» / Л.В. Терентьева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2016. – №. 12 (28). – С. 126–133.

5.105. Терентьева, Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ Л.В.Терентьева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 3. – С. 160–180.

5.106. Трубачева, А.В. Основные тенденции развития правовых механизмов приведения в исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам в Европейском Союзе / А.В. Трубачева // Вопросы российского и международного права. – 2017. – № 2А. – С. 123–138.

5.107. Трубачева, А.В. Концепция исполнимости иностранных судебных решений по экономическим спорам в Европейском Союзе / А.А. Власов, А.В. Трубачева // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2017. – № 2 (45). – С. 112–116.

5.108. Хабриева, Т.Я. Международное сотрудничество в области признания и исполнения иностранных судебных решений / Т..Я Хабриева // Журнал российского права. – 2006. – № 8 (116). – С.406.

5.109. Хлестова, И.О. Актуальные вопросы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в Российской Федерации // Комаров А.С. (ред). Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: Сб. статей. – М., 2007. – С. 475–492.

5.110. Хлестова, И.О. Признание и исполнение иностранных арбитражных решений / И.О. Хлестова // Журнал российского права. – 2006. – № 8. – С. 47–57.

5.111. Ходыкин, Р.М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе и международном арбитраже // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / сост. и науч. Ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. – М., 2013. – С. 274–296.

5.112. Ходыкин, Р.М. Выигрышность английской юрисдикции в том, что суды разумно подходят к толкованию договора и всегда стараются защитить его действительность / Р.М.Ходыкин // Закон. – 2016. – № 1. – С. 9–22.

5.113. Цветкова Е.Е. Виды судебных актов, подлежащих признанию и приведению в исполнение на территории Республики Беларусь в рамках оказания международной правовой помощи по гражданским делам // Консультант Плюс: Белаурсь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

5.114. Цветкова Е.Е. Виды судебных актов, подлежащих признанию и приведению в исполнение на территории Республики Беларусь в рамках оказания международной правовой помощи по гражданским делам // СПС «КонсультантПлюс: Беларусь» (дата обращения: 12 декабря 2024).

5.115. Чайка, К.Л. Суд интеграционного объединения как международный судебный орган / К.Л. Чайка // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 147–166.

5.116. Черниченко, О.С. Устранение конкуренции юрисдикций государств: внутригосударственные и международно-правовые подходы / О.С. Черниченко // Московский журнал международного права. – № 4. – С. 222–242.

5.117. Черной против Дерипаски. Часть 1: Как Англия стала более подходящей, чем Россия// htpp://zakon.ru/Blogs/OneBlog/3787 (дата обращения: 12 декабря 2024).

5.118. Шебанова, Н.А. Признание и исполнение иностранных решений: Признание и исполнение иностранных судебных решений по экономическим спорам: документы и комментарии/ Н.А. Шебанова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: спец. Приложение к № 3. – М.: ЮРИТ-Вестник, 1999. – С. 14–17.

5.119. Шебанова, Н.А. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений в практике российских судов / Н.А. Шебанова // Труды Института государства и права РАН. – 2017. – № 1. – С. 22–43.

5.120. Шеповалова О.А. Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском экономическом союзе / О.А. Шеповалова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – № 1. – С. 81–89.

5.121. Шинкарецкая, Г.Г. Суд Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза // Международное правосудие. – 2012. – № 1. – С. 98-106.

5.122. Шпиндлер, А.А. Антисанкционное правовое регулирование в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект / А.А. Шпиндлер // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. – № 5А. – С. 65–76.

5.123. Щербакова, Л.Г. Признание и приведение в исполнение арбитражными судами Российской Федерации решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений // Оказание правовой помощи: российский и международный опыт: сб. статей. - М.: РПА Минюста России, 2013. – С. 160–169.

5.124. Экономический суд СНГ разъясняет, но не судит // URL https://www.dw.com/ru/экономический-суд-снг-разъясняет-но-не-судит/a-16074014 (дата обращения: 10.01.2025).

5.125. Энгельман, И.Е. Об исполнении иностранных судебных решений в России / И.Е. Энгельман // Журнал гражданского и уголовного права. – Кн. I. – 1884. – С. 75–121.

5.126. Энтин, М.Л. Взаимосвязь и взаимозависимость наднационального и национального судьи / М.Л. Энтин // Международное правосудие. – 2012. – № 1 (2). – С.61–-68.

5.127. Яблочков, Т.М. Курс международного гражданского процессуального права. Отд. V. Exequatur (исполнение решений иностранных судов) // Ярославль, 1909. – С. 169–212.

5.128. Янке, Б.В. Приведение в исполнение иностранных судебных решений о штрафных убытках во Франции после дела Fountaine Pajot / Бенджамин Вест Янке, Франсуа-Ксавье Ликари. - (Свободная трибуна) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 9. – С. 114–141.

5.129. Ярков, В.В. Киевское соглашение или Минская конвенция: проблемы соотношения при признании и приведении в исполнение решений судов государств СНГ по экономическим спорам / В.В. Ярков // Закон. – 2007. – № 11. – С. 133-140.

5.130. Ярков, В.В. О проекте Глобального кодекса принудительного исполнения / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – №. 12. – С. 55–61.

5.131. Ярков, В.В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами, почему бы и нет? / В.В. Ярков // Закон. – 2014. – № 8. – С. 86–89.

5.132. Яцук, Н.П. Европейский разворот в регулировании признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений в Российской Федерации / Н.П. Яцук // Научные записки молодых исследователей. – 2018. – № 5. – С. 50–58.

6. Библиография на английском языке

6.1. Arenas Garcia, R. Abolition of Exequatur: Problems and Solutions – Mutual Recognition, Mutual Trust and Recognition of Foreign Judgements: Too Many Words in the Sea. In: Bonomi, A. and G. P. Romano (eds.) // Yearbook of Private International Law. – 2010. Vol. XII. Lausanne: Swiss Institute of Comparative Law, Munich: Sellier European Law Publishers. – 2011. – P. 351–375.

6.2. Berman, P.S. Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders / P.S. Berman. - Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 344 p.

6.3. Born, G.B., Rutledge, P.B. International Civil Litigation in United States Courts / G.B. Born, P.B.Rutledge. – 6th ed. – New York: Wolters Kluwer, 2018. – 1272 p.

6.4. Briggs, A. Civil Jurisdiction and Judgments / A.Briggs. – 7th ed. – Routledge, 2021. – 1924 p.

6.5. Briggs, A. Private International Law in English Courts / A.Briggs. – Oxford: Oxford University Press, Oxford, 2014. – 1064 p.

6.6. Brownlie, J. Principles of public international law / J.Brownlie. – 5th ed. – New York: Oxford University Press Inc., – 1998. – 785 p.

6.7. Cavallar, G., The Rights of Strangers: Theories of International Hospitality, the Global Community, and Political Justice since Vitoria / G. Cavallar. – Aldershot/Burlington: Ashgate Publishing, 2002. - 421 p.

6.8. Choice of Law in International Commercial Contracts: Global Perspectives on the Hague Principles / D.Girsberger, T.Kadner Graziano and J.L. Neels, eds. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – 1376 p.

6.9. French, C.C. English Justice for an American Company?/ C.C.French // Texas Law Revue Online. – 2018. – № 97. https://core.ac.uk/reader/229653220

6.10. Gutteridge, H.C. Comparative law: An Introduction to the Comparative Method of Legal Studies, Comparative law and the Conflict of Laws / H.C.Gutteridge. - Cambridge University Press Archive, Cambridge,1946. – 208 p.

6.11. Hartley, T.C. Choice-of-Court Agreements under the European and International Instruments: the revised Brussels I Regulation, the Lugano Convention and the Hague Convention / T.C.Hartley. – Oxford Private International Law Series, Oxford University Press, Oxford, 2013. – 495 p.

6.12. Hess, B. The Unsuitability of the Lugano Convention (2007) to Serve as a Bridge between the UK and the EU after Brexit / B.Hess. – Max Planck Institute Luxemburg for Procedural Law, Research Paper Series. – 2018. – № 2. – 10 p.

6.13. Kenton, M., Hirst P., Advantages of International Commercial Arbitration / M.Kenton, P.Hirst // The International Comparative Legal Guide to: International Arbitration 2015. 12-th ed. London, 2015. – P. 20–23.

6.14. Kruger, T. Civil Jurisdiction Rules of the EU and Their Impact on Third States / T.Kruger. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. – 442 p.

6.15. Kuiperts, J.J. EU Law and Private International Law: The Interrelationship in Contractual Obligations/ J.J.Kuiperts. – Leiden:Martinus Nijhoff Publishers, 2012. – 384 p.

6.16. Legrand P. European legal systems are not converging / P.Legrand // International and Comparative Law Quarterly. –1996. – Vol. 45. – №.1. – P.52–81.

6.17. Lehmann M. From conflict of laws to global justice (theses) / M.Lehmann // New York: Columbia University. 2011. https://core.ac.uk/download/pdf/161437523.pdf. (дата обращения: 12 декабря 2024).

6.18. Lehmann, M. What's in a name? Grunkin-Paul and beyond / M.Lehmann // Yearbook of Private International Law, 2008. – № 10. – P.135-164.

6.19. Lehmann, M. Recognition as a Substitute for Conflict of Laws? / M.Lehmann // General Principles of European Private International Law'(Stefan Leible, ed., Kluwer Law International). 2015. – 44 p.

6.20. Mankowski, P., Magnus, U. Brussels I Regulation: European Commentaries on Private International Law / P.Mankowski, U.Magnus, - Munich: Sellier European Law Publishers, 2007. – 852 p.

6.21. Mann, F. A. The Doctrine of Jurisdiction in International Law / F.A.Mann. – in The Hague Academy Collected Courses Online/ Recueil des cours del\Acadèmie de la Haye en ligne, 1964. - Vol. 111 // https://referenceworks.brill.com/display/entries/HACO/A9789028614826-01.xml

6.22. Mann, F. A. Studies if International Law / F.A.Mann. – Oxford: Clarendon Press, 1973. – 717 p.

6.23. McEleavy, P., Cuniberti, G. The Liberalization of the French Law of Foreign Judgments / P.McEleavy, G.Cuniberti // International & Comparative Law Quarterly. – Vol. 56 – № 4. – P. 931–939.

6.24. Meessen, K.M. Extraterritorial Jurisdiction in Theory and Practice / K.M.Meessen, - London, The Hague, Boston: Kluwer Law International, 1996. – 252 p.

6.25. Michaels, R. Recognition and Enforcement of Foreign Judgment / R. Michaels // Max Plank Encyclopedia of Public International Law- New York: Oxford University Press. – 2009. – P. 1–13.

6.26. Pontier, J.A., Burg, E. EU principles on Jurisdiction and Enforcement of Judgment in Civil and Commercial Matters according to the case law of the European Court of Justice / J.A.Pontier, E.Burg // M.C. Asser Press, 2004. – 278 p.

6.27. Putnam, T. Courts without Borders: Law, Politics, and U.S. Extraterritoriality/ T.Putnam. – New York: Cambridge University Press, 2016. – 330 p.

6.28. Reydams, L. Universal Jurisdiction: International and Municipal Legal Perspectives / L.Reydams // New York Oxford: Oxford University Press Inc., 2003. – 258 p.

6.29. Rosenne, Sh. The Law and Practice of the International Court 1920-2005 (4 vols&) / Sh. Rosenne // Leiden, Boston: Martinus Nijhoff, 2006. – 1892 p.

6.30. Ryngaert, C. Jurisdiction in International Law / C. Ryngaert // Oxford: Oxford University Press, 2008. – 310 p.

6.31. Schmon, C. The Interconnection of the EU Regulations Brussels I Recast and Rome I Jurisdiction and Law / C.Schmon // Springer, 2002. - 144 p.

6.32. Shachar, A. Multicultural Jurisdictions: Cultural Differences and Women's Rights / A. Shachar // Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 193 p.

6.33. Staden, A.V. and Vollard, H. The Erosion of State Sovereignty: Towards a Post-Territorial World? in Gerard Kreijen et al. (eds.), State, Sovereignty, and International Governance // Oxford: Oxford University Press, 2002. – P.164–184.

6.34. The EU Succession Regulation. A Commentary Cambridge University Press, 2016. – P. 867 – 902.

6.35. Twinning W. General Jurisprudence: Understanding Law from a Global Perspective / W.Twinning. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 517 p.

6.36. Walsh J.W. The True Meaning of the Term «Jurisdiction» / J.W.Walsh // The American Law Register (1898-1907), Vol. 49, N. 6, Vol. 40. New Series. – 1901. – P. 346–356.

6.37. Zekoll J., Collins M., Rutherglen G. Transnational Civil Litigation / J. Zekoll, M. Collins, G. Rutherglen // West Academic Publishing, 2013. – 917 p.

7. Библиография на французском языке

7.1. Abraham, R. La France devant les juridictions européennes / R.Abraham // Pouvoirs: Revue d'Etudes Constitutionnelles et Politiques. – 2001. – № 1 (96). - P.143–160.

7.2. Allard, J., Van den Eynde L. Le dialogue des jurisprudences comme source du droit: Arguments entre idéalisation et scepticisme. In I. Haches (ed), Les sources du droit revisitées, normativités concurrentes / J.Allard, Eynde L. van den // Anthémis, 2013. – Vol 3. – 285 p.

7.3. Ancel, B. Les conflits de qualifications à l'épreuve de la donation entre époux / B.Ancel // Paris: Dalloz, 1977. – 601 p.

7.4. Ancel, B., Lequette, Y. Les grands arrêts de la jurisprudence française de droit international privé / B.Ancel, Y. Lequette // 5-ème édition. - Paris: Dalloz, 2006. – P. 70–78; 245–256; 263–283.

7.5. Audit, B., Avout, L.de. Droit international privé / B.Audit, L.de Avout // Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 2022. – 1301 p.

7.6. Audit, B., Bermann, G. A. The Application of Private International Norms to «Third Countries»: The Jurisdiction and Judgments Example' / B.Audit, G. Bermann // in Nuyts, A. and Watté, N. (eds), International Civil Litigation in Europe and Relations With Third States. Bruxelles, 2005.

7.7. Béchillon, D. De quelques incidences du contrôle de la conventionnalité internationale des lois par le juge ordinaire / D. Béchillon // Revue Française de Droit Administratif, 1998. – № 2. – P. 225–243.

7.8. Benoit-Rohmer, F. Identité européenne et identité nationale: absorption, complémentarité ou conflit / F. Benoit-Rohmer // Chemins d'Europe, Mélanges en l'honneur de Jean-Paul Jacqué, Dalloz, 2010. – P. 63–80.

7.9. Bureau, D. À propos du règlement Rome II : de la règle de conflit aux lois de police en passant par la transposition des directives / D. Bureau // Revue critique de droit international privé. – 2019. – № 2. – P. 557–571.

7.10. Burgorgue-Larsen, L. De l'internationalisation du Le dialogue des juges / L.Burgorgue-Larsen // in Le dialogue des juges: Mélanges en l'honneur du président Bruno Genevois, Dalloz-Sirey. – 2009. – P.95–130.

7.11. Canivet, G. Le droit communautaire et le juge national, in Le droit communautaire et métamorphoses du droit (dir D. Simon) / G. Canivet // - Presses Universitaires de Strasbourg, 2006. – 106 p.

7.12. Canivet, G. Cours suprêmes nationales et convention européenne des droits de l'homme: nouveau rôle ou bouleversement de l'ordre juridique interne? / G. Canivet // - Paris: Cour de Cassation, 2005. – № 5. – P. 3–5.

7.13. Canivet, G., Les influences croisées entre juridictions nationales et internationales. Éloge de la « bénévolance » des juges / G.Canivet // Revue des sciences criminelles et de droit compare. – 2005. – P. 799–817.

7.14. Chérot, J.-Y., Frydman, B. La Science du droit dans la globalization / J.-Y. Chérot, B.Frydman // Bruxelles, Bruylant, coll. Penser le droit, 2012. – 312 p.

7.15. Claeys, I. Les principes Unidroit relatifs aux contrats de commerce international et l'arbitrage : actes du colloque CEPANI du 24 mai 2011/ I. Claeys // De Unidroit-principes inzake internationale handelscontracten en arbitrage/ Bruxelles: Bruylant, 2011. – 224 p.

7.16. Condeé. L. Juges français et juges européens: un ou plusieurs corps et une ou plusieurs voix pour dire les règles communes ? / L. Condeé // In : Les désunions de la magistrature : (XIX-XX). – Toulouse: Presses de l'Université Toulouse 1 Capitole, 2012. – P. 485–546.

7.17. Costa, J-P. Le dialogue du juge avec lui-même / J-P. Costa // in Le dialogue des juges: Mélanges en l'honneur du président Bruno Genevois, Dalloz-Sirey. – 2009.

7.18. Cumyn, M., Samson, M. La méthodologie juridique en quête d'identité / M. Cumyn, M. Samson // Revue interdisciplinaire d'études juridiques.- 2013. – Vol. 71. – № 2. – P. 1–42.

7.19. David, R., Jauffre-Spinosi, C. Les grands systèmes de droit contemporains / R., David, C.Jauffre-Spinosi. – 11-e ed. - Précis Dalloz, 2002. – 600 p.

7.20. Dubos, O.V. Les juridictions nationales, juge communautaire. Contribution à l'étude des transformations de la function juridictionnelle dans les États membres de l'Union européenne/ O. Dubos // Nouvelle bibliothèque des thèses, Dalloz, 2001. – 1015 p.

7.21. Fauvarque-Cosson, B. Le choix d'un instrument optionnel en droit européen des contrats / B.Fauvarque-Cosson // Le règlement communautaire «Rome I» et le choix de loi dans les contrats internationaux. – 2011. – P. 137–165.

7.22. Flauss, J.-F. Dualité des ordres de juridiction et convention européenne des droits de l'homme, in Gouverner, administrer, juger / J.-F. Flauss. - Liber amicorum Jean Waline, Dalloz, 2002. – P. 523-546.

7.23. Frydman, B. Le dialogue international des juges et la perspective idéale d'une justice universelle / B.Frydman // in Le Dialogue des juges, Bruxelles, Bruylant, coll. coll. Les cahiers de l'Institut d'Études sur la Justice, 2007. – P. 147-166.

7.24. Gaïa, P. Le contrôle de conventionnalité / P. Gaïa // Revue française de droit constitutionnel. – 2008. – № 5. – P. 201–207.

7.25. Gambaro, A., Sacco, R., Vogel, L. Traité de droit comparé. Le droit de l'occident et d'ailleurs/ A.Gambaro, R.Sacco, L.Vogel // Paris: Librairie Génerale de Droit et de Jurisprudence, 2011. – 480 p.

7.26. Garapon, A. Quelles sont les limites à l'interprétation évolutive de la convention ? / A.Garapon // In Dialogue entre juges, Cour européenne des droits de l'homme. Conseil de l'Europe, 2011, Séminaire // https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Dialogue_2011_FRA (дата обращения: 12 декабря 2024).

7.27. Gaudemet-Tallon, H. Compétence et execution des jugements en Europe, Règlement № 44/2001, Conventions de Bruxelles et de Lugano / H.Gaudemet-Tallon / 3rd edn., Librairie générale de droit et de jurisprudence. – Paris 2002. – 563 p.

7.28. Gaver, M. La concurrence internationale des jurisdictions nationale / M.Gaver // Le Mond. – 2018. – 30 novembre: https://www.lemonde.fr/idees/article/2018/11/30/le… (дата обращения: 12 декабря 2024).

7.29. Grossi, P. L'Europe du droit / P. Grossi // Paris: Édition du Seuil, 2011. – 290 p.

7.30. Guiot, F.-V. Le dialogue des juges et la qualité de la norme: jeu et enjeu du dialogue dans l'espace normatif européen / F.-V. Guiot // In E. Bonis-Garçon et V. Malabat (dir.), La qualité de la norme. – Paris: Mare & Martin, 2016. – P. 369 –381.

7.31. Guyomar, M. Le dialogue des jurisprudences entre le Conseil d'État et la Cour de Strasbourg : appropriation, anticipation, emancipation / M.Guyomar // La conscience des droits, Mélanges en honneur de Jean-Paul Costa, Dalloz, 2011. – 311–320.

7.32. Jamot, D. Annuaire des engagements internationaux ayant fait l'objet d'une loi d'autorisation sous la Ve République / D.Jamot // L'Harmattan, 2019. – 426 p.

7.33. Krings, E. L'opportunité de juridictions supranationales pour l'interprétation des lois uniformes / E. Krings // Revue de droit uniforme. – 1998. – № 2/3. – P. 525–534.

7.35. Krynen, J. L'État de justice. France, XIIIe-XXe siècle / J.Krynen // Tome II. L'emprise contemporaine des juges, Paris, Éditions Gallimard, Collection Bibliothèque des histoires, 2012. – P. 192–194.

7.36. Krynen, J. Raibaut J., La légitimité des juges / J.Krynen, J.Raibaut // Toulouse, Presses de l'Université des sciences sociales de Toulouse, coll. «Mutation des normes juridiques», 2004. – 224 p.

7.37. Lagarde, P. La reconnaissance des situations en droit international privé / P.Lagarde (dir.) // Actes du colloque international de La Haye du 18 janvier 2013. – 238 p.

7.38. Laïdi, Z. La norme sans la force – L'énigme de la puissance européenne / Z. Laïdi // Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, coll. Nouveaux débats, 2005. – 250 p.

7.39. Lamy, B. Dialogue des juges: cadre, enjeux et perplexité / B.Lamy // https://publications.ut-capitole.fr/id/eprint/22147/1/deLamy_22147pdf.pdf (дата обращения: 12 декабря 2024).

7.40. Lasserre, M.-C., « L'introduction de l'instance en divorce », in L. Antonini-Cochin et M.-C. Lasserre (dir.), Le divorce du xxie siècle, Revue Lexsociété 2022, Univ. Côte d'Azur. P.16 // https://hal.science/hal-03518386

7.41. Latour X. L'indépendance, élément de la légitimité du juge administratif français. Les juridictions au cœur des interactions sociales. Approcht franco-russe / X.Latour // L'Harmattan, 2021. – P. 55–69.

7.42. Lazaud, F. L'exécution par la France des arrêts de la Cour européenne des droits de l'homme / F.Lazaud // Presses universitaires d'Aix-Marseille, 2006. – 625 p.

7.43. Le dialogue des juges: mélanges en l'honneur du président Bruno Genevois. Dalloz, 2009. – 1166 p.

7.44. Lecourt, R. L'Europe des Juges / R. Lecourt // Bruxelles: Bruylant, 2008. – 328 p.

7.45. Legrand, P. Le droit compare / P. Legrand // Presses Universitaires de France, Que sais-je? 2018. – 128 p.

7.46. Lehmann, P.E. Réflexions sur la nature de l'Union européenne à partir du respect de l'identité nationale des Etats members / P.E.Lehmann // Thèse, Université de Lorraine, 2013. – 651 p.

7.48. Löhrer, D. La protection non juridictionnelle des droits fondamentaux en droit constitutionnel comparé – L'exemple de l'ombudsman spécialisé portugais, espagnol et français [Résumé de thèse] / D.Löhrer // Revue des droits et libertés fondamentaux. – 2014. – № 3. revuedlf.com/theses/la-protection-non-juridictionnelle-des-droits-fondamentaux-en-droit-constitutionnel-compare-lexemple-de-lombudsman-specialise-portugais-espagnol-et-francais-resume-de-the/

7.48. Loussouam, Y. L'evolution de l régle de conflir de lois / Y.Loussouam // In: Droit international privé: travaux du Comité français de droit international privé, hors-série. - Journée du Cinquantenaire. – 1988. – P. 79–103.

7.49. Manin, P. Les effets des juridictions européennes sur les juridictions françaises / P. Manin // Pouvoirs: Revue d'Etudes Constitutionnelles et Politiques. – 2001/1. – № 96. – P. 51–64.

7.50. Mayer, P. La sentence contraire a l'ordre public au fond / P. Mayer // Revue de l'arbitrage. – 1994. – № 29.

7.51. Mayer, P. Le droit international privé et droit international public sous l'angle de la norion de compétence / P. Mayer // Revue critique de droit international privé. – 1979. – P. 1–29, 349–388, 537–583.

7.52. Melleray, F. L'argument de droit comparé en droit administratif français / F.Melleray // Bruxelles: Bruylant, 2007. – 374 p.

7.53. Montalivet, P. QPC et «dialogue entre les juges» / P. Montalivet // Revue français de droit constitutionnelles et Politiques. – 2018. – № 4 (116). – P.919–932.

7.54. Muir Watt H. La function de la régle de conflit de lois / H.Muir Watt [Thèse]// Paris: Université Paris II, 1985. – 696 p.

7.55. Pierré-Caps, S. Droits constitutionnels étrangers/ S.Pierré-Caps // Paris: Presses Universitaires de France, 2010. – 251 p.

7.56. Potvin-Solis, L. Le concept de dialogue entre les juges en Europe / in F. Lichere, L. Potvin-Solis, et A. Raynouard (dir.), Le dialogue entre les juges européens et nationaux: incantation ou réalité ? // Bruxelles: Bruylant, Nemesis. – 2004. – P. 1–58.

7.57. Roblot-Troizier, A. L'articulation des sources de protection des droits fondamentaux en France » / A. Roblot-Troizier // Les droits fondamentaux : charnières entre ordres et systèmes juridiques, dir. E. Dubout et S. Touzé, Pedone, 2010. – P. 233–257.

7.58. Stirn, B. Juridictions nationales et cours européenne / B.Stirn // In Indépendance (s), Études offertes au Professeur Jean-Louis Autin, Presses de la Faculté de Montpellier. – 2011. – Vol. 2.

7.59. Taylor, C. L'interprétation et les sciences de l'homme, in La liberté des modernes / C.Taylor // Paris: Presses Universitaires de France. – 1987. – 320 p.

7.60. Thiesse A.M. La création des identités nationales: Europe XVIIIe - XXe s. / A.M. Thiesse // Paris, éd. du Seuil, 1999. – 302 p.

7.61. Ubeda de Torres, F., Bribosia, E. Dialogue entre la Cour européenne des droits de l'homme et les cours nationales : regards croisés » (partie I, Amya Ubeda de Torres, «Un dialogue sous l'influence de la Cour européenne des droits de l'homme»; partie II, Emmanuelle Bribosia, « Un dialogue sous l'influence des terreaux juridiques nationaux» / F.Ubeda de Torres, E.Bribosia // in L'Europe des cours, loyautés et résistances, sous la direction de E.Bribosia, L.Scheeck, A.Ubeda de Torres. – Bruxelles: Bruylant, 2010.

7.62. Vanderlinden, J. Les conflicts de lois / J. Vanderlinden // Bruxelles: Bruylant, – 2010. – Vol. 22.

7.63. Vareilles-Sommieres, P. La sentence arbitrale étrangère contraire à une loi d'ordre public du for / Vareilles-Sommieres // Journal du droit international. – 2014. – Vol. 141. – № 3. – P. 813–829.

7.64. Vareilles-Sommieres, P. Le juge de l'exequatur du jugement d'adoption n'est pas juge de l'adoption / P. Vareilles-Sommieres // Revue critique de droit international prive. – 2016. – № 16–23. – P. 560–568.

7.65. Vareilles-Sommieres, P., Laval, S. Droit international privé / P.Vareilles-Sommieres, S.Laval // Paris: Dalloz, 2023. – 1359 p.